

Библиотека
«Музей книги»

М.С. Судовиков

Губерния Вятская

исторические очерки

63.3(2Р-4 кир)
с 89

Библиотека
«Музей книги»

Михаил Сергеевич Судовиков

К 210-летию со времени образования
Вятской губернии

Губерния Вятская

исторические очерки

АБОНЕМЕНТ

ПРОВЕРЕНО
VIII 88

ПРОВЕРЕНО
VII 02

Т

018423

ПРОВЕРЕНО
XI 13

Муниципальное учреждение
"Библиотека
для детей и юношества
Альберта Лихачева"
610002, г. Киров, ул. Орловская, 17а

Осн. в 1994 г.

Киров (Вятка)
2006 г.

ББК 63.3(2Рос – 4Кир)
С 89

С 89 **Губерния Вятская .**

Судовиков М.С. Губерния Вятская: исторические очерки. – Киров: Издательство «Экспресс», 2006. – 128 с.

В книге рассказывается о многих малоизвестных эпизодах из истории Вятской земли XVIII – начала XX века. В центре внимания – люди, события политической, экономической, культурной жизни региона. Издание содержит редкие фотографии и иллюстративные материалы. Предназначено для широкого круга читателей.

ISBN 5-88786-014-6

© Судовиков М.С.

© Оформление. Издательство «Экспресс», 2006 г.

От автора.....	4
Раздел I. Территория и власть	
Родословная территории.....	6
Вятские губернаторы.....	12
Из истории вятского самоуправления.....	22
Раздел II. Эпоха капитализма на Вятской земле (1860-70-е гг. – 1917 г.)	
Население и экономическое развитие.....	31
Предпринимательские династии.....	40
Прозоровы.....	40
Пастуховы.....	43
Кардаковы.....	46
Тихон Булычев глазами современника.....	48
Вахрушевы.....	51
Благодетельность и меценатство.....	56
Раздел III. Политика и вятское общество	
Вятская ссылка.....	64
Земские либералы.....	70
Черные дни 1905 года.....	74
Вятские люди: от Земских Соборов к Государственной Думе.....	82
Раздел IV. Мозаика вятской культуры	
Вятские школы.....	87
Хранители старины.....	92
Из провинциальной мемуаристики.....	96
Вятские достопримечательности.....	105
Кафедральный собор.....	105
Успенский Трифонов монастырь.....	106
Спасский собор.....	107
Александровский собор.....	108
Вятская публичная библиотека им. императора Николая I и музей.....	109
Губернаторский дом.....	110
Александровский сад.....	110
Памятник Александру III.....	111
Особняк Т.Ф. Булычева.....	112
Заключительное слово.....	113
Из хроники губернской жизни.....	114
Примечания.....	118
Издатель об авторе... ..	124
... и о книге.....	126
Страничка библиофила.....	127
Страничка читателя.....	128

ОТ АВТОРА

Книга, которую вы держите в руках, посвящена истории Вятской земли. Прошлое этого древнего края изучалось многими исследователями, начиная еще с дореволюционного времени, но тем не менее оно настолько изобилует богатым фактическим материалом, что каждый раз обнаруживается в нем немало забытого и актуального.

В нашем издании повествуется об одном из интересных и ярких периодов в истории Вятки – губернском. В 1796 г., когда была создана Вятская губерния, объединившая обширные земли на северо-востоке Европейской России, появился регион, не утративший своей самобытности и постепенно вбиравший в себя черты новой исторической эпохи, рожденной в годы правления Петра Великого.

С XVIII в. и до переломного 1917 г. в Вятской губернии произошли большие изменения – более быстрыми темпами развивались промышленность и торговля, открылись новые органы местного самоуправления – городские думы и земства, росли численность и благосостояние населения, преобразались вятские города. На рубеже XIX – XX вв. в регионе насчитывалось более 700 промышленных предприятий, была построена железная дорога, соединявшая Вятку с центральным регионом, Уралом и Сибирью. В городах появились красивые каменные постройки, в губернском центре работали электростанция и водопровод, действовали театр и музеи, имелись гимназии, библиотеки, в 1914 г. открылся Учительский институт. Это уже не был захолустный, Богом забытый край, каким он виделся ссыльным А.И. Герцену и М.Е. Салтыкову-Щедрину, хотя социально-экономическое развитие региона ввиду многих причин по-прежнему оставалось проблемным.

В губернский период о Вятском крае и его людях знала вся Россия и не только. Вспомним хотя бы тот факт, что слободской купец Ксенофонт Анфилов, отправивший в 1806 г. два корабля к берегам Северной Америки, стоял у истоков русско-американских торговых отношений. А сколько было крупных политиков и общественных деятелей, литераторов и художников, композиторов, чья жизнь связана с Вятской губернией!

Замысел книги заключается в попытке рассмотреть историю региона в ее развитии и многогранности. Вниманию читателей предлагаются очерки, освещающие различные стороны губернской жизни. Здесь повествуется о том, как рождалась территория Вятской губернии, кто управлял краем с момента образования губернии до 1917 г., какими личностями были и какой след в истории региона оставили вятские губернаторы. В книге рассказывается о работе органов местного самоуправления, о людях, которым вятчане доверяли службу в этих учреждениях.

Много внимания уделяется истории Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. – эпохе бурного развития капиталистических отношений, времени расцвета благотворительности, меценатства и возрастания политической активности населения. Перед глазами читателя пройдет вереница исторических событий и персонажей того периода. В числе последних и предпринимательские династии Прозоровых, Пастуховых, Кардаковых, Булычевых, Вахрушевых, и видные земцы – М.М. Синцов, П.И. Колотов, А.П. Батюев, и депутаты Государственной Думы от Вятской губернии.

В основу очерков положены в основном документальные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (г.Петербург), Государственном архиве Российской Федерации (г.Москва), Государственном архиве Кировской области и библиотечных фондах. Особую благодарность хочется выразить сотрудникам краеведческого отдела Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена, чей профессионализм и чуткое отношение к исследователям помогают преодолеть многие трудности, связанные с поиском необходимых сведений. Большое спасибо за добрые слова поддержки при подготовке книги моим друзьям, коллегам и единомышленникам.

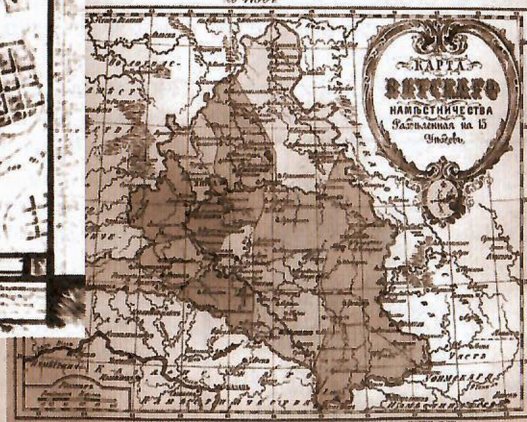
Издание будет интересно как историкам, краоведам, так и всем, кому дорога память о прошлом Вятского края. Занимательного вам чтения!

РАЗДЕЛ I

ТЕРРИТОРИЯ И ВЛАСТЬ

с. карты Императорского Высочайшего повеления
Империи, изданные в 1870 г. в Императорском Географическом Институте

Родословная территории

Любое территориальное образование вне зависимости от того, каким путем оно создавалось, является носителем определенных культурно-исторических традиций, складывавшихся под влиянием многих факторов. Самобытность того или иного региона или государства в целом определяется их общественно-политическим устройством, культурными и религиозными особенностями, природно-географической средой. Территориальная масштабность России, многонациональный состав населения

Народная женская одежда
ВЕЛИКОРОССЫ
Вятской и Пермской
губерний.

предопределили разнообразие и богатство историко-культурных особенностей ее регионов.

Согласно первой всеобщей переписи населения Российской Империи, проводившейся в 1897 г., в Европейской части страны одной из самых обширных территорий была Вятская губерния. Об этой северо-восточной со славянским, тюркским и угрофинским населением земле писали многие авторы. Дипломаты XVI – начала XVIII в. Сигизмунд Герберштейн и Петр

Княжество Вятка – большая страна, очень изобильная медом, дичью и рыбою; можно поставить ее наряду с самыми лучшими краями.

Дипломат Петр Петрей

Я давно имел желание обозреть лично ваш край, доволен своею поездкою. Вятка есть один из лучших губернских городов.

Император Александр I

Петрей называли ее «областью», «страной», «княжеством» и много внимания уделяли географическому описанию местности¹. «Во нравах, в жизни и в самом языке обитателей Вятской провинции отмечается все, что слышим мы по преданиям о нравах древних славян, обитавших в новгородских пределах. Остатки простоты того времени, изображающей нам приятное добронравие отцов наших, сохранены между вятчанами более всех других потомков сего народа», – писал капитан Н.П. Рычков, путешествовавший с академиком Палласом в царствование Екатерины II².

Интересные записки о Вятке оставил преосвященный Никодим Казанский (1803 – 1874), называвший этот регион «мужицким царством», поскольку здесь проживали почти «одни крестьяне»³. Последние сохраняли «древний кочующий дух», проявлявшийся в склонности жить небольшими селениями, в склонности к переселенчеству, что, по мнению автора, делало вятчан нелюдимыми и невежественными. Никодим писал о своеволии, упрямстве, грубости и простоте нравов местных жителей, подчеркивал, что вятчанам «приказывать нельзя, надо умолять», «вятский мужик заплатит государственную подать и делается паном», «вятский мужик всегда сыт, даже богат, одни бездельники бедны». Схожие характеристики встречаются в работах вятских этнографов⁴. Как же складывалась территория с таким необычным населением?

Первоначально в состав региона входили земли, расположенные в бассейне реки Вятки, в северной его части. Это был исторический центр края, где находились древ-

Губерния Вятская

ства территорий, то есть во многом оно носило искусственный характер. Вятский край традиционно тяготел к северным землям и Поволжью, с которыми был связан давними торговыми отношениями. Впрочем, и в управленческом плане отдаленность Вятки от губернского города Тобольска сказывалась негативно: важные дела решались медленно, надзор за территорией был ослаблен. Все это осознавалось правительством, и в послепетровское время, в 1727 г., происходят новые изменения. Вопрос о судьбе Вятской провинции обсуждался на нескольких заседаниях Верховного тайного совета – высшего правительственного органа страны. В конечном итоге последовал указ от 29 апреля 1727 г., в котором говорилось: «Сибирской губернии провинции Вятскую и Соликамскую... приписать к Казанской губернии и ведать оные провинции губернатору Казанскому»⁸. Вятская земля, таким образом, становится теперь уже северной окраиной другой, Казанской губернии, состоящей из шести провинций.

Провинциями в России управляли воеводы, обладавшие административно-полицейскими, финансовыми, военными и судебными полномочиями. Воеводами обычно становились «уволненные от военной службы» лица дворянского происхождения. Срок полномочий по этой должности определялся двумя годами, но иногда он продлевался. В декабре 1744 г. было разрешено вятскому провинциальному воеводе А.С. Писареву остаться на следующий срок, поскольку об этом ходатайствовали местные жители⁹. Однако в 1745 г. он вынужден был все-таки оставить свою должность по

причине ссоры с епископом Варлаамом. Неприязнь, существовавшая между ними, вылилась в словесную перепалку и завершилась дракой, после чего воевода и епископ были вызваны к ответу в Петербург. После выяснения всех обстоятельств А.С. Писарев был отправлен «на вечное житье в деревнях своих», а Варлаам получил новое назначение.

Следующим, весьма значительным в истории России этапом административных преобразований стало время правления Екатерины II (1762 – 1796), которую Н.М. Карамзин называл «истинною преемницею величия Петра и второю преобразовательницею новой России». После подавления крестьянского восстания Е.И. Пугачева, которое показало, что местные власти не в силах решительно, эффективно противостоять бунтовщикам, правительство проводит областную реформу 1775 – 1785 гг. Перед открытием в 1780 г. Вятского наместничества провинция

Обыкновенно знаменъ на пласть города Хлынова.

- А. Хлыновъ.
- В. Торговая площадь.
- Б. Земельный городъ, или посады.
- Г. Женский монастырь.
- Д. Мужской монастырь.
- Е. Воскресенская церковь.
- Ж. Владимирская —
- В. Монастырская —
- И. Успенская —
- Л. Никольская —
- К. Димитриевая —
- А. Хлыновская —
- М. Витгенштейнъ.
- а. дер. Шенниковой.
- б. городища.
- в. дер. Шенниковой (Шенниковой).
- г. — Амановской.
- д. — Салатинъ Кабынина.
- 1. Владимирский соборъ.
- 2. Золотой —
- 3. Земельный наслъ.
- 4. Монастырская башня.
- 5. Воскресенский соборъ.
- 6. Монастырский —
- 7. Спасенный —
- 8. Воскресенская церковь.
- 9. Воскресенский соборъ.
- 10. Казанская церковь.
- 11. Покровский —
- 12. Царский —
- 13. Предтеченский —
- 14. Воскресенский —
- 15. Владимирская —
- 16. Стефановская —
- 17. Провинциальная Канцелярия.
- 18. Истинная церковь.

Планъ города Хлынова

ГЕРБЫ УЕЗДОВ

ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Вятского

► Гербы вятских уездов.
Высочайше утверждены
28 мая 1781 г. ▼

◄ Герб Вятской губернии.
Высочайше утвержден 8 декабря 1856 г.

Описание герба: «В золотом поле выходящая вправо из лазуревых облаков в червлёной одежде рука, держащая червлёный же натянутый лук со стрелою, в правом углу червлёный с шариками крест. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединёнными Андреевскою лентою».

Котельничского

Нолинского

Малмыжского

Сарапульского

Елабужского

Царевосанчурского

Орловского

Слободского

Яранского

Уржумского

Глазовского

Кайского

Губерния Вятская

Ведомость о численности жителей Вятского наместничества. 1782 г.

Император Павел I

делилась на три уезда: Хлыновский, Слободской, Котельничский и насчитывала пять городов: Хлынов, Слободской, Котельнич, Орлов и Кайгород. По указу от 11 сентября 1780 г. территория региона заметно расширялась в юго-восточном направлении. В нем насчитывалось уже 13 округов (уездов) – Вятский, Слободской, Котельничский, Орловский, Кайгородский, Глазовский, Нолинский, Яранский, Царевосанчурский, Уржумский, Малмыжский, Елабужский и Сарапульский и столько же городов¹⁰. В целом же в России шел процесс разукрупнения территорий: вместо 23 дореформенных губерний их число увеличилось до 50. В указе от 11 сентября также говорилось: «Городу Хлынову, переименовав оный Вяткою, быть губернским...»¹¹. Вятское наместничество вместе с Костромским и Нижегородским стало составной частью генерал-губернаторства с центром в г. Нижнем Новгороде. Наместничество возглавлялось правителем, а последний, в свою очередь, подчинялся генерал-губернатору.

Первым правителем Вятского наместничества стал генерал-майор Степан Данилович Жихарев, назначенный из нижегородского полка «по именному Высочайшему указу». Жихареву было определено жалованье в размере 1800 рублей в год и пожаловано 600 душ крестьян. В декабре 1780 г. в торжественной обстановке с пушечными выстрелами, парадным обедом, маскарадом и молебствием, как было принято в те времена, в присутствии генерал-губер-

натора А.А. Ступишина состоялось открытие Вятского наместничества и новых административных учреждений (присутственных мест)¹². В оде, составленной семинаристами по случаю открытия Вятского наместничества, говорилось:

«Она [Екатерина] Россию озарила,
Уставы новы учредила,
И дальня Вятка вся теперь
Сладчайшу чувствует премену,
Себя зря счастьем возвышенну,
Цветя ликует выше мер»¹³.

В январе 1783 г., после ухода А.А. Ступишина «за болезнию» в отставку, Вятское наместничество перешло в ведение казанского генерал-губернатора П.С. Мещерского. Казанское генерал-губернаторство состояло из двух наместничеств – Казанского и Вятского.

Существование в России новых территориальных образований узаконивалось соответствующей символикой. В мае 1781 г. Екатерина II утверждает проект гербов городов Вятского наместничества. В докладе Сената говорилось: «При сочинении оных за правило поставлено, чтоб во всяком гербе Вятского наместничества в щите была часть герба наместнического города...». Герб губернского города имел следующий вид: «В золотом поле из облака выходящая рука, держащая натяннутый лук со стрелою, а над ней в верхней части щита крест красный»¹⁴. Императрица поставила резолюцию: «Быть по сему».

При Екатерине II окончательно складываются административные границы Вятско-Камского региона. Последним аккордом в этом процессе стал указ, вышедший 12 декабря 1796 г. при Павле I: «Повелеваем отныне впредь состоять нижеписанным губерниям... Вятской»¹⁵. Вятское наместничество получает статус губернии – новой территориальной единицы. На этот период здесь проживало около миллиона человек.

ВЕДОМОСТЬ

о числе жителей в городах и селениях Вятского наместничества по 4-й ревизии 1782 года.

НАЗВАНИЕ ГОРОДОВ.	Число душ в городах.					В селениях наместничества.																			
	Всего.	Муж.	Жен.	Дети.	Итого.	Всего.	Муж.	Жен.	Дети.	Итого.	Всего.	Муж.	Жен.	Дети.	Итого.	Всего.	Муж.	Жен.	Дети.	Итого.	Всего.	Муж.	Жен.	Дети.	Итого.
1. Вятка	210	170	22	45	21	101	170	22	45	21	101	170	22	45	21	101	170	22	45	21	101	170	22	45	21
2. Слободской	106	89	13	50	—	32	106	89	13	50	—	32	106	89	13	50	—	32	106	89	13	50	—	32	106
3. Кайгород	14	12	—	4	—	—	14	12	—	4	—	—	14	12	—	4	—	—	14	12	—	4	—	—	14
4. Глазов	2	1	—	—	1	237	2	1	—	1	237	2	1	—	1	237	2	1	—	1	237	2	1	—	1
5. Малмыж	—	—	—	—	—	161	2	—	—	2	161	2	—	—	2	161	2	—	—	2	161	2	—	—	2
6. Сарапул	12	22	39	151	—	—	12	22	39	151	—	—	12	22	39	151	—	—	12	22	39	151	—	—	12
7. Елабуга	—	476	10	142	—	—	—	476	10	142	—	—	—	476	10	142	—	—	—	476	10	142	—	—	—
8. Кильмезь	—	—	11	1035	—	—	—	—	11	1035	—	—	—	—	11	1035	—	—	—	—	1035	—	—	—	—
9. Орлов	8	—	46	—	1081	—	8	—	46	—	1081	—	8	—	46	—	1081	—	8	—	46	—	—	—	1081
10. Яранск	87	372	3	—	—	—	87	372	3	—	—	—	87	372	3	—	—	—	87	372	3	—	—	—	—
11. Царевосанчур	23	178	7	46	84	4	23	178	7	46	84	4	23	178	7	46	84	4	23	178	7	46	84	4	23
12. Уржум	12	265	2	63	—	—	12	265	2	63	—	—	12	265	2	63	—	—	12	265	2	63	—	—	—
13. Дзержинский	2	354	1	—	—	—	2	354	1	—	—	—	2	354	1	—	—	—	2	354	1	—	—	—	—
Итого	426	1186	106	102	210	214	246	418	581	1300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

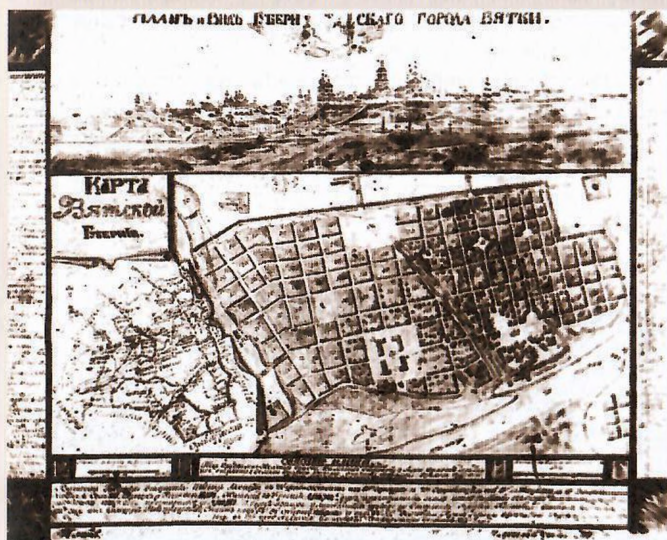
В селениях наместничества по ревизии, по количеству жителей, числится: дворян 10, помещиков 12, дворян 12, помещ

▼ Вид г.Вятки и Вятской губернии

В 1797 г. на Вятке, согласно царским положениям, появилось и новое должностное лицо – губернатор. Первым вятским губернатором стал Сергей Никитич Зиновьев, бывший правитель Вятского наместничества. Родом он был из дворян, имел воинские чины¹⁶. Главами уездных администраций являлись капитан-исправники.

На карте Вятской губернии сначала было 10 уездных – Вятка, Слободской, Котельнич, Уржум, Орлов, Яранск, Глазов, Елабуга, Сарапул, Нолинск и три заштатных города – Малмыж, Царевосанчурск, Кай. В 1816 г. Малмыж получает статус уездного города, а г.Кай в 1854 г. становится селом. Со второй половины XIX в. в губернии насчитывалось 11 уездов и 12 городов (11 уездных, 1 заштатный). Вятская губерния граничила на севере с Вологодской губернией, на юге и юго-востоке – с Казанской и Уфимской губерниями, на западе и юго-западе – с Костромской и Нижегородской, на востоке – с Пермской губернией.

Территориальная целостность Вятского края обеспечивалась и церковным управлением. Решение об учреждении на Вятке епархии принимается во времена патриарха Никона на церковном соборе 1657 г. В соборном деянии указывалось, что страна Вятка находится вдали от «царствующего града Москвы» и ее территория «мно-

▼ Карта Вятского наместничества

гочеловечна»¹⁷. В состав новой епархии первоначально входила и Пермь Великая, поэтому епархия именовалась Вятской и Великопермской. После учреждения в конце XVIII в. Пермской епархии местные архиереи стали именоваться епископами Вятскими и Слободскими. В губернский период в Вятской епархии насчитывалось свыше 500 приходов. Ее крупнейшими духовными центрами являлись Кафедральный (Свято-Троицкий) собор и Успенский Трифонов мужской монастырь, основанный еще по грамоте Ивана Грозного 1580 г.

Как видим, территория Вятской губернии складывалась главным образом двумя путями: естественным, или историческим – на ранних этапах истории, в более позднее время, в новый период – административным, или реформаторским. После петровских и екатерининских реформ этот регион занимал территорию, соединявшую Русский Север и центральную часть России с Уралом и Сибирью. Географическое расположение местности, многонациональный состав населения, богатые «вольничьи» традиции, суровые природно-климатические условия и определили специфику менталитета вятчан, объединивших в себе черты различных культур.

ВЯТСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Впервые в истории России должность губернатора появилась в петровский период. С учреждением в 1796 г. Вятской губернии эта должность появилась и здесь.

В руках губернаторов, являвшихся ключевыми фигурами в местном управлении, сосредотачивались весьма широкие полномочия административной, полицейской, финансово-хозяйственной направленности. Свои управленческие функции они реализовывали через губернское правление – главное административное учреждение на местах и собственные канцелярии. Губернаторы руководили работой множества коллегиальных учреждений – различных присутствий, комиссий, комитетов. В состав губернского правления, помимо губернатора, входили вице-губернатор, советники, губернский инженер, губернский архитектор, врачебный инспектор, ассесор.

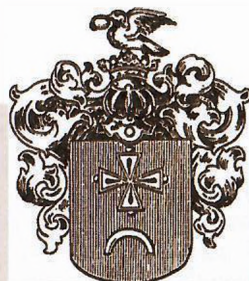
С возникновением в годы правления Александра I (1801-1825) министерской системы центрального управления губернаторы подчинялись министерству внутренних дел. В течение XIX в. в связи с ростом в стране оппозиционного движения полномочия губернаторов расширялись, прежде всего в отношении надзора за местной общественно-политической жизнью.

Итак, кто же руководил огромной территорией на северо-востоке Европейской части России – Вятской губернией с момента ее образования, с 1796 г., по революционный 1917 г., т.е. в течение 120 лет. Вот эти лица:

годы губернаторства

Зиновьев Сергей Никитич	1796-1798
Тютчев Степан Богданович	1798-1800
Латышев Алексей Семенович	1800-1802
Рунич Павел Степанович	1802-1804
Болгарский Василий Иванович	1804-1808
фон-Брадке Федор Иванович	1808-1816
Добринский Павел Михайлович	1816-1824
Рыхлевский Андрей Иванович	1824-1830
Ренкевич Ефим Ефимович	1830-1834
Тюфяев Кирилл Яковлевич	1834-1837
Корнилов Александр Алексеевич	1837-1838
Хомутов Иван Петрович	1838-1840
Мордвинов Александр Николаевич	1840-1843
Середа Аким Иванович	1843-1851
Семенов Николай Николаевич	1851-1857
Муравьев Николай Михайлович	1857-1859
Клингенберг Михаил Карлович	1859-1863
Струков Владимир Николаевич	1863-1866
Компанейщиков Николай Васильевич	1866-1869
Чарыков Валерий Иванович	1869-1875
Тройницкий Николай Александрович	1876-1882
Волков Аполлон Николаевич	1882-1887
Анисьин Алексей Федорович	1887-1894
Трепов Федор Федорович	1894-1896
Клингенберг Николай Михайлович	1896-1901
Хомутов Павел Федорович	1902-1904
Левченко Александр Георгиевич	1905-1906
Горчаков Сергей Дмитриевич	1906-1909
Камышанский Петр Константинович	1909-1910
Страховский Иван Михайлович	1910-1914
Чернявский Андрей Гаврилович	1914-1915
Руднев Николай Андреевич	1915-1917

Герб дворян Зиновьевых

Герб дворян Муравьевых

Фамилии некоторых вятских губернаторов были широко известны в России, поскольку на губернаторские должности зачастую назначались выходцы из княжеских и родовитых дворянских семей. Предки многих из них верой и правдой служили царю и Отечеству, защищали страну во время смут и войн. Например, династия губернатора С.Б. Тютчева восходила к XIV в., а ее родоначальник – Захарий Тютчев – участвовал в Куликовской битве.

Н.М. Муравьев принадлежал к графскому и дворянскому роду, давшему немало ярких государственных, военных и общественных деятелей. Его отец, Михаил Николаевич Муравьев, являлся участником Отечественной войны 1812 г., был ранен в Бородинском сражении, участвовал в зарубежных походах русской армии 1813 – 1814 гг. В 1810-е гг. М.Н. Муравьев был членом тайных обществ, поначалу разделял взгляды декабристов, но позже отошел от этого движения, был губернатором, в 1842 г. назначен сенатором, а в 1856 г. – членом Государственного Совета, был министром государственных имуществ, в 1863 – 1865 гг. – генерал-губернатором Северо-Западного края. Родным братом Михаила Николаевича являлся декабрист Александр Муравьев.

С.Д. Горчаков был представителем старинного княжеского рода. Его близкие и дальние родственники давно занимали видное место на гражданской и военной службе. Горчаковы ходили в стольниках, назначались воеводами, главнокомандующими и начальниками Главного штаба русской армии, наместниками Царства Польского, членами Государственного Совета. Одно имя Александра Михайловича Горчакова (1798 – 1883) – министра иностранных дел в царствование Александра II – говорило о многом. Горчаковы были в родстве с А.В. Суворовым, П.А. Столыпиным, Л.Н. Толстым и другими известными россиянами.

Наряду с этими громкими фамилиями встречались и имена губернаторов, которые не имели столь знатного и порой даже дворянского происхождения. В.И. Болгарский

Губерния Вятская

◀ Н.М. Клингенберг

▶ П.К. Камышанский в кругу семьи

родился в семье священнослужителя Мамадышского уезда Казанской губернии, К.Я. Тюфяев происходил из тобольских кантонистов, Н.А. Руднев родился в семье священника Тульской губернии, получившего дворянство. Сделать блестящую служебную карьеру этим людям можно было благодаря незаурядным личным способностям и везению.

А.И. Герцен в «Былом и думах» рассказывает о том, как начиналась карьера губернатора Кирилла Яковлевича Тюфяева. Его путь к губернаторскому креслу был непрост: «Тюфяев родился в Тобольске. Отец его чуть ли не был сослан и принадлежал к беднейшим мещанам. Лет тринадцати молодой Тюфяев пристал к ватаге бродящих комедиантов, которые слоняются с ярмарки на ярмарку, пляшут на канате, кувыркаются колесом и проч. Он с ними дошел от Тобольска до польских губерний, потешая православный народ. Там его, не знаю почему, арестовали и, так как он был без вида, его, как бродягу, отправили пешком при партии арестантов в Тобольск»¹. Затем Тюфяев выучился грамоте, служил писцом в магистрате, и по воле случая какой-то ревизор из Петербурга, которому нужны были писари, увез Кирилла Яковлевича в Петербург. «Через десять лет, — пишет Герцен, — мы его уже видим неутомимым секретарем Канкринина... Еще год спустя он уже заведует одной экспедицией в канцелярии Аракчеева...»². Впоследствии К.Я. Тюфяев становится пензенским вице-губернатором, пермским губернатором, губернатором в Твери, а затем в Вятке.

Губернаторские фамилии свидетельствуют и об иностранном происхождении некоторых первых лиц региона. П.С. Рунич родился в семье выходца из Венгрии. Род Ф.И. фон-Брадке происходил из шведских дворян, переселившихся в Россию при Петре I. Знатность этой династии укреплялась родственными связями с российскими аристократами Нарышкиными и Воронцовыми. Е.Е. Ренкевич был выходцем из лифляндских дворян. На явно нерусские корни указывает фамилия губернаторов Михаила Карловича Клингенберга и его сына Николая Михайловича.

Являясь выходцами из привилегированных слоев российского общества, будущие губернаторы имели возможность получить хорошее образование. Среди вятских губернаторов были выпускники крупных университетов — Московского, Петербургского и Царскосельского (Александровского) лицея. Некоторые из них готовились к военной карьере: Павел Степанович Рунич был воспитанником сухопутного шляхетского корпуса, Валерий Иванович Чарыков — Павловского кадетского корпуса, Павел Федорович Хомутов — сначала Нижегородской графа Аракчеева военной гимназии, затем — первого военного Павловского училища, Александр Георгиевич Левченко учился в Михайловском кадетском корпусе г.Воронежа.

Весьма любопытна биография Александра Алексеевича Корнилова. Образование он получил в Царскосельском лицее, где обучался вместе с А.С. Пушкиным. Выпускниками этого же лицея были М.К. Клингенберг, Н.А. Тройницкий, И.М. Страховский. Некоторые губернаторы были дипломированными юристами. Петербургский университет со степенью кандидата прав окончил Н.М. Клингенберг и П.К. Камышанский. А последний вятский губернатор Николай Андреевич Руднев был выпускником медицинского факультета Московского университета и первоначально работал врачом.

В то же время уровень образования первых вятских губернаторов не был высоким. В момент назначения губернатором Алексея Семеновича Латышева он встал на колени и честно признался Павлу I, что плохо читает даже печатный текст, а писать умеет только свое имя и чин. Император ответил: «Чего не достаёт у тебя со стороны грамотности, с избытком вознаграждается твоею честностью; а для грамоты я дам тебе хорошего прокурора»³. О Ф.И. фон-Брадке известно, что он «словосочинение русское знал мало; но за всем тем, если в канцелярии его рапорты государю...излагали не его фразами — не соглас-

▼ Ф.И. фон-Брадке

ными с нашею грамматикою, то он писал их сам и как сумел изложить свое донесение, так и посылал оное Государю Императору»⁴.

Служебная карьера будущих начальников губернии начиналась по-разному: кто-то из них прошел полную доблести воинскую службу – среди губернаторов были участники русско-турецких и русско-шведских войн, Отечественной войны 1812 г., Кавказской войны 1817 – 1864 гг., некоторые имели боевые ранения; кто-то начинал с мелких чиновничьих должностей.

Опыт многих, приобретенный до назначения на губернаторскую должность, был своеобразен и уникален. П.С. Рунич, например, входил в состав секретной комиссии по расследованию пугачевского восстания и сопровождал арестованного Е.И. Пугачева в Москву. Ф.И. фон-Брадке состоял дежурным штаб-офицером при А.В. Суворове, А.И. Рыхлевский был чиновником особых поручений при генерал-лейтенанте А.П. Ермолове – главнокомандующем в Грузии, А.А. Корнилов арестовывался по делу декабристов, В.Н. Струков был участником Крымской войны.

На должность вятского губернатора вступали лица как молодые, для которых служба на Вятке стала взлетной площадкой для дальнейшего карьерного роста, так и лица в возрасте, некоторые – ушедшие в отставку военные. К молодым губернаторам, чей возраст был от 30 до 40 лет, относились В.И. Болгарский, А.А. Корнилов, Н.М. Муравьев, Н.А. Тройницкий. Средний же возраст вятских губернаторов на момент вступления их в должность составлял приблизительно 48-50 лет. Были на Вятке и губернаторы-старички. Весьма солидный возраст имел Степан Богданович Тютчев. В 1800 г., после сенаторской ревизии Вятской губернии, по Высочайшему повелению он был уволен с должности губернатора «за старостию лет... с назначением пенсии»⁵. К числу пожилых губернаторов относились П.С. Рунич и Ф.И. фон-Брадке. Павел Степанович был человеком среднего роста, седым, ходил согнувшись, одевался обычно в длинный сюртук темно-синего цвета. Федор Иванович фон-Брадке имел низкий рост, был коренастым, носил седой парик. О губернаторе

▼ Герб князей Горчаковых

Аполлоне Николаевиче Волкове современник вспоминал: «Это был очень невысокого роста седой старик, голова почти лысая, седые бачки, один глаз прищуренный, постоянно ходил с сигарой во рту, одевался в большинстве случаев в пиджачную пару, ходил медленно»⁶.

Каждый губернатор имел или гражданский, или военный чин. Значительная часть вятских губернаторов являлась действительными статскими советниками (гражданский чин 4 класса). Более высокий чин – тайный советник (чин 3 класса) – имели П.С. Рунич и А.Н. Волков. Волков чин 3 класса получил в 1886 г., будучи в Вятке. Губернатор князь С.Д. Горчаков имел придворный чин церемониймейстера. Ряд губернаторов, чья жизнь была связана с армией, получили военные чины: А.С. Латышев и В.Н. Струков – генерал-лейтенанта (3 класс), Ф.Ф. Трепов – генерал-майора (4 класс). О Федоре Федоровиче Трепове современники вспоминали, что он «ходил постоянно в военной форме при оружии и без галош, несмотря ни на какую погоду зимой и летом. «Нам, военным, галош не полагается», – говорил он»⁷.

Чины определяли титулование первых лиц губернии. Поскольку вятские губернаторы в основном имели чины 3 и 4 классов, то к ним следовало обращаться – «Ваше Превосходительство», а к князю Горчакову – «Ваше Сиятельство». С таких слов обычно начинались и деловые бумаги в адрес губернаторов.

Вопрос о сроках полномочий губернатора находился в компетенции царской власти. У вятских губернаторов, как видно из приведенного выше списка первых лиц, они колебались от двух до десяти лет. Средний срок выполнения ими должностных обязанностей составлял 4-5 лет. Такие сравнительно небольшие сроки полномочий в целом позволяли избежать вопиющих случаев взяточничества и казнокрадства. В целях борьбы с злоупотреблениями в губерниях проводились сенаторские ревизии, по результатам которых губернаторы могли отстраняться от должности и подвергаться судебным преследованиям. Такой случай произошел с вятским губернатором, имевшим довольно звучную фамилию – П.М. Добринский, руководившим краем, пожалуй, самый продолжительный период –

с 1816 до 1824 г. «Необыкновенный интересом: у него всякая должность имела свою цену. Исправники ему платили огромные оброки, простираемые до 25 тыс. ассигнациями», – вспоминали современники⁸. В октябре 1824 г., когда в Вятке находился Александр I, путешествовавший по России, на царский званый обед губернатор приглашен не был. Император обедал в обществе вятского епископа Павла, сенаторов-ревизоров и других лиц. Это был нехороший знак для Добринского, и, действительно, вскоре он был снят с должности за злоупотребления властью и взяточничество.

Ревизия послужила хорошим уроком для последующих «хозяев» Вятской губернии. Биографы А.И. Рыхлевского, сменившего на губернаторском посту П.М. Добринского, отмечают: «Во всех своих действиях отличался справедливостью»⁹. И, наверное, не случайно в 1830 г. Рыхлевский был назначен на высокую должность – директора медицинского департамента министерства внутренних дел.

Несмотря на короткие сроки пребывания на Вятке некоторых губернаторов, можно назвать целую галерею имен, оставивших заметный след в истории региона. Среди них Федор Иванович фон-Брадке, уделявший особое внимание народному образованию. При нем, в 1811 г., была открыта Вятская мужская гимназия. Когда Ф.И. фон-Брадке покидал губернию, будучи назначенный сенатором, вятчане весьма сожалели об его отъезде. В Вятской гимназии висел портрет ее основателя. Приехав в 1824 г. в Вятку, Александр I узнал на портрете фон-Брадке и сказал: «Это был самый честный генерал!»¹⁰.

Добрую память о себе оставил Ефим Ефимович Ренкевич, управлявший Вяткой пять лет. Он способствовал открытию здесь училища для детей канцелярских служащих, губернской почтовой конторы, поддерживал благотворительные инициативы. Е.Е. Ренкевич умер в марте 1834 г., будучи на губернаторском посту.

Аким Иванович Середа способствовал упорядочению деятельности местного управления, приложил много усилий в борьбе с эпидемией холеры. В годы его губернаторства возобновилась деятельность статистического комитета, открылся в г.Вятке детский приют. А.И. Середа любил свою службу, отличался трудолюбием и часто работал всю ночь. Вятчане, шедшие к заутрене, могли видеть свет в окнах его кабинета. Даже едкий и беспощад-

ный на слово ссыльный М.Е. Салтыков-Щедрин писал об Акиме Ивановиче в уважительном тоне: «...Я до конца жизни буду... благоговеть перед памятью этого святого и бескорыстного человека»; «Я сделался вполне деловым человеком, ... и всем этим я вполне обязан Середе»¹¹.

Владимир Николаевич Струков проявлял заботу об открытии в губернии новых больниц, богаделен, школ, библиотек. При нем появился в Вятке публичный музей и была закончена постройка величественного Александро-Невского собора. За свои большие заслуги перед местным обществом В.Н. Струков был удостоен званий Почетный гражданин городов Вятки и Нолинска.

Тройницкий Николай Александрович также заботился о социальном благополучии вятчан. Кроме того, он был в числе инициаторов издания историко-статистических работ и сборника «Столетие Вятской губернии». При нем в губернском центре в 1877 г. открылось постоянное здание театра. В 1882 г., в год своего отъезда из Вятской губернии, Н.А. Тройницкий получил звание Почетный гражданин г.Вятки.

Много новшеств появилось на Вятке при Федоре Федоровиче Трепове, несмотря на краткосрочность его губернаторства (только два года). Трепов ходатайствовал о строительстве Пермь-Котласской железной дороги с устройством станции в г.Вятке и получил у правительства поддержку. При нем в губернском центре появилось телефонное сообщение, которым в первую очередь были связаны губернское правление, городская управа, полицейское управление, казенная палата, губернское земство, больницы, пристань. Ф.Ф. Трепов способствовал развитию просвещения: в Вятке были организованы народные чтения, открывались библиотеки, появились новые газеты «Вятский край», «Вятс-

▼ Вятское губернское правление

кая газета». «Устроился я здесь недурно, но зато грязь невылазная, хлопочу об устройстве мостовых; – писал он в октябре 1894 г., – В общем жить можно, город сам по себе красивый и люди симпатичные. Работы по горло, но это и лучше, скорее проходит время»¹². Необычен был стиль руководства этого губернатора: он отказывался рассматривать анонимки, был доступен для общения с местными жителями, не одобрял кумовство, заступался за крестьян. Супруга губернатора Елизавета Сергеевна занималась благотворительностью.

Вместе с тем можно привести примеры и чрезмерного высокомерия, тщеславия и откровенного самодурства вятских губернаторов. Сразу же вспоминаются портреты местных чиновников в описании А.И. Герцена, отбывавшего здесь ссылку в 1835 – 1837 гг. Конечно, нельзя не учитывать, что Александр Иванович оказался в Вятке не по своей воле, и поэтому свое негативное отношение к власти он с лихвой выплеснул на характеристики вятских начальников.

«Власть губернатора вообще растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, – писал Герцен, – но она растет в геометрической прогрессии в губерниях, где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири. Такой-то край и был нужен Тюфяеву»¹³. И далее этот губернатор называется «восточным сатрапом, но только деятельным, беспокойным...», человеком «развратным по жизни, грубым по натуре, не терпящим никакого возражения»¹⁴. Тюфяев «ревниво любил свою власть, она ему досталась трудовой копеечкой (мы уже указывали на незнатность рода Тюфяевых. – М.С.), и он искал не только повиновение, но вида беспрекословной подчиненности», – читаем в «Былом и думах»¹⁵.

Несколько иной губернаторский портрет рисует А.И. Герцен, когда речь заходит об Александре Алексеевиче Корнилове. Это был человек «с приятно улыбающимся лицом и с образованными манерами ... доктринер, несколько педант, но все же порядочный человек. Новый губернатор был умен, но ум его как-то светил, а не грел, вроде ясного зимнего дня – приятно, но от которого плодов не дождешься. К тому же он был страшный фор-

малист – формалист не приказный..., но столько же скучный, как и все прочие»¹⁶. И этот губернатор не являлся для Герцена идеалом руководителя, но все же ссыльный был более сдержан в оценке А.А. Корнилова.

Небезынтересно, что другие современники иначе отзывались об этих губернаторах. В записках Никодима Казанского Тюфяев назывался «бедняжкой», «умным» и «совсем незлым» человеком¹⁷. Но в то же время самодурства у Кирилла Яковлевича действительно хватало. Особенно ярко это проявилось при подготовке к приезду в Вятку наследника престола, будущего императора Александра II. Губернатор, показушничая, приказывал в срочном порядке ремонтировать дороги, мосты, тротуары и т.д. Он решил перенести на другой срок начало крестного хода на реку Великую, приурочив его к приезду высокого гостя. При всем этом происходили вопиющие нарушения. У одной вдовы в г. Орлове не было средств на ремонт тротуаров. Недолго думая, Тюфяев приказал выломать в ее доме полы и из этих досок устроить тротуары. Кто был возмущен подобными распоряжениями губернатора, тот объявлялся сумасшедшим и отправлялся в боль-

ницу. Наследнику, прибывшему в Вятку в мае 1837 г., доложили о тюфяевских методах управления. Спустя некоторое время он был отправлен в отставку.

Любопытные наблюдения о жизни вятских губернаторов находим в воспоминаниях местного общественного деятеля Александра Александровича Прозорова. Из них узнаем, что весьма неординарным поведением отличался

губернатор Ф.Ф. Трепов. Федор Федорович иногда ходил по отдаленным улицам губернского центра и посещал шинки (кабаки, питейные дома). Чтобы его не узнавали горожане, он переодевался и загримировывался. А однажды «в каком-то шинке поднял шум и, будучи не узнан, был взят в полицию, где, раскрыв свою личность, благодарил полицию за правильность действий...»¹⁸. Любил ходить по городу инкогнито, посещая рынки, кабаки, харчевни, и губернатор П.С. Рунич.

Некоторые губернаторы находились под влиянием своих жен и даже родственников, по-видимому, более силь-

Муниципальный архив
для детей и юношества
Альберта Лиханова
[18423]

Губерния Вятская

▼ Кабинет вятского губернатора

▼ Дом вятских губернаторов до середины XIX в.

ных по характеру, чем они сами, натур. Вятчане говорили, что на деятельность П.Ф. Хомутова оказывала большое влияние его сестра – «девица пожилая, скромная, серьезная» Екатерина Федоровна, занимавшаяся благотворительностью, но внешне «ничем себя не выдавала, оставалась в тени...»¹⁹. Под влиянием супруги, как полагали, находился губернатор И.М. Страховский. Он отличался тем, что «роста был среднего, собой худощавый... говорил неважно, но писал прекрасно, прямо набело, деловито и логично, был стоек до упрямства и суховат в отношениях с окружающими», а его супруга являлась особой «высокого роста, красивой, видной, довольно полной... если не властной, то не воздержанной...»²⁰. Внешний вид и характер губернаторской супруги говорил сам за себя.

Губернаторы имели строгий распорядок своего рабочего дня. В 60-е гг. XIX в. он был следующим: «Прием просителей ежедневно, кроме воскресных и табельных дней, от 10 до 11 час. утра. Доклад правителя канцелярии ежедневно с 11 час. до 1 час. Доклады секретарей разных учреждений ежедневно, кроме воскресных и табельных дней, от 1 час. до 2. Прием лиц для объяснения по службе по понедельникам, средам и пятницам от 2-х до 3-х час. Вечерние занятия: заседания разных комитетов по очереди по понедельникам и средам с 6 час. Заседание земского комитета – по вторникам и пятницам с 6 час. Заседание крестьянского присутствия по четвергам в 6 час. Прим.: в экстренных случаях к губернатору можно обращаться во всякое время»²¹. Деловые приемы производились в губернаторском доме, где находилась квартира руководителя губер-

нии, его кабинет и рядом – канцелярия. В сильно перестроенном виде старые вятские губернаторские дома сохраняются и ныне: первый, где губернаторы проживали до середины столетия, располагается на ул. Дрелевского (Спасской), 20; другой – на ул. К.Маркса (Владимирской), 84.

Во второй половине XIX – начале XX в. в связи с ростом революционного движения жизнь российских губернаторов стала подвергаться опасности. После серии покушений на царских особ и на жизнь видных чиновников у губернаторов появилась охрана. Во время людных, массовых мероприятий, к примеру в день проводов иконы Ни-

колая Чудотворца на реку Великую, когда начинался крестный ход, под охраной полиции находился вятский губернатор Ф.Ф. Трепов. Ему было чего бояться: в семье Треповых уже произошел случай покушения. Федор Федорович был сыном небезызвестного петербургского градоначальника тоже Федора Федоровича Трепова, на которого в 1878 г. совершила покушение, ранив его, Вера Засулич, позже оправданная присяжными. С.Д. Горчакова, который губернаторствовал в сложный для страны период, в 1906 – 1909 гг., охранял вооруженный кавказец, находившийся рядом с первым лицом губернии повсюду – и на рабочем месте, и во время поездок.

Тем не менее князю Горчакову все-таки не удалось избежать кровавой драмы. Она произошла 17 октября 1907 г. на ул. Московской г. Вятки. В этот день около полудня губернатор вместе с супругой возвращался с молебна, который проходил в Кафедральном соборе.

данная присяжными. С.Д. Горчакова, который губернаторствовал в сложный для страны период, в 1906 – 1909 гг., охранял вооруженный кавказец, находившийся рядом с

◀ Интерьер губернаторского дома

▼ С.Д. Горчаков

Когда его коляска поравнялась с молодым человеком, одетым в форму гимназиста, последний бросил под губернаторский экипаж бомбу. Раздалось шипение, но взрыва не произошло, так как от бомбы отлетел взрыватель. После этого молодой человек достал револьвер и направил его на губернатора, который вышел из коляски. Раздался выстрел. Нападавшего опередил губернаторский телохранитель черкес Хаджи. Это был его выстрел. Он нанес террористу еще три удара кинжалом.

Молодой человек от полученных ран скончался на месте. Как оказалось, нападавшим был сын статского советника Иосиф Левитский, бывший гимназист, член ученического кружка, болевший эпилепсией. Ранее Левитский уже арестовывался, так как при обыске у него нашли оружие, приспособление для печатания листовок, нелегальную литературу и красный флаг, но, просидев какое-то время в одиночной камере, он был выпущен. Случившееся потрясло всю губернию.

По инициативе местных монархистов на месте покушения был отслужен молебен, а Горчакову депутация поднесла икону. После покушения вятский губернатор получил множество приветственных телеграмм. С избавлением от опасности его поздравили П.А. Столыпин и российские губернаторы²². Телеграммы поступали и из-за рубежа.

Служебной деятельностью активность губернаторов не ограничивалась. В повседневной жизни у многих из них были свои любимые занятия и развлечения. Весело любил жить губернатор Е.Е. Ренкевич. «Великорослый и пожилой» Ефим Ефимович «без шампанского ни обедал, ни ужинал»²³. Губернатор Н.Н. Семенов писал романы и слагал стихи на французском языке. Литературной деятельностью занимался и В.И. Чарыков. Он увлекался также географией, много путешествовал и интересно рассказывал о разных странах. Валерий Иванович любил и игру в карты, которая устраивалась в его доме. Поиграть в карты у губернатора собирались купец Я.А. Прозоров, директор

▼ Вид на Кафедральный собор г.Вятки

банка взаимного кредита П.А. Шестаков, председатель казенной палаты А.П. Воскресенский. Валерий Иванович не забывал о позднем времени: «Ровно в одиннадцать часов он, как хозяин дома, быстро задувая, гасил свечи, что, догадывались партнеры, означало конец вечера, а потому спешили проститься и отправиться по домам»²⁴. Н.А. Тройницкий, которого местные жители запомнили «очень живым и подвижным», не отказывал себе в визитах на многолюдные обеды в купеческие дома, где производил тосты и «дирижировал танцами»²⁵. А.Н. Волков с удовольствием посещал общественное собрание и играл в преферанс. Этого губернатора часто можно было видеть и в театре. А.Ф. Анисын ходил в клуб и играл в винт.

Многие губернаторы проводили свободное время в кругу семьи, где в домашней обстановке сильно менялись. О том же Анисыне было известно: насколько он «был тверд и требователен в служебном отношении, настолько же мягок в своей семье... Имел он супругу старушку, крайне заботливую и влюбленную в свою единственную дочку – девицу полную, здоровую, что называется кровь с молоком...»²⁶.

Иногда губернаторы проявляли неожиданные способности и таланты. П.Ф. Хомутов вместе с сестрой во время массовых катаний в марте 1903 г. встал на коньки и показал к удивлению публики умение великолепно держаться на льду. В 1907 г. губернатор С.Д. Горчаков на музыкальном вечере, проходившем в мужской гимназии, по собственной инициативе заменил заболевшего гимназиста-

Губерния Вятская

↗ Вид на Александро-Невский собор

↖ Вятская мужская гимназия

музыканта, сыграв на виолончели вместе с учениками все квартетные номера программы.

Вятчане не забывали благотворительные инициативы местных губернаторов. На средства

помощь нуждавшимся. С благотворительными целями губернаторские жены организовывали любительские спектакли, проводили лотереи. Такие спектакли устраивались «маленькой», «прехорошенькой» женщиной Натальей Николаевной Середой, супругой губернатора А.И. Середы, которой некогда восхищался сам А.С. Пушкин, посвятивший ей следующие строки: «Затем, что эта Середа; Прелестней ангела иного».

Довольно энергичной была деятельность губернаторов и их семей в военное время. В период русско-японской войны, в апреле 1904 г.,

по инициативе Е.Ф. Хомутовой, попечительницы Вятской общины сестер милосердия, открылся Вятский дамский кружок, оказывавший помощь находящимся в госпиталях больным и раненым воинам. В этот кружок вошли купеческие жены и дочери, жены чиновников, представительницы интеллигенции. Его члены вели сбор вещей для солдат, оказывали помощь их семьям. Деятельность дамского кружка была весьма плодотворной. В сентябре 1905 г. он удостоился Высочайшей благодарности государыни Марии Федоровны. Когда началась Первая мировая война, в Вятке появился дамский кружок, созданный по инициативе Ольги Константиновны Чернявской. Кружок, занимавшийся приготовлением белья для лазаретов, работал ежедневно по 12 часов. Муж О.К. Чернявской губернатор Андрей Гаврилович Чернявский получал с фронта следующие письма: «Сердечно благодарю Вас и Вятское местное управление Российского общества Красного Креста за Ваши щедрые подарки нашим воинам и за образ святителя и чудотворца Николая Великорещского – покровителя земли Вятской, который Вы соблаговолили мне прислать в благословение»²⁸ (письмо командующего Северо-Западным фронтом М.В. Алексева).

Губернаторы учреждали стипендии для учащихся из бедных семей. В марте 1905 г. уже бывший губернатор Хомутов сделал пожертвование на учреждение стипендии имени П.Ф. и Е.Ф. Хомутовых в Вятской мужской гимназии. Стипендия предназначалась «для беднейших учеников из вятских уроженцев, лишившихся родителей в войну с Японией».

Последним вятским губернатором был Николай Андреевич Руднев. Губернией он управлял недолго: в Вятку

Валерия Ивановича Чарыкова были выкрашены в голубой цвет купола самого большого храма в Вятке – Александро-Невского собора, а главный купол был украшен металлическими позолоченными звездами. Как вспоминали современники, «в течение нескольких десятков лет ярко блестели звезды купола, видимого за несколько верст от Вятки»²⁷. Благотворительность была предметом особого внимания губернаторских жен, являвшихся попечителями детских приютов, гимназий, различных обществ, оказывавших

✦ О.К. Чернявская

✦ А.Г. Чернявский

✦ П.Ф. Хомутов

✦ Е.Ф. Хомутова

прибыл в декабре 1915 г., а в марте 1917 г. – в период Февральской революции, после отречения Николая II от престола – передал свои полномочия председателю Вятской губернской земской управы П.И. Панькову. Многие вятчане жалели Руднева, говорили, что, выйдя из земства, и на высокой государственной должности он оставался земцем, и такого губернатора в Вятке еще не было. «Будучи ставленником старого правительства, всегда тормозившего планомерную деятельность земств и городов, –

отмечалось в газете «Вятская речь», – Н.А. Руднев избегал чиновного формализма, никогда не ставил никаких препон к проведению тех или иных начинаний со стороны земств и городов и всегда без задержки разрешал зависящие от его власти ходатайства общественных управлений...»²⁹.

На этом губернаторский этап в истории дореволюционного Вятского края завершился. Остается добавить, что в 1920 – 1921 гг. окраинные территории губернии вошли в состав автономий – Вотской, Татарской, Коми, Марийской, а в 1929 г. прекратила свое существование и Вятская губерния. В дальнейшем, в 1934 г., ее земли вошли в состав Кировского края, а в декабре 1936 г. была образована Кировская область.

В системе дореволюционного местного управления важными фигурами являлись и вице-губернаторы, деятель-

ность которых часто находилась в тени губернаторского правления. Вице-губернаторы руководили текущей работой губернского правления, а во время отсутствия губернатора исполняли его обязанности. В то же время «правой рукой» начальника губернии были прежде всего правители губернской канцелярии – самые ближайшие помощники губернатора. Назначенные на свои

должности императорским указом вице-губернаторы зачастую выполняли свои полномочия в течение более длительного времени, чем губернаторы, и в результате лучше знали специфику региона и его населения. В Вятской губернии таковыми чиновниками, например, были Дмитрий Иванович Батурин, служивший в должности вице-губернатора с 1854 по 1873 гг., т.е. почти 20 лет, и Всеволод Александрович Ратьков-Рожнов – более 15 лет, причем свои должности они покинули по собственному желанию, будучи уже в почтенном возрасте³⁰.

Интересной и неординарной личностью среди вятских вице-губернаторов был В.А. Ратьков-Рожнов (1832 – 1898) – дворянин, уроженец Буйского уезда Костромской губернии. Получив юридическое образование, он служил в Правительствующем Сенате, а затем, в 1879 г. назначается вятским вице-губернатором и остается в этой должности до 1895 г. Местным жителям Ратьков-Рожнов, служивший при четырех губернаторах и во время их отсутствия подолгу управлявший регионом самостоятельно, запомнился работоспособным, обходительным и честным чиновником. Здесь он занимался и литературной деятельностью – писал очерки, статьи о Вятке и ее людях, по истории России, вел дневниковые записи. Уже после отставки он получил звание почетного гражданина г.Малмыжа за помощь населению, оказанную после случившегося в мае 1890 г. в этом городе крупного пожара³¹.

Субъективный фактор в истории весьма многогранен, о чем ярко свидетельствует и история губернаторства в Вятском крае.

Из истории вятского самоуправления

Вятская земля имеет богатые традиции местного самоуправления. Еще в домосковский период здесь сложился особый аппарат управления, похожий на новгородский. Вятское вече с высшими должностными лицами – земскими воеводами, ватаманами, подвойскими – ведало всеми местными делами. Затем, после похода на Вятку летом 1489 г. московского войска и присоединения края к

Москве, наступило время централизованного государственного управления.

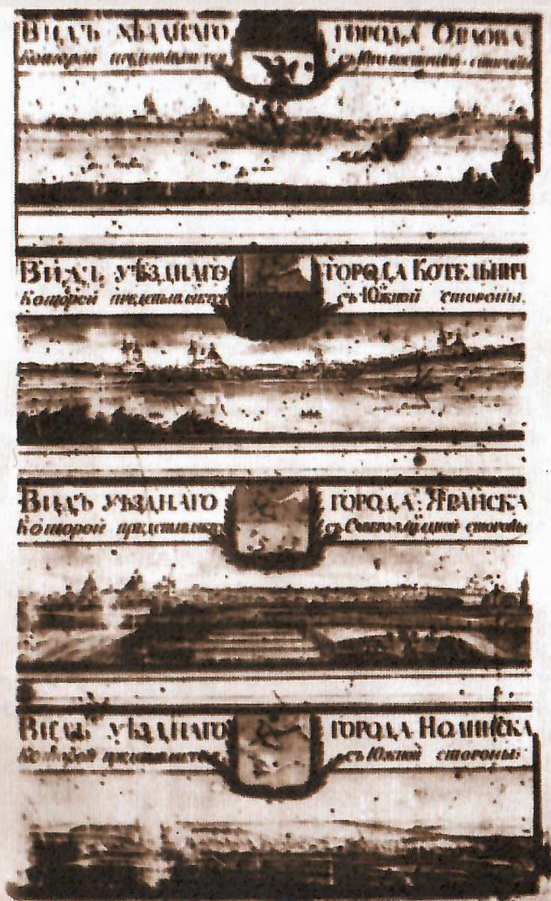
Богатые традиции вятского самоуправления нашли свое дальнейшее развитие в XVI – XVII вв. Выборными должностными лицами в тот период были земские старосты и губные головы, наделавшиеся некоторыми хозяйственными, финансовыми и судебными полномочиями, а с правления Петра I – бурмистры. Все эти лица избирались из числа местных состоятельных людей.

Существенные изменения в системе самоуправления произошли после выхода в 1785 г. Жалованной грамоты городам. По этому закону в России появились новые органы местного общественного управления: распорядительные – общие и исполнительные – шестигласные городские думы.

В Вятском наместничестве думы появились в 1792 г.: в сентябре – в Котельниче, в октябре – в Орлове, в декабре – в Слободском. В Вятке городская дума была открыта 26 августа 1793 г.¹ Ее первое заседание прошло «по полудни в 1-м часу» под председательством городского головы Ильи Хохрякова.

До буржуазных преобразований 1860 – 1870-х гг. в думмах Вятской губернии заседали гласные (современное название – депутаты), избранные по сословному принципу из числа гильдейских купцов, цеховых ремесленников и зажиточных мещан. Позже, после великих реформ, думское представительство расширилось: в Вятской городской думе гласных насчитывалось уже не менее 20, городское самоуправление становилось всеобщим. Однако далеко не все жители имели избирательные права. Последние получала лишь часть населения – плательщики городских налогов и сборов. Так, в Вятке в 1870 г. из 19885 жителей в городских выборах могли участвовать только 642 чел. (или 3,2%), в начале 1880-х гг. – из 24478 чел. – 886 (3,6%)².

По Городовому положению 1870 г., распорядительные полномочия были сосредоточены в руках городской думы, исполнительные – городской управы, занимавшейся всей

▼ г. Вятка. Вид на центральную часть города

текущей работой. Эти учреждения действовали в течение четырех лет, до следующих выборов.

С самого начала видное место в вятском самоуправлении занимали представители купеческого сословия. Будучи состоятельным и привилегированным слоем населения, они получали избирательные права и возможность, в случае избрания, быть гласными. Если до реформ 1860 – 1870-х гг. служебная деятельность воспринималась купцами как тяжелая обременительная повинность, то после преобразований их отношение к общественной службе изменилось. В этом сыграли свою роль и правительственная политика, повышавшая статус органов городского самоуправления, и фактор роста культурного уровня и самосознания самих купцов. Последние уже отчетливо понимали, что служба в городских учреждениях и в земстве ставила их в ранг руководителей не только хозяйственной, но и общественной, и культурной жизни, гарантировала им социальную защиту, спасала от банкротства. С историей городских дум связана деятельность многих известных в регионе предпринимателей. Городскими головами и гласными избирались купцы Машковцевы, Рязанцевы, Хохряковы, Караваевы, Поскребышевы, Гусевы, Я.А. Прозоров, Лаптевы, Клобуковы, А.Н. Кузнецов и др. В большинстве своем это были люди неравнодушные к общественным интересам, искренно желавшие делом помочь родному городу. Не случайно, что именно среди членов думы был высоким процент купцов-благотворителей.

➤ Я.И. Поскребышев. Начало XX в.

▼ Вятское городское общественное управление. 1915 г.

Деятельность дум, как устанавливалось законодательно, охватывала прежде всего хозяйственные «пользы и нужды». В их ведении находились капиталы и имущество города. Думы заведовали торговлей, строительством, школьными, медицинскими и благотворительными делами. Одним из ведущих направлений их деятельности являлось благоустройство городов. Думцы прилагали немало сил, решая вопросы по постройке мостовых, устройству водопровода, электрического освещения, транспорта, телефона и т.д.

Особенно сильно облик вятских городов изменился на рубеже XIX – XX вв. В этот период губернский центр являлся не только административным, но и крупным экономическим и культурным центром. В 1904 – 1905 гг. в нем

насчитывалось 23 промышленных предприятия, около 300 ремесленных заведений и большое число лавок и магазинов. В Вятке работали театр, библиотеки, имелись мужская и женская гимназии, профессиональные училища.

Яркой страницей в истории местного самоуправления стала деятельность вятского городского головы Якова Ивановича Поскребышева (1866 – 1912). Хорошо известный сто лет назад, ныне он оказался почти

забыт. Повествуя об истории вятского самоуправления, мы не можем не вспомнить об этом человеке.

Для тихой и провинциальной Вятки размах деятельности Я.И. Поскребышева был впечатляющим. С его именем связано появление городской электростанции, водопровода, телефонной станции, открытие городской бесплатной библиотеки-читальни им. А.С. Пушкина, Вятского городского попечительства о бедных. Поскребышев всеми силами добивался строительства железной дороги, в конечном итоге соединившей Вятку с северной столицей – Петербургом. Его вниманием были охвачены школы и больницы губернского центра. На заседании думы поднимался вопрос о скорейшем замощении улиц. При нем был устроен бульвар на Николаевской улице. У Якова Ивановича имелось немало и других замыслов по благоустройству губернского центра, по превращению его в крупный торгово-промышленный и культурный центр Русского Севера и Приуралья.

Биография Я.И. Поскребышева не походила на судьбы многих его сверстников, выходцев из купеческого сословия. Будучи сыном купца 1-й гильдии, имевшего кожевенный завод и торговавшего юфтью, и обладая способностями к обучению, Поскребышев получил приличное образование: сначала Яков учился в Вятской мужской гимназии, а затем – на физико-математическом факультете Императорского Петербургского университета, который

окончил с дипломом 1-й степени. Вернувшись в Вятку, Я.И. Поскребышев в 1893 г. становится сверхштатным чиновником губернского акцизного управления, в 1894 г. по указу Правительствующего Сената он утверждается в чине коллежского секретаря, в 1896 г. исполняет обязанности секретаря Вятского губернского акцизного управления. Это учреждение осуществляло заведование косвенными налогами и относилось к местным учреждениям министерства финансов.

Начавшаяся служебная карьера не позволяла Якову Ивановичу реализовывать себя в полной мере. Его энергичная натура, наполненная духом петербургской студенческой жизни, требовала более широкого поля деятельности, и он нашел его – на общественном поприще. С 1895 г. Я.И. Поскребышев с небольшой группой передовой, демократически настроенной интеллигенции издавал газету «Вятский край». Это была первая частная газета в губернии, выходившая три раза в неделю и имевшая большую популярность среди вятчан. Идейным вдохновителем газеты был в прошлом крепостной и ссыльный, выпускник Казанского университета, публицист и земский деятель Петр Александрович Голубев, а Я.И. Поскребышев являлся ее издателем. На страницах «Вятского края» публиковались материалы о жизни крестьян, о развитии народного образования, о прогрессивных деятелях, например, о председателе Вятской губернской земской управы А.П. Батуге, помещались злободневные фельетоны. После избрания Якова Ивановича городским головой издателем-редактором газеты становится И.А. Желваков. В последующее время по причине оппозиционности издание газеты было приостановлено³.

Дальнейшая жизнь Я.И. Поскребышева была связана со службой в городской думе. Став в 1897 г. гласным Вятской городской думы, Яков Иванович выбирается городским головой, и на эту высокую должность в городском самоуправлении он избирался трижды.

В конце XIX в. Вятка, имевшая 25-тысячное население, крайне нуждалась в деловом и образованном руководителе, способном преодолеть экономическую и культурную отсталость губернского города. Я.И. Поскребышеву предстояло решить вопросы, которые давно назрели, но не находилось энтузиаста, готового к масштабным действиям по преобразованию городского хозяйства. И на поро-

▼ Вятская городская управа (справа)

ге XX века такой человек нашелся. Мы уже отмечали заслуги Я.И. Поскребышева в деле благоустройства города, в строительстве железной дороги, в организации школьного и медицинского дела. «За минувшее четырехлетие, – говорилось в его отчетном докладе на думском заседании 23 февраля 1905 г., – ...открыта женская начальная школа, открыто четвертое отделение при Треповской школе, открыто параллельное отделение при городском училище и назначена довольно крупная субсидия на учреждение в г.Вятке 2-го городского училища, образовано значительное количество стипендий как в высших, так и в средних учебных заведениях»⁴. За всем этим стояла громадная и упорная работа городского головы, его частые и порой изматывающие поездки в Петербург и Москву по многим архиважным проблемам городского хозяйства.

Для Я.И. Поскребышева был характерен демократический стиль руководства. «Как администратор, – указывалось в 1912 г. в газете «Вятская речь», – Яков Иванович был доступен для всех и входил в нужды просителей без различия их общественного положения»⁵. Современники запомнили его «крайне вежливым, выдержанным, скромным, своим обращением и видимостью всем симпатичным»⁶. Поскребышева отличали и такие качества, как целеустремленность и настойчивость. Человек холостой, Яков Иванович целиком отдавал себя службе и общественным делам. Он успевал поучаствовать в работе кружка любителей естествознания, побывать на заседаниях Вятской ученой архивной комиссии. Я.И. Поскребышев играл на рояле и скрипке. Его проекты казались иногда фантастическими, но они тем не менее успешно реализовывались. Городской голова без дела не находился. Воплотив в жизнь один проект, он тут же приступал к реализации другого, несмотря порой на множество препятствий.

Любое крупное дело начиналось с вечных финансовых сложностей. Из-за скудости городского бюджета сметы

составлялись с дефицитом, и Поскребышев искал все возможные пути его преодоления. Необходимые денежные суммы восполнялись с помощью займов у горожан. Дума не хотела связывать устройство городских учреждений с концессионерами и обрекать себя на зависимость от них. Однако средств было недостаточно, и поэтому ряд проектов того периода так и остался на бумаге. Я.И. Поскребышев мечтал об устройстве в Вятке трамвайной линии, которая пролегла бы через весь город в направлении от паровой пристани к железнодорожному вокзалу. Еще была мечта соорудить на площади у Александровского сада памятник Александру II – царю, освободившему крестьян от крепостной зависимости. Дума для этой цели решила выделить сумму в размере 1000 руб., но этих денег было явно недостаточно.

Были и другие трудности, с которыми сталкивался вятский городской голова. Его весьма удручала проблема неэффективности городского самоуправления. «Развитию деятельности городского управления во многом препятствует его организация. Слишком незначительный контингент избирателей, ограничение круга ведомства и самостоятельности городского самоуправления лишают его возможности плодотворно работать для удовлетворения запросов населения города», – отмечал он на заседании думы в феврале 1905 г.⁷ Это заявление, направленное против действовавшего Городового положения 1892 г., являлось по сути антиправительственным.

В революционный 1905 г. деятельность вятских думцев приобрела ярко выраженную политическую окраску, хотя по законам дума имела право заниматься только административно-хозяйственными вопросами. Городской голова Я.И. Поскребышев и его коллеги-гласные принимали участие в работе общероссийских совещаний деятелей органов местного самоуправления. Вятские думцы разработали и 18 мая 1905 г. одобрили документ, по которому предлагалось незамедлительно провести в стра-

не коренную политическую реформу⁸. В нем говорилось о необходимости созыва всеобщего представительного собрания, введения избирательного закона, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании, о необходимости объявления демократических свобод и отмене всех сословных привилегий. В документе шла речь и об отмене смертной казни, о введении всеобщего и бесплатного обучения, о полной самостоятельности органов местного самоуправления и расширении сферы их деятельности, говорилось об отмене выкупных платежей и наделении земель безземельных и малоземельных крестьян, об улучшении положения рабочих, об изменении налоговой системы. Проект этого документа был издан типографским способом. В дальнейшем имя Я.И. Поскребышева значилось в списках вятских кадетов.

Бурная политическая деятельность вятского городского головы вызывала недовольство со стороны местных проправительственных сил. Во время черносотенного погрома в г. Вятке, произошедшего 22 октября 1905 г., толпа разъяренных людей искала Я.И. Поскребышева для расправы над ним. Сам Яков Иванович скрывался в доме гласного А.А. Прозорова, откуда неоднократно звонил губернатору и требовал вызвать войска для установления порядка, но тот медлил. Поскребышев покинул свое убежище на чужой лошади и после встречи с губернатором, когда стемнело, спешно на поезде выехал из города. А.А. Прозоров вспоминал: «Городской голова, подходя первые два раза к телефону, был тверд, как всегда, но, когда шел в третий раз, то ноги его уже подкашивались и он хватался руками за мебель. Так сильно отразился на нем пережитый момент... Оставшись невредимым снаружи, он, тем не менее, пострадал душевно...»⁹. Остается добавить, что во время черносотенного погрома в Вятке было убито шесть человек и ранено около 30.

В Вятку Я.И. Поскребышев вернулся только через месяц, 28 ноября 1905 г. В этот день было назначено очередное заседание Думы. Яков Иванович извинился перед гласными городского собрания, что не успел ознакомиться с рассматриваемыми делами и сказал, что ему необходимо о многом поговорить с думой и представить свои объяснения о последних событиях¹⁰. Поскребышев, в тот момент несколько растерянный, нашел у думцев понимание.

В декабре 1905 г. политическая ситуация в Вятке обо-

стрилась еще больше. 1 декабря в городской думе принимаются делегации от Крестьянского съезда, от служащих Вятской почтово-телеграфной конторы, которые просили об организации городской милиции, выделении помещений для собраний, о моральной и материальной поддержке. Многие гласные думы сочувственно отнеслись к предложениям делегаций. 8 декабря 1905 г. городская дума утвердила текст телеграммы председателю Совета Министров С.Ю. Витте, в которой, в частности, говорилось: «Вятская городская дума ходатайствует пред Вашим Сиятельством о признании за служащими почты и телеграфа права на образование союзов, об освобождении арестованных и о принятии на службу уволенных служащих, а также об улучшении их материального положения»¹¹.

18 декабря 1905 г., когда в г. Вятке произошло вооруженное столкновение между дружиной Крестьянского союза и силами правопорядка, Я.И. Поскребышев вместе с членом управы А.М. Васнецовым был у городской водоканалки, захваченной дружинниками, и вел переговоры, убеждая последних оставить водоканалку¹². Небезынтересно, что водоканалка в это время продолжала работать, и жители Вятки без воды не оставались. К вечеру дружинники сдались.

Постоянное напряжение и переживания, которые испытывал Я.И. Поскребышев особенно в 1905 г., спровоцировали у него болезнь. Яков Иванович, будучи городским головой, попадает в клинику душевных и нервных болезней при Императорской Военно-медицинской академии, где его лечил известный врач В.М. Бехтерев, затем про-

✶ М.М. Синцов

ходил курс лечения в частной клинике. У Поскребышева имелося немало недоброжелателей. Летом 1907 г. по их инициативе было составлено письмо на имя губернатора, в котором выражалось недоверие городскому голове. Я.И. Поскребышеву предъявлялись обвинения в «запутывании городского хозяйства», в политической неблагонадежности, в том, что он в своей деятельности учитывал интересы домовладельцев, проживавших в центральной части города¹³. В скором времени вопрос об отставке Якова Ивановича был решен. В ноябре 1907 г. он увольнялся от службы по болезни, а обязанности вятского городского головы стал исполнять член управы А.М. Васнецов.

Тяжело болея, Я.И. Поскребышев один не оставался. В Вятке жили его родственники. У него были братья, совместно с которыми он владел кожевным и клееваренным производствами, лавкой, двумя домами. По воспоминаниям А.А. Прозорова, за два года перед смертью Поскребышев женился на дочери вятского пароходчика Т.Ф. Булычева, которую любил чуть ли не с самого детства. Александра Тихоновна поехала на Кавказ, где лечился Поскребышев, чтобы обвенчаться с ним. «Я люблю его, не за кого замуж не пойду, буду его сестрой милосердия», – сказала эта заботливая женщина¹⁴.

Последние годы Я.И. Поскребышева были весьма трагическими. Он жил «почти без признаков рассудочного человека»¹⁵. В 1912 г. в газете «Вятская речь» появилось печальное сообщение: «Яков Иванович Поскребышев скончался 8 ноября в 7 час. утра. Панихида на дому сегодня в 12 час. дня. Вынос тела покойного сегодня же в 4 час. дня, а погребение 10-го в 9 час. утра в Успенском соборе (Трифонов монастыря), о чем семья извещает родных и знакомых»¹⁶.

Имя и дела Я.И. Поскребышева еще долго не забывались вятчанами. Не случайно А.А. Прозоров, работая над своими воспоминаниями уже в советский период, назвал Якова Ивановича славным человеком, оказавшим «громадную пользу городу, каковая доселе не удавалась никому»¹⁷.

В период буржуазных реформ 1860 – 1870-х гг. Вятская земля вошла в число тех губерний,

где местное самоуправление вводилось в полном объеме. 1 января 1864 г. Александром II утверждается «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». В Вятском крае земство открылось в 1867 г. Сначала приступили к работе уездные земства, позже – губернское. «20 мая имеет быть открыто в г.Вятке первое губернское земское собрание...», – сообщал губернатор Н.В. Компанейщиков¹⁸. Земскими деятелями стали выходцы разных слоев населения – дворяне и купцы, духовенство и крестьяне, мещане, но участвовать в выборах в земские учреждения могли лица, имевшие определенный законом имущественный ценз, и представители сельских крестьянских обществ. Особенность местного земства заключалась в том, что ввиду незначительности на Вятке помещного дворянства его социальный состав был более демократичным, чем в других регионах.

Первым земским гласным пришлось особенно нелегко. Население, как указывается в одном из документов, «надо было поднимать, как новь, и в культурном, и в экономическом отношении. На полях и лугах гуляли лишь соха, да коса-горбуша. Никаких улучшенных орудий земледелия не водилось. Умственная слепота народа и телесные его немощи оставались почти без врачевания»¹⁹. Проблема заключалась не только в том, что в ведение вятских земств перешли немногочисленные, влачившие убогое существование школы, больницы, богадельни, приюты, или в архаичности быта сельского населения, но и в том, что «при духовной тьме народ поворачивался спиной ко всем формам и видам улучшенного хозяйства. Он не мог верить сюртуку и пиджаку, когда сам себя привык считать пахарем-кормильцем всякого иного звания людей»²⁰. Поэтому земцам пришлось прежде всего обратить внимание на просветительскую работу, а позже, в 1880 – 1890-е гг., они основательно взялись за решение и сельскохозяйственных проблем.

Среди вятских земцев крупной фигурой был Матвей Матвеевич Синцов (1835 – 1910) – первый председатель губернской земской управы. В период его недолгой службы, с 1867 по 1870 г., в губернии открылось большое число новых учебных заведений. В 1870 г. насчитывалась уже 361 земская начальная

школа, тогда как в 1867 г. их было 212. При М.М. Синцове на заседаниях губернского собрания ставился вопрос об открытии профессиональных училищ, обсуждались и другие насущные проблемы – об устройстве новых больниц, вопросы по агрономической и ветеринарной части, говорилось об открытии земского банка, об издании земской газеты, о строительстве железной дороги, соединявшей Вятский край с Северной Двиной. Последние две идеи были воплощены в жизнь только через 30 лет, в конце XIX в. Проблемы же, связанные с медициной и сельским хозяйством, решались безотлагательно.

Матвей Матвеевич много размышлял над тем, как организовать деятельность земства, чтобы его работа была более эффективной. Вместе с бухгалтером Поповым он ездил в Новгород, где земство открылось раньше, для ознакомления с опытом работы губернских земских учреждений. О порядке, установленном М.М. Синцовым в Вятской губернской земской управе, можно судить по ее отчету за 1867 год: «В своем делопроизводстве управа всевозможно старалась избежать канцеляризма и удерживалась от расположения переписки... Приступив к своим занятиям, губернская управа твердо решилась избегать бесполезного формализма и наблюдать, чтобы они шли наиболее успешно... Вятская управа признала за полезное, чтобы члены занимались каждый, по мере сил и возможности, безразлично всеми делами ее, причем, как потребует самая необходимость, имели и специальные занятия...»²¹.

Просвещение и экономический подъем крестьянства – направление, избранное земствами Вятской губернии на начальном этапе, оставалось главным и в последующие годы. Весьма плодотворно деятельность по его реализации развернулась в 1890-е гг., когда председателем губернской земской управы стал А.П. Батуев (1863 – 1896).

Авксентий Петрович родился в семье малмыжского купца 2-й гильдии, потомственного почетного гражданина П.И. Батуева. Петр Иванович торговал мануфактурными и галантерейными товарами, солью, виноградными винами, книгами. Судьба же его сына сложилась иначе. После окончания в Каза-

ни гимназии и юридического факультета университета А.П. Батуев стал сначала помощником присяжного поверенного, затем служил мировым судьей в Малмыжском уезде и земским начальником. В декабре 1891 г. он избирается председателем Вятской губернской земской управы. Спустя три года, в 1895 г., Батуев был утвержден в этой должности вторично.

Губернская управа, руководимая молодым, энергичным А.П. Батуевым, стала центром разработки широкомасштабных просветительских и экономических планов, которые оставались не только на бумаге. Вспомним некоторые из них. В декабре 1894 г. Вятское губернское земское собрание по докладу управы принимает решение о выделении 15000 руб. на открытие 3000 сельских библиотек, а в декабре следующего, 1895 г. в докладе управы говорилось: «В течение всего года как губернская управа, так и уездные горячо работали над осуществлением постановления собрания, и в настоящее время губернская управа имеет честь доложить собранию, что дело это приближается уже к концу и в начале будущего года возможно будет открыть большую часть библиотек... В настоящее время г. губернатором утверждены библиотекари для 1895 сельских библиотек»²².

Помимо библиотек в Вятской губернии в 90-е гг. XIX в. открылось большое число новых земских школ. Первоначально земцы произвели ревизию действовавших учебных заведений, которая выявила давно назревшую необходимость увеличения их числа. Вслед за этим на губернском собрании 1895 г. после долгих дебатов было принято постановление об устройстве 547 министерских училищ и 600 школ на средства губернского земства²³. Решение это исполнялось незамедлительно. Уже в 1896 г. в губернии было открыто 185 новых начальных учебных заведений.

При А.П. Батуеве, начиная с марта 1894 г., стала выходить крестьянская «Вятская газета». Она издавалась первое время два раза в месяц, затем – еженедельно и имела большой тираж – 6000 экземпляров. Значительная часть тиража «Вятской газеты» бесплатно рассылалась сельским обществам, школам, библиотекам, и поэтому каждый крестьянин мог ознакомиться с ее материалами.

В 1894 г. при содействии Батуева в Вятке был открыт губернский книжный склад. Позже его отделения появи-

▼ Здание Вятской уездной земской управы

лись во всех уездах. Немало сил Авксентий Петрович отдал и решению дел, связанных с сельским хозяйством, медициной, железнодорожным строительством, развитием кустарных промыслов.

Деятельность Батуева впечатляла многих современников. Крупнейший книгоиздатель Иван Дмитриевич Сытин писал: «В несколько лет заброшенная, полузабытая северная губерния стала центром внимания, и на Нижегородской ярмарке уже появились специальные вятские ряды, занимавшие несколько корпусов, где вятское земство устраивало выставку своих произведений». «Ай да Батуев!», – восклицал Сытин²⁴.

К сожалению, далеко не все задуманное А.П. Батуев смог осуществить. Он трагически погиб в 33 года от руки психически нездорового человека.

Благодаря М.М. Синцову, А.П. Батуеву и целому ряду других тружеников вятское земство являлось одним из самых передовых. Но воплощению в жизнь многих прогрессивных социально-экономических и культурных проектов зачастую мешал чрезмерно жесткий административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления, особенно усилившийся после утверждения новых Земского (12 июня 1890 г.) и Городового (11 июня 1892 г.) положений, и финансовые проблемы. Однако несмотря на все трудности, вятское самоуправление оказалось жизнеспособным и весьма деятельным общественным институтом.

Во многом примечательны слова, сказанные в Вятском уездном земском собрании в 1914 г., в год, когда отмечалось 50-летие со времени введения в России земства: «Путь, пройденный земскими учреждениями, свидетельствует, что земство есть здоровое зерно нашей развивающейся общественности и что мысль, вложенная в Положение о земстве, есть мысль глубоко верная. Даже

▼ г.Вятка. 50-летний юбилей земской реформы. 1914 г.

▼ Здание Вятской губернской земской управы

последующие законодательные акты 12 июня 1890 г. и 15 декабря 1900 г., стремившиеся сблизить земские учреждения и по форме, и по духу с общими правительственными учреждениями, не могли в сущности изменить характера земской жизни в стране...». И далее: «Дело земства есть дело высокостатусной важности. И подъем экономического благосостояния населения есть основное условие государственной мощи и благоденствия страны»²⁵.

Опыт вятского самоуправления уникален, и он еще ждет своих исследователей.

Губерния Вятская

РАЗДЕЛ II

ЭПОХА КАПИТАЛИЗМА НА ВЯТСКОЙ ЗЕМЛЕ (1860-70-е гг. – 1917 г.)

Границы губерний
и областей
Российской
империи

▼ Император Александр II

▼ Уральский регион во 2-ой пол. XIX – нач. XX в.

НАСЕЛЕНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Эпоха капитализма в России наступила с великими реформами Александра II. Важнейшей среди преобразований была реформа 1861 г., отменившая крепостное право. Давно мешавшее прогрессивному развитию страны крепостничество негативно влияло и на социально-экономическое положение крестьянской Вятской губернии.

Об отмене крепостного права вятчане узнали 9 марта 1861 г., когда был получен закон – Манифест 19 февраля 1861 г. На другой день из губернского центра в уезды уже выехали чиновники для обнародования столь важного документа. 12 марта Манифест был прочитан в Вятском кафедральном соборе, и затем епископ Агафангел отслужил благодарственный молебен¹. В этот день в соборе находилось такое количество народа, что, несмотря на огромное пространство здания, сложно было отыскать свободное место. Народ толпился и на городской площади, рядом с Кафедральным собором. Площадь опустела только вечером.

Реформу об отмене крепостного права многие вятчане встретили с нескрываемой радостью. В «Вятских губернских ведомостях» была опубликована статья управляющего Вятской удельной конторой Петра Владимировича Алабина, начинавшаяся словами: «Великое дело совершилось! Помещичьим крестьянам дарованы гражданские права! Самое слово крепостной уничтожилось: все

стались одинаково любимыми, равноправными детьми одного общего любезного Отца!..»². Эта статья имела и звучное название – «Крестьяне – братья». Такой вот была реакция дворянина Алабина на крестьянскую реформу.

Крепостное право в Вятской губернии имело свои особенности. Здесь проживали в основном государственные, лично свободные крестьяне. Помещичьи имения располагались главным образом на юге губернии – в Яранском, Малмыжском, Уржумском, Елабужском, Сарапульском уездах. К 1861 г. число крепостных на Вятке не превышало трех процентов. Кроме того, в губернии располагались два удельных имения – Вятское и Сарапульское, где проживало более 170 тысяч крестьян. Реформа государственной и удельной деревни проводилась по Положениям 1863 г. и 1866 г.

В соответствии с реформой, земельные наделы крестьян подлежали выкупу. Размеры надела определялись уставными грамотами, которые заключались между крестьянами и помещиками. Жители не всех селений хотели подписывать грамоты: кого-то из крестьян не устраивали выкупные платежи, кто-то думал, что помещики и чиновники обманывают крестьян, скрывают от них настоящие документы. В конечном итоге получилось, что государственные крестьяне оказались лучше обеспеченными землей, чем помещичьи и удельные. Размеры земельных крестьянских наделов в губернии после реформы колебались от менее одной десятины на душу у помещичьих крестьян до 10 десятин и выше у государственных крестьян.

Какие же изменения происходили на Вятской земле в пореформенное время и в начале XX в.?

Во второй половине XIX – начале XX в. в Вятской губернии наблюдался быстрый рост числа местных жителей. На обширных пространствах региона в 1878 г. проживали 2 567 121 чел., в 1897 г. – 3 030 831, в 1914 г. – 3 791 678³. В то же время на Вятке сравнительно невысокой была плотность населения. Наиболее заселенным являлся центральный – Вятский уезд, менее – находившийся на северо-востоке губернии Слободской уезд. Большое число населения проживало в юго-восточной части губернии. В одном только Сарапульском уезде, где находились промышленные гиганты губернии – Ижевский оружейный и Воткинский железодельный заводы, по данным 1897 г., насчитывалось 408058 жителей, в Глазовском – 368587 чел., в Малмыжском – 280427 чел., в Уржумском – 289188 чел., в Елабужском – 241005 чел.

Значительную часть населения региона составляли сельские жители. По переписи 1897 г. в губернии проживало 2 945 109 крестьян, или 97,2 процента, затем шли мещане (52913), рабочие (35862), духовенство (13912), дворяне (10007), купцы (2889)⁴. Число горожан в тот период было небольшим (чуть более трех процентов), но в то же время оно неуклонно увеличивалось. В период с 1878 г. по 1914 г. общая численность жителей вятских городов возросла более чем в два раза (с 74715 до 154433 чел.). Реформы Александра II способствовали вовлечению в торгово-промышленную деятельность больших масс крестьян, которые и стали главным источником пополнения населения. Самыми крупными по числу жителей были города Вятка (25008), Сарапул (21398), Слободской (10051), Елабуга (9764). В то же самое время в губернии невысокой являлась численность рабочих (в 1897 г. – 1,2%, в 1914 г. лишь 1%), что было связано со слабым развитием здесь фабрично-заводской промышленности.

Исторически Вятский край сложился как многонациональный регион. В конце XIX в. основную часть населения составляли русские (77%), удмурты (12%), марийцы (5%), татары (4%)⁵. Эти коренные этносы определяли и вероисповедный состав губернии: более 90% местного населения составляли православные, 4% – мусульмане.

В экономическом плане Вятская губерния являлась земледельческим регионом с развитой кустарной промышленностью. Специфика края, как уже отмечалось, заключалась в незначительности дворянского землевладения.

В 1880-е гг. земли, находившиеся в частной собственности, составляли лишь 5,1% всей площади; казенные, удельные, церковные и др. – 51,5%; крестьянских обществ – 43,4%⁶. Дворянских земель насчитывалось всего 3,4%, а в дальнейшем еще меньше: в 1905 г. – 2,4%.

Земледелие здесь развивалось в неблагоприятных природно-климатических условиях, которые характеризовались морозными зимами, малоплодородными почвами и непродолжительным теплым периодом. «Климат в Вятке жестокий, – отмечал современник, – ...термометр, вынесенный из комнаты, в одно мгновение собирает всю ртуть в шарик. Следовательно, ртутью невозможно измерение здешних морозов... Жаров нет даже в июле. Тепло, но не жарко...»⁷. Высказывание это, быть может, несколько эмоционально, но небезосновательно. «Климат губернии довольно суров и вредно влияет на растительность... Зима в Вятке... продолжается... до пяти месяцев... Таяние снега и вскрытие рек довольно продолжительны... Вятское лето коротко...», – отмечается в другом документе⁸. Лучшие урожаи в регионе собирались в Елабужском, Сарапульском, Уржумском, Малмыжском и Яранском уездах, то есть в южных – дворянских и удельных землях. Северные вятские уезды более были ориентированы на развитие промыслов, чем земледелия.

В суровых климатических условиях вятские крестьяне зачастую могли вырастить урожай, достаточный лишь для прокормления собственной семьи. Более того, после отмены крепостного права земельные наделы многих из них сократились. Нельзя также не учитывать, что во второй половине XIX в. огромные пространства губернии (более 50%) были покрыты лесами, а пахатные земли занимали приблизительно треть территории. Признаки малоземелья стали проявляться и в связи со стремительным ростом в тот период численности местного, в основном сельского, населения. Все это крайне затрудняло ведение прибивного для крестьян торгового земледелия.

Отсталость сельского хозяйства выражалась и в слабом развитии животноводства, и непостоянным использованием удобрений. В губернаторском отчете за 1874 год читаем: «Вотяки и татары Сарапульского уезда не прибегают даже ни к какому способу удобрения земли. Они верят, что урожай дается Богом и потому не прилагают большого труда для обработки полей. Раскидав зерна по паш-

▼ Премьер-министр П.А. Столыпин

не, не могущей ничего производить, они начинают только умолять Бога о ниспослании плодов»⁹. Такая картина была характерна и для других уездов.

Весьма показательны следующие данные: в конце XIX в. зажиточных крестьянских дворов (с тремя и более лошадьми) в губернии насчитывалось только 7,8%, тогда как по Европейской России таковые составляли в среднем 22%. Крестьян с нерентабельным хозяйством и имевших по одной лошади на Вятке было 52,8%¹⁰. Усилившийся в пореформенное время процесс дифференциации местного крестьянства шел медленно. Сдерживающими его факторами являлись и неблагоприятные климатические условия, и частые неурожаи, и низкая продуктивность хозяйств (средняя урожайность составляла сам – 3), и устойчивость общинных отношений, и традиционные способы ведения хозяйства – экстенсивный характер земледелия, примитивная система земледелия и орудия труда и т.д. Во второй половине XIX в. в северных, преимущественно лесных, уездах все еще использовалось подсечное земледелие, основными орудиями труда оставались соха, борона, серп, косуля, цеп.

Более совершенный сельскохозяйственный инвентарь использовался в помещичьих имениях. В середине 1870-х гг. в Уржумском уезде применялись жатвенные, молотильные и веяльные машины, вызывавшие у местных крестьян удивление. Дальнейшее распространение передовых сельскохозяйственных технологий было связано с деятельностью земства. В конце XIX – начале XX в. земская программа по развитию сельского хозяйства заключалась в распространении среди населения знаний о рациональном ведении земледельческих работ, во внедрении в крестьянское хозяйство совершенного сельскохозяйственного оборудования, минеральных удобрений, в улучшении посевного материала и травосеяния.

После недолгого периода сельскохозяйственных работ крестьяне искали заработок в промысловой деятельности, с помощью которой им удавалось несколько улучшить свое экономическое положение. Среди промыслов наибольшее распространение получили плотничество, токарное, кожевенное, кузнечное, слесарное производства, отход на заводы, бурлачество. Повсеместно в Вятской губернии крестьяне занимались извозом, что обуславливалось отсутствием до конца XIX в. в регионе железной до-

роги и непродолжительностью по причине короткого лета пароходного сообщения. Многие крестьяне отправлялись в Сибирь, в Казанскую и Пермскую губернии для заготовки леса и плотничества, участвовали в сплаве леса из губернии в поволжские города. В 1880-е гг. на продолжительные заработки уходили более 50 тысяч вятчан.

В то же время далеко не все крестьяне находили себе зимний заработок. Некоторые из них, уехав в город, жили там «или без определенных занятий, или настолько бедно, что не в состоянии пропитывать своих семейств, почему дети их занимаются сбором милостыни, увеличивая тем существующее нищенство»¹¹. Местная полиция рассматривала таких людей как источник преступности. В 1872 г. в городе Вятке при полицейском управлении открылся ночлежный приют, в котором нищие находили бесплатное временное убежище. В середине 70-х гг. XIX в. в этом приюте ежедневно ночевали более 40 человек. Кроме ночлега нищие обеспечивались пищей. При приюте имела мастерская, где можно было бесплатно обучиться изготовлению изделий из папье-маше, гипса, картона. Нередкими были и случаи, когда крестьяне выдворялись полицией из города в места своего прежнего проживания.

Низкий уровень развития капиталистических отношений в вятской деревне проявился во время проведения столыпинской аграрной реформы. К 1914 г. из общины вышли лишь 22830 домохозяев, или 4,3% дворов, к 1917 г. – 24233, или 5%¹². Часто крестьяне-собственники сталкивались с неодобрительным к себе отношением со стороны крестьян-общинников. «...Были некоторые недоразумения в Малмыжском уезде между крестьянами деревни Мальчиковой на почве выхода из общины, сторонники коей позволили себе преследовать выделившихся, разбивая у них окна, ломая печи в банях и высказывая разные угрозы», – сообщалось в январе 1912 г. вятским вице-губернатором в департамент полиции¹³. Стойкость общинных отношений в Вятской губернии объяснялась и крепостью традиций, и природно-климатическим фактором, не позволявшим домохозяевам

без поддержки общины эффективно и прибыльно обрабатывать землю.

Буржуазные реформы способствовали дальнейшему развитию в регионе промышленного производства. Во второй половине XIX – начале XX в. в губернии возросло число предприятий, увеличился выпуск промышленной продукции, совершенствовалась производственная техника, росло число рабочих (см. табл.)¹⁴.

Фабрично-заводская промышленность Вятской губернии

годы	число заводов и фабрик	сумма производства (в руб.)	численность рабочих
1877	878	18948198	20620
1888	811	18475729	29918
1890	750	18975813	31419
1895	539	26703424	42196
1900	711	31047767	35862
1905	696	35845851	39841
1910	659	38702252	38343
1913	803	44248250	34611
1914	995	52626820	38589
1915	1713	46993372	25596

На развитии местной промышленности сказывалась аграрная специализация края. В тот период на Вятке работали предприятия четырех групп:

«1. Заводы и фабрики, обделывающие животные продукты;

2. Обделывающие растительные продукты;

3. Обделывающие ископаемые продукты;

4. Смешанных производств»¹⁵.

Особенно большое распространение получили кожевенное, скорняжное, шубно-овчинное, валено-сапожное, винокуренное, пряничное производства. В регионе имелись небогатые залежи полезных ископаемых, что также влияло на развитие промышленности. Здесь велась добыча главным образом железных руд (Слободской, Глазовский, Уржумский уезды), извести и алебастра (Нолинский, Орловский, Уржумский уезды), жернового и опочного камня (Яранский уезд).

Значительная часть промышленных предприятий губернии относилась к числу мелких, с примитивной организацией труда производств. На них работали от 1 – 5 до 100 чел. рабочих. Самыми крупными промышленными заведениями с более совершенным машинным оборудованием были заводы, располагавшиеся на востоке губернии, – это железодельные и чугуноплавильные заводы Омутнинского и Холуницкого горных округов, Ижевский оружейный и Воткинский железодельный заводы. Данные предприятия тяготели к уральской горнозаводской промышленности и на них была сосредоточена основная часть рабочих региона.

По форме собственности эти заводы являлись государственными (Ижевский, Воткинский) и находились в частных руках. Предприятия Омутнинского горного округа (Омутнинский, Песковский, Пудемский, Кирсинский заводы), где из местной железной руды выплавлялся чугун и производилось железо, принадлежали ярославским предпринимателям Пастуховым. Заводы Холуницкого горного округа (Холуницкий, Климковский, Чернохолуницкий, Залазнинский), славившиеся чугуном литьем и выпускавшие железо, принадлежали витебскому дворянину и

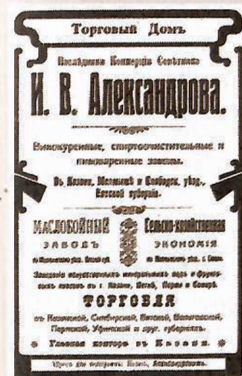
➤ Реклама торгового дома Александровых

➤ Ижевский завод

купцу 1-й гильдии А.Ф. Поклевскому-Козелл и его наследникам.

Средние и мелкие производства губернии являлись в основном частновладельческими. Среди них немалый удельный вес имели купеческие и крестьянские предприятия. В России были известны вятские кожевенные, скорняжные, винокуренные, литейные, фосфоро-спичечные производства. Больших успехов в промышленных делах добились слободские купцы Александровы. Первоначально они владели кожевенными заводами, а впоследствии стали профессионально заниматься виноделием. У истоков их винокуренного производства стоял Василий Васильевич Александров – купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин. Его дело с размахом продолжали сын Иван Васильевич и внуки. Заводы и торговые заведения этого купеческого семейства работали в их родном городе Слободском, в Вятке, в Малмыже, в Казани. Они торговали в Поволжье, на Урале и даже в Испании, выдерживая конкуренцию с лучшими европейскими виноделами¹⁶. У Александровых был и свой флот. В 1900 г. их пароходы вошли в общую с Тихоном Булычевым и Яковом Тырышкиным пароходную фирму, преобразованную позже в товарищество Вятско-Волжского пароходства.

➤ Кокшанский химический завод

➤ Купец 1-й гильдии г.Елабуги П.К. Ушков

Темпы развития промышленности губернии были медленными и неравномерными. Во второй половине XIX в., в частности в период промышленного подъема 1890-х гг., наблюдалось, с одной стороны, сокращение числа фабрик и заводов (с 750 в 1890 г. до 711 в 1900 г.), а с другой – рост объема производства (более чем в 1,5 раза) и увеличение количества рабочих (с 31419 до 35862). В период экономического кризиса начала XX в. число предприятий по-прежнему сокращалось, сумма производства и численность рабочих оставались сравнительно стабильными. В 1910-е гг. наблюдался рост числа фабрик и заводов, выпуска продукции и уменьшение численности рабочих, что было связано с событиями Первой мировой войны. Сокращение количества промышленных заведений происходило за счет мелких предприятий, которые, не выдержав конкуренции со стороны более крупных, лучше технически оснащенных производств, закрывались или входили в состав других предприятий.

Развитие капиталистических отношений вело к дальнейшему расширению торговли. Из губернии, как сельскохозяйственного региона, вывозилось много зерна, муки, крупы, льна и другой сельскохозяйственной продукции, отправлялись также железо, бумага, вино, лес. Вятские товары пользовались спросом на рынках портовых городов – Санкт-Петербурга, Архангельска, откуда они вывозились за границу. Их поставляли в Нижний Новгород, Рыбинск, Москву, в города Поволжья, Урала и Сибири.

Немалое значение для расширения торговых связей имели появившиеся на Вятке во второй половине XIX в. пароходное сообщение и железная дорога – Пермь-Котласская (1899 г.) и Северная (1906 г.). В майском номере «Вятских губернских ведомостей» за 1861 год читаем: «Вчера вечером, около половины девятого, в нашей мирной Вятке поднялась необыкновенная суматоха. Несмотря ни на облака, которыми затянулось небо, ни на грязь от недавнего дождя, ни на начавшийся снова дождь, вдруг двинулся народ со всех концов города. Мужчины и жен-

г. Вятка. Вокзалъ. Общій видъ отъ платформы. № 7.

щины, старые и малые, в экипажах и пешком, по тротуарам и по дороге, торопясь, обгоняя одни других, поскальзываясь, спотыкаясь, ехали, шли и бежали на берег реки Вятки. «Эй, куда вы, что случилось?», – спрашивает один выбежавший из-за ужина за ворота. «Пароход», – лаконично отвечает господин, торопливо шагая и придерживая полу надетой в рукава шинели. «Ой, да што это!», – вскрикивает барыня, которую чуть с ног не сбили разбежавшиеся сзади мальчишки. В несколько минут берег покрылся народом. Приход парохода для здешних жителей явление почти необыкновенное: такую диковину Вятка в первый раз увидела лет шесть тому назад, когда зашел сюда камско-волжский пароход «Вятка» принадлежит товариществу купцов вятских А. Куклина и В. Столбова и орловского И. Чудиновских. Пароход этот буксирный в 50 сил, длиной около 20 сажень, построен на нижегородском заведении Колчина...»¹⁷. Это было только начало. В будущем пароходы, как и железная дорога, стали для вятчан привычным явлением.

Во второй половине XIX – начале XX столетия широкое развитие получила и внутренняя торговля: стационарная – магазинная, лавочная и периодическая – ярмарочная, базарная. В конце 1880-х гг. в Вятской губернии насчитывалось до шести тысяч торговых заведений. В середине 1890-х гг. торгово-промышленных предприятий было уже около семи тысяч, а в 1915 г. их число достигло 21246¹⁸. Среди ярмарок крупными по товарообороту были Алексеевская ярмарка в Котельниче, Семеновская в Вятке, Троицкая в Уржуме и Никольская в Глазове. Значительная часть ярмарок проходила в сельской местности. В 1874 г. в губернии насчитывалось 147 ярмарок, из них 20 – городских и 127 – сельских¹⁹.

Торговля являлась одним из главных профессиональных занятий местных купцов. Наибольшее их число проживало в Вятке (424 чел.), Елабуге (311), Сарапуле (305), Нолинске (233), Слободском (199)²⁰. Подавляющее большинство вятского купечества состояло во второй купеческой гильдии. Природно-географические и экономические факторы не благоприятствовали складыванию в Вятской губернии значительных гильдейских капиталов.

В пореформенный период наблюдался процесс упадка российского купеческого сословия. Новые экономические условия рождали и новый тип предпринимателя – бур-

◀ Реклама товарищества Вятско-Волжского пароходства. 1906 г.

▶ Промышленник А.И. Путилов

▼ Вятские пристани

уже не требовалось в обязательном порядке приобретать купеческие свидетельства. В Вятской губернии произошло снижение общей численности купечества, повышался его средний возраст, увеличивалось число неторгующих купцов, то есть тех, кто приобретал гильдейские свидетельства только для звания. В то же время медленные темпы развития в крае капиталистических отношений способствовали большей устойчивости купеческой корпоративной организации. Вплоть до 1917 г. купцы сохраняли свое влияние в экономической и общественно-политической жизни региона.

Как и в России в целом, в Вятской губернии шел процесс объединения торговых и промышленных капиталов в акционерные общества и торговые дома. Крупными торгово-промышленными объединениями, охватывавшими различные отрасли промышленности – металлургическое, кожевенное, скорняжно-меховое, вино-водочное, химическое производства, были фирмы купцов Александровых, Гирбасовых, Вахрушевых, Тырышковых, Зоновых, Стахеевых, Ушковых и др. Наибольшее распространение в регионе получило объединение капиталов в форме торговых домов, организованных на родственных началах. Их учредителями являлись как представители купеческого сословия, так и зажиточные крестьяне и мещане²¹. Широкие масштабы приобрела деятельность торговых домов купцов Стахеевых, занимавшихся ведением крупной хлебной торговли на российских рынках и за рубежом, торговавших нефтью, керосином, мануфактурными товарами, чаем, вином. В начале XX в. на основе их торгово-промышленных предприятий и Русско-Азиатского банка сложился

жуазию, которую составили выходцы из различных сословий. Процесс упадка купеческого сословия ускорило Положение о государственном промысловом налоге 1898 г., по которому для занятий торгово-предпринимательской деятельностью

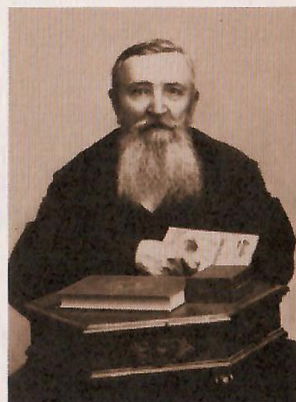

Губерния Вятская

концерн, возглавляемый А.И. Путиловым, П.П. Батолиным, И.И. Стахеевым. Слияние торгового капитала с промышленным, создание крупных торгово-промышленных объединений свидетельствовало о все большем развитии в губернии капиталистических отношений.

Приметой времени стало появление на Вятке иностранных предпринимателей. Последние не только закупали вятский хлеб, но и вкладывали свои капиталы в железоделательное, спичечное, винокуренное производство, в сферу услуг. В центре г. Вятки была открыта гостиница «Стокгольм», принадлежавшая семье Пуссетов, пытавшихся превратить свое учреждение в гостиницу европейского уровня. Глава семьи швед Аксель Пуссет владел также кондитерской, булочной, рестораном, содержал извозчиков с элитными экипажами, имел прогулочный пароход. Выходцами из Швеции были и промышленники Нобели. Людвиг Нобель оснащал вятские предприятия паровыми и силовыми машинами, заключал контракты с Ижевским заводом. О деятельности иностранцев-предпринимателей вспоминал купец Константин Игнатьевич Клепиков: «...В зиму 1896 – 1897 гг. евреи из Лейпцига купили в нашей губернии чрез комиссионеров – вятских купцов – 150 тыс. пудов кудели»²². «В Вятке никогда не бывали китайцы; в минувшее лето приезжали, ходили по всему городу, продавали китайскую чесучу; граждане охотно покупали и много расспрашивали о Китае», – писал Клепиков в 1900 г.²³ Иностранный капитал был здесь явлением эпизодическим, существенно не влиявшим на экономическое развитие региона.

Экономическая модернизация проявилась и в заметном расширении кредитно-банков-

← Людвиг Нобель

➤ Реклама машиностроительного завода «Людвиг Нобель»

ской системы. В начале XX в., помимо городских банков, отделений Государственного и Волжско-Камского банков, Вятского общества взаимного кредита, в регионе действовали отделения Русского для внешней торговли банка, Сибирского торгового банка, Русского торгово-промышленного банка. Банковские учреждения охватывали своими операциями – учетом векселей, выдачей ссуд и др. – основные отрасли местной промышленности, торговлю, сельское хозяйство. При открытии в ноябре 1906 г. Вятского отделения Русского для внешней торговли банка отмечалось, что успех нового учреждения несомненен, так как, помимо обычных банковских операций, «новый банк практикует еще и комиссионно-ссудные товарные операции, что, конечно, явится громадным подспорьем для наших коммерсантов»²⁴.

Однако развитие капиталистических отношений в Вятской губернии в целом шло медленно. Особенности социально-экономического положения Вятской губернии влияли на развитие общественно-политической жизни региона. Ввиду незначительности частного землевладения и фабрично-заводской промышленности накал крестьянских и рабочих выступлений здесь был намного меньше, чем в центральных губерниях. Наибольший подъем крестьянского движения в губернии наблюдался в первое пореформенное время, в годы Первой русской революции. После отмены крепостного права крестьяне были недовольны установленными условиями выкупа наделов, проведением межевых работ, высокими нало-

ВОСПОМИНАНИЯ ВЯТСКОГО СТАРОЖИЛА.

КЛЕПИКОВ
К. И.

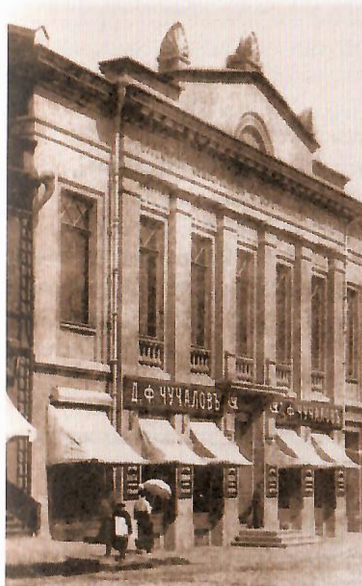
ВЯТКА.
Типограф и полиграфический завод,
Вятка.
Вятский купец К.И. Клепиков.

↑ «Воспоминания вятского старожила»
К.И. Клепикова

↑ Вятский купец К.И. Клепиков

▼ Вятский общественный Федора Веретенникова банк

гами. Их движение носило стихийный характер и выражалось в различных формах: крестьяне отказывались платить выкупные платежи, захватывали частные, казенные и удельные земли, лесные угодья, рубили лес, не выполняли повинности и не брали уже подписанные уставные грамоты, оказывали сопротивление полиции и даже войскам²⁵.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в крестьянской среде сильными были и царистские настроения. В политическом

обзоре Вятской губернии за 1884 год, составленном начальником Вятского губернского жандармского управления для департамента полиции, говорилось: «В быту этого (крестьянского. – М.С.) населения неизгладимо сохраняются благопочтительнейшая память по в Бозе почивающем Императоре Александре II и совершенно верно-подданническая преданность к благополучно царствующему ныне Государю Императору... Крестьянское сословие в отношении политических стремлений представляет надежный оплот против злоумышленников и врагов государства»²⁶. «Главный контингент населения вверенной моему наблюдению Вятской губернии, около 90%, составляют крестьяне-землепашцы, консервативность и благонадежность которых не подлежит ни малейшему сомнению...», – указывалось в обзоре за 1892 год²⁷. И таких свидетельств немало.

В начале XX в. настроения вятских крестьян несколько меняются. В 1905 – 1907 гг. в их приговорах наряду с экономическими требованиями чаще стали звучать и требования политического характера. С 30 ноября по 2 декабря 1905 г. в Вятке проходил губернский крестьянский съезд, на который прибыло около 300 представителей от шести уездов. Делегаты съезда обсуждали вопросы о не-

обходимости национализации земли, созыва всенародной Государственной Думы, совместных выступлений рабочих и крестьян и т.д. Особенно большой размах крестьянское движение приобрело весной-летом 1906 г.

Развитию рабочего движения в губернии способствовали тяжелые условия труда, существовавшие на вятских предприятиях, сложное материальное положение рабочих и агитация со стороны оппозиционных сил. Во второй половине XIX в. крупные выступления рабочих происходили на предприятиях Омутнинского и Холуницкого горных округов, на Воткинском заводе. Волнения в тот период обычно возникали стихийно и носили экономический характер. В годы Первой русской революции рабочее движение на Вятке заметно расширилось, но в отличие от центральных регионов оно развивалось медленно и с меньшим числом бастовавших. Политические требования местными рабочими зачастую не выдвигались.

Крестьянские и рабочие волнения в Вятской губернии в тот период не привели к крупным вооруженным выступлениям. В декабре 1905 г., правда, местные социалистско-революционеры пытались организовать в г.Вятке такое выступление, но оно незамедлительно было подавлено. Большое влияние на развитие революционных событий тех лет оказывала деятельность различных партий. Самыми представительными здесь были организации РСДРП, эсеров, монархистов, кадетов, октябристов.

Итак, во второй половине XIX – начале XX в. в Вятской губернии, являвшейся сельскохозяйственным, экономически слабо развитым регионом, становление капиталистических отношений шло неравномерно и имело невысокие темпы. Сказывался, во-первых, тот фактор, что исторически Вятская земля сложилась как регион с незначительным частным землевладением и с сильными общинными традициями. Во-вторых, долгое время, находясь вдали от крупных торгово-промышленных центров, губерния не имела удобных путей сообщения. В-третьих, свою роль сыграли неблагоприятные природно-климатические условия и небогатые залежи полезных ископаемых. Вместе с тем в этот период, несмотря на огромное влияние естественных факторов и традиционализма, набирал силу позитивный процесс преодоления экономической отсталости, наблюдался рост самосознания и общественно-политической активности населения губернии.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ДИНАСТИИ

Вятский край издавна был богат на людей предприимчивых. Без деловой активности, смекалки в северных условиях прожить было довольно сложно. С другой стороны, здесь не сложилось в традиционном понимании крепостное право, и поэтому для развития частной инициативы имелось гораздо больше простора, чем в центральной и южной России. В Вятском крае жили многие известные предприниматели. Элиту делового мира губернии составляли представители купечества. После выхода екатерининской Жалованной грамоты городам оформляется гильдейское купечество, сохранявшее свое влияние в экономической, общественной и культурной жизни региона вплоть до 1917 г. Фамилии вятских купцов-гильдейцев Рязанцевых, Машковцевых, Анфилатова, Стахеевых, Ушковых, Прозоровых знали не только в России. К сожалению, о русских предпринимателях долгое время господствовало в основном негативное представление. Купец виделся многим только как представитель «темного царства», как человек, далекий чуть ли не от всего прогрессивного. Однако такой образ предпринимателя явно необъективен. Для Вятского края предприниматель – это и умелый производственник-торговец, и крупный общественный деятель, и благотворитель. Об этом свидетельствует история многих купеческих семей. Заметный след в экономике и общественной жизни Вятской губернии оставили династии Прозоровых, Пастуховых, Кардаковых, Булычевых, Вахрушевых, о которых и пойдет речь дальше.

ПРОЗОРОВЫ

Во второй половине XIX века в городе Вятке на площади Александро-Невского собора стоял красного цвета, с опочными украшениями особняк, который за живописный вид местные жители называли «красным замком». Этот дом принадлежал крупному предпринимателю и благотворителю Якову Алексеевичу Прозорову (1816 – 1881) – «кормильцу», как его называли вятчане¹.

Своей деятельностью этот человек смог охватить практически все направления общественной жизни – городское управление, экономику, образование, церковь, культуру. Он был незаурядным предпринимателем, оставившим у жителей Вятской губернии добрую о себе память. Предки Я.А. Прозорова жили в Якимовагинской волости Вятского уезда и были крестьянами. У его деда – Семена Антоновича имелась мельница, которая и помогала прокормить большую семью. Детей у С.А. Прозорова и его жены Феклы было 17, но до зрелого возраста дожили только трое – две дочери и сын Алексей.

Семен Антонович был человеком грамотным и вел записную книжку². Примечательно, что в своих записках С.А. Прозоров называл себя купцом и упоминал о поездках в крупные российские торговые города – Архангельск, Казань, Соликамск и другие. Семен проявлял себя и в общественной деятельности – избирался заседателем магистрата, занимался церковной благотворительностью. Известно также, что деда С.А. Прозорова звали Фирс, он родился в 1666 г., был хлыновским посадским, имел двор.

Торговая деятельность стала профессиональным занятием сына Семена Антоновича – Алексея. Сначала он состоял в третьей, а затем перешел во вторую купеческую гильдию. В Вятке у А.С. Прозорова был небольшой дом с двумя амбарами при нем. Алексей закупал рожь, овес, муку, лен, льняное семя и отправлял свой товар в Архангельский порт. Был он дважды женат. От первого брака у Алексея

Семеновича родился сын Александр – в будущем крупный слободской купец, городской голова и благотворитель, от второго брака – пять сыновей: Афанасий, Петр, Николай, Федор, Яков и две дочери: Елизавета и Серафима.

Расцвет купеческой династии Прозоровых был связан с деятельностью Якова Алексеевича, родившегося в Вятке 27 сентября 1816 г. Свои капиталы он накапливал, торгуя хлебом, льном, куделью, конским волосом, щетиной, которые через Архангельский и Петербургский порты шли

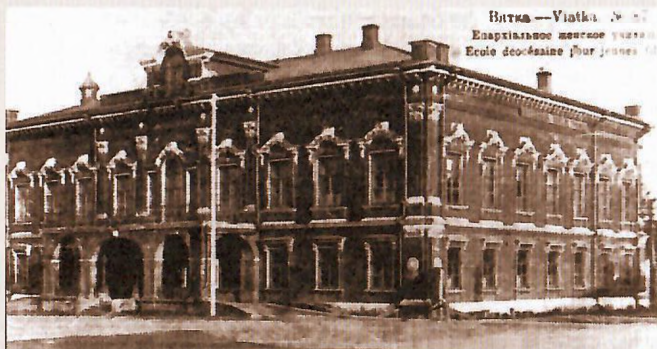
▼ «Красный замок» Я.А. Прозорова

за границу, в основном в страны северной Европы. Этими же товарами торговали и другие местные купцы, но далеко не все были так удачливы, как Прозоров. В чем же секрет его делового успеха?

Многое значило, что Яков Алексеевич был наследственным, потомственным купцом. Его отец, имея богатый опыт в торговых делах, постепенно передавал его своим сыновьям. Успешному ведению дел способствовали и личные качества Якова Прозорова. От природы он имел организаторский талант и обладал хорошей памятью. Прозоров всегда точно знал, какой и сколько товаров закупается и продается от его имени, чем заняты его приказчики. У него было еще одно важное качество – он ценил своих подчиненных, которые платили ему тем же, а главное – честным трудом. Весьма показательны слова этого купца, произнесенные в разговоре с племянником: «Вот, ты видел, от меня сейчас вышли рабочие и мой служащий – торговый приказчик, вот этих людей я ценю, они труженики, и результат их работы – реальная польза, а те, в тех комнатах, что гудят и веселятся – это одна вывеска. Вот смотри: у меня лакей Михайло, франт, в течение дня раз пять меняет одежду, видный собой, прекрасный выездной с каретой и докладом, а цена ему грош. Так научись, глядя на них, следовать примеру первых, а не гнаться за вторым»³.

Яков Алексеевич всегда тонко чувствовал экономическую конъюнктуру. «Зорко наблюдая за ходом дела и умело ведя торговлю, он из года в год увеличивал свой капитал, а во время турецкой (Крымской) войны, продав товар за границу по расчету на золото, потребовал уплаты в момент падения рубля в России, через что при расчете получил прибыли на одной курсовой разнице – около миллиона», – писал современник⁴.

Большие средства Я.А. Прозоров вкладывал в покупку недвижимости. Он приобретал лучшие здания в городе, сдавал их в наем, получая прибыль. В его домах размещались квартира и канцелярия вятского губернатора, Вятское благородное собрание, торговые, питейные и благотворительные учреждения. Сам Яков Алексеевич жил сначала в доме на углу Вознесенской и Никольской улиц (совр. ул. Ленина – Пролетарская) в Вятке, но с расширением торгово-предпринимательской деятельности и рождении детей старый дом стал маловат. Прозоров строит для

себя на месте родительского дома большой каменный двухэтажный особняк, который и получил название «красного замка» (совр. ул. Ленина, 104).

Дом был действительно примечательный: снаружи имел невыбеленные стены, парадный подъезд, балкон с видом на Александро-Невский собор. Внутри дома находился большой зал и гостиная с паркетными полами, кабинет хозяина. В подвальном этаже располагались различные службы. Рядом с домом был устроен обширный сад с беседкой. Впоследствии по завещанию Якова Алексеевича «красный замок» был передан Вятскому епархиальному женскому училищу, а в его кабинете устроена домовая церковь.

Будучи крупным купцом, Я.А. Прозоров подает на имя императора Александра II прошение о возведении его с семьей в потомственные почетные граждане. «Состоя в Вятском городском обществе, – указывалось в прошении, – я с 1845 г. по 1855 г. в течение десяти лет объявлял купеческий капитал по 2-й гильдии, а с 1855 г. и поныне нахожусь в 1-й гильдии. В семействе моем, которое состояло и состоит нераздельно и совокупно в одном капитале, находится жена моя Пелагея Семенова и законные дети: сыновья – Алексей и Владимир и дочери – девицы Ольга и Зинаида»⁵. Ходатайство Якова Прозорова было удовлетворено Правительствующим Сенатом в феврале 1860 г.

Я.А. Прозоров, с каждым годом умножая свои капиталы, достиг немалых высот. В списке купцов на 1870 г. о нем сообщается: «Прозоров Яков Алексеевич, коммерции советник, потомственный почетный гражданин, имеет золотую медаль на Станиславской ленте, пожалованную в 1860 году, купец 1-й гильдии, торгует хлебным и льняным

товарами, которые отправляет к Архангельскому и Петербургскому портам за границу»⁶. Такого размаха в коммерческих и общественных делах до Прозорова на Вятке, пожалуй, никто из предпринимателей не имел.

До 1917 г. обычным делом было, когда крупный купец возглавлял органы местного самоуправления. Считалось, что деловой человек сможет по уму руководить и хозяйственной жизнью городов и сел. В 1859 – 1862 гг. Я.А. Прозоров был городским головой в Вятке. В этот период он возглавлял комитет по постройке витберговского Александро-Невского собора. Значительную часть затрат по строительству и обустройству храма Яков Алексеевич брал на себя. Во многом благодаря его стараниям собор был освящен в 1864 г., через 40 лет после посещения Вятки Александром I. Именно в память об этом событии и решили вятчане возвести храм.

Свою торгово-предпринимательскую деятельность Я.А. Прозоров успешно сочетал с благотворительностью, которая, как часто казалось, не знала пределов. На свои средства он устроил богадельню, пожертвовал дома ремесленному приюту, городскому и епархиальному женскому училищам, открыл дом призрения для детей бедных граждан, благоустраивал Вятскую Владимирскую церковь – семейный прозоровский приход. «Вятские губернские ведомости» отмечали: «Владея огромным состоянием, он резко отделялся от того круга людей, которые имеют одну цель – наживу... Редкий бедняк не рассчитывал на его добрую помощь»⁷. В деловых книгах Прозорова была специальная статья – «счет благотворительности». На дела благотворительности он ежегодно отчислял значительные суммы – 10 процентов с рубля прибыли. На праздники из его конторы беднякам выдавалась мука. Невесты из бедных семей при выходе замуж получали от Якова Алексеевича денежное пособие.

В мемуарах племянника Я.А. Прозорова Александра Александровича воссоздается портрет этого предпринимателя – довольно яркий и колоритный: «Когда мне пришлось познакомиться с Яковом Алексеевичем, ему было уже лет 60. Росту он был немного выше среднего, волосы имел темно-русые, твердые, носил их всегда гладко остриженными с косым рядом. Отличительной его привычкой было чесать затылок во всех случаях, когда ему приходилось задумываться или сосредотачиваться. Остаток

жизни он проводил, играя в карты, он почти никогда не выпускал изо рта трубку табаку с длинным мундштуком. Черты лица его были правильные, но маловыразительные, а взгляд строго сосредоточенный»⁸.

Александр Прозоров пишет и о супруге Якова Алексеевича – Пелагее Семеновне, красивой в молодости женщине, в почтенном возрасте – седой, с редкими волосами до плеч. Она была женщиной выдержанной, всегда корректной, обходительной, располагающей к себе и «внушала к себе общее уважение»⁹. П.С. Прозорова любила театральное искусство, помогала артистам. В 1860-е гг. театр в Вятке располагался в прозоровском доме на нижней торговой площади. В театре имелись ложи. Одну из них постоянно занимала Пелагея Семеновна со своими гостями.

В 1879 г. Яков Алексеевич с семьей уезжает на жительство в Петербург. Перед отъездом он остался верен себе – пожертвовал Вятскому благотворительному обществу и городу почти целый квартал домов по ул. Вознесенской-Спасской (совр. ул. Ленина – Дрелевского), ряд других построек, а некоторым бедным дал пожизненный пенсион.

В столице купец и дворянин Я.А. Прозоров вместе с семьей жил в собственном особняке в престижной части города – на Английской набережной. Рядом с их домом находился причал. Торговые дела этой семьей велись под фирмой «Яков Прозоров с Сыном», но в Петербурге Прозоров прожил недолго. Он умер в феврале 1881 г. Похоронили Якова Алексеевича в Александро-Невской лавре, которая стала усыпальницей и его семьи – супруги, сына Алексея, известного в российских деловых кругах предпринимателя, председателя Петербургского биржевого комитета, и других родственников.

Еще долгое время жители Вятской губернии не забывали своего благодетеля. В планах было назвать именем Прозорова улицу в губернском центре. Планы эти так и остались на бумаге, и только в 2002 г. благодаря стараниям краеведа-подвижника Валентины Ивановны Кошечевой и Вятского Прозоровского культурно-просветительного общества, учрежденного в Кирове в честь Якова Алексеевича Прозорова в 1999 г., на доме №33 по улице Московской, принадлежавшем этому благотворителю и пожертвованному им на нужды образования, была установлена

мемориальная доска. Ее текст гласит: «Этот дом принадлежал купцу 1-й гильдии, потомственному почетному гражданину, меценату вятского просвещения Якову Алексеевичу Прозорову (1816 – 1881). В 1878 году здание им подарено городу для размещения в нем Вятского городского четырехклассного училища». И ныне о Прозорове Вятка не забывает.

ПАСТУХОВЫ

В развитие промышленности Вятской губернии заметный вклад внесли купцы Пастуховы. Во второй половине XIX – начале XX в. они были владельцами Омутнинского, Пудемского, Песковского и Кирсинского заводов. В литературе встречаются высокие оценки их деятельности. В «Памятной книжке Вятской губернии на 1870 год» об Омутнинском заводе говорится: «Завод этот находится в хорошем состоянии благодаря коммерческим рукам и денежной состоятельности заводоладельцев»¹⁰.

О Пастуховых писал Александр Дюма-отец, посетивший Россию в 1858 – 1859 гг.: «Не менее приятно для путешественников то, что в Ярославле находится одна из лучших гостиниц в России, может быть, единственная, за исключением гостиниц двух столиц, где имеются кровати. Она, по имени своего хозяина, называется гостиницей Пастухова. Ее владелец, кажется, дважды или трижды миллионер, но он разбогател не только благодаря кроватям своей гостиницы, а еще и потому, что торгует железом по всей России. Эту монополию он делит с другим торговцем железом, Барковым. Все железо, продающееся на ярмарке в Нижнем, принадлежит этим двум крупнейшим дельцам»¹¹. Как видим, в середине XIX в. Пастуховы были уже весьма состоятельными купцами. Их капиталы начали складываться еще в дореформенную, докапиталистическую эпоху.

Пастуховы являлись выходцами из ярославских посадских людей. Родоначальником этой купеческой династии был Матвей Петрович, имевший в 70-е годы XVIII в. кирпичный завод и занимавшийся торговлей¹². Его коммерческие дела продолжал сын – Матвей Матвеевич, купец 2-й гильдии. М.М. Пастухов торговал хлебом, «российским и немецким товаром», пенькой в Петербурге, Архангельске, Рыбинске, Ярославле и в других городах.

К 1840-м годам торгово-предпринимательская деятельность представителей этого рода приобрела широкий размах. Дети Матвея Матвеевича – купцы первой гильдии Петр и Александр – закупали крупными партиями хлеб и железо, торговали форфором и хрусталем, участвовали в казенных подрядах и винных откупках, вкладывали свои капиталы в недвижимость, имели суда. По Волге, между Самарой и Рыбинском, ходил их пароход «Ярославль».

Купцы Пастуховы постоянно торговали при Санкт-Петербургской бирже. В 40-е годы XIX в. из Ярославской губернии на биржу северной столицы приезжали купцы-первогильдейцы мануфактур-советник и почетный гражданин Иван Порфирьевич Оловянишников, коммерции советник и почетный гражданин Александр Матвеевич Пастухов, Павел Иванович Крохоняткин, Василий Михайлович Пегов. Это был цвет ярославского купечества. Одно имя Оловянишникова, городского головы, владельца фирмы, занимавшейся изготовлением колоколов и церковной утвари, говорит само за себя. На Петербургской бирже, первой в России, открытой еще в петровский период, велась оптовая торговля промышленными и сельскохозяйственными товарами, осуществлялись сделки с ценными бумагами. В работе биржи участвовали иностранцы. Все это не могло не заинтересовать Пастуховых, в то время уже состоятельных предпринимателей, знавших конъюнктуру рынка и стремившихся к расширению своей коммерческой деятельности.

Брат Александра Матвеевича Петр вел крупную хлебную торговлю, являвшуюся одним из главных занятий ярославского купечества первой половины XIX в. Это направление предпринимательской деятельности роднило купцов двух северных городов – Ярославля и Вятки.

Особое внимание дом Пастуховых уделял производственной деятельности. Эти купцы приобрели четыре крупных завода в Вятской губернии, построили механический завод в Ростове-на-Дону и Сулинский металлургический завод в Дон-

Губерния Вятская

бассе. Ими владели представители нескольких поколений династии Пастуховых: сын Петра Матвеевича – Николай и Александра Матвеевича – Дмитрий, а затем и дети Николая – Леонид, Петр, Сергей.

Интереснейшие сведения об этих предпринимателях находим в воспоминаниях академика Михаила Александровича Павлова (1863 – 1958), отца русской металлургии, работавшего после окончания в 1885 г. Петербургского горного института на заводах Пастуховых в Вятской губернии, а впоследствии и в Донбассе. Небезынтересно, что в 1896 г. перед работой на Сулинском заводе М.А. Павлов побывал на их счет даже в Америке, где изучал, как выплавляется чугуна на антраците, то есть каменном угле высшего качества.

О Николае Петровиче Пастухове Павлов пишет, что это был «купец без всякого образования, но энергичный человек с русской сметкой»¹³. В то время он был уже в солидном возрасте, и поэтому предпринимательскими делами управлял его сын Леонид – человек образованный, обучавшийся в Англии. Следует сказать, что Николай Петрович «настоящими деловыми людьми признавал только англичан и для приобретения деловых качеств считал необходимым поработать в какой-либо английской конторе»¹⁴.

М.А. Павлов вспоминал и других сыновей Николая Пастухова. Они, как он пишет, «вышли менее удачными, чем Леонид»¹⁵. На вятские заводы как-то приезжали Петр и Николай Николаевичи Пастуховы, тогда еще молодые. Впечатление о них сложилось как о недалеких людях, так как было видно, что «они ничего не понимают». В данной ситуации, быть может, многое можно списать на молодость купцов, на их неопытность. Иными словами Павлов характеризует Дмитрия Александровича Пастухова. Это был умный, предприимчивый купец, правда, он «отличался вспыльчивостью и даже вздорным характером»¹⁶.

Д.А. Пастухов построил механический завод в Ростове-на-Дону и металлургический в Сулине. На последнем

← Леонид Пастухов

→ Омутнинский завод в начале XX в.

плавка чугуна велась на антраците. По указанию владельца в заводском помещении был поставлен бюст Петра I. Высеченные на постаменте слова гласили: «Сей минерал не нам, а потомкам нашим полезен будет». Такими поtomками и стали Пастуховы. Позднее Сулинский завод Дмитрий Александрович продал двоюродному брату Николаю Петровичу. В начале XX в. одним из владельцев этого завода являлся Сергей Пастухов. С.Н. Пастухов был дворянином, членом совета Азовско-Донского коммерческого банка, председателем правления северных заводов наследников Н.П. Пастухова и Общества Сулинского чугуноплавильного и железоделательного завода. Пастуховы были потомственными почетными гражданами, а со временем, как видим, одворянились.

Итак, на Вятке представители этой династии имели четыре завода. В середине XIX в. они приобрели чугунолитейные и железоделательные Омутнинский и Пудемский заводы, а чуть позже, в 1870-е гг. – Кирсинский и Песковский. Эти предприятия располагались в северо-восточной части губернии, в Глазовском и Слободском уездах.

Ранее Кирсинский и Песковский заводы принадлежали казне и, как отмечали газеты, они перешли к Пастуховым «за самую незначительную сумму, с правом пожизненного владения огромным количеством десятин земли и лесов»¹⁷. Самым крупным среди вятских заводов Пастуховых был Омутнинский, основанный еще в годы царствования Екатерины II, в 1775 г., опытным заводчиком, владельцем Пудемского завода И.П. Осокиным. Завод постепенно расширялся. В 1870 г. в заводском поселке имелось две церкви и проживало свыше двух тысяч человек.

- ✦ Торговая реклама фирмы «Н.П. Пастухова и-ки»
- ✦ Техническое училище Н.П. Пастухова

На пастуховских заводах из местной железной руды выплавлялся чугун и производилось железо, изготовлялись «литые для продажи», горшки, котлы, печные приборы, сковороды и другие товары. Вятское железо хорошо обрабатывалось и почти не ржавело, потому, конечно же, ценилось. Особенно большими партиями оно вывозилось в Казанскую губернию, в Нижний Новгород, Ярославль.

Омутнинский, Песковский, Пудемский, Кирсинский заводы относились к числу крупнейших промышленных предприятий губернии. На них была сосредоточена значительная часть местных рабочих. В середине 1880-х гг. на Омутнинском заводе числилось 2402 чел., Песковском – 1600, Кирсинском – 709, Пудемском – 500.

Главная контора Пастуховых располагалась в их родном городе Ярославле, а на заводах, объединенных в Омутнинский горный округ, распоряжался управляющий. Кроме того, на каждом заводе был свой управитель. Во время работы М.А. Павлова на Песковском заводе управителем был Лихачев – «почтенный, смирный» старичок, на Кирсинском – Демин – «сравнительно молодой человек, инженер-технолог., приглашенный с Воткинского завода»¹⁸.

В вятской прессе неоднократно подчеркивалось, что как сами Пастуховы, так и управляющие их заводами отличались чрезмерной расчетливостью и экономией. «При проявлении оспенной эпидемии, – сообщалось в статье о Кирсинском заводе, опубликованной в «Вятском крае» за 1895 г., – заводоуправление принимает на себя слишком небольшие затраты, а главные же расходы – заготовку белья, услуги медицинского персонала – относит к обязанности земства»¹⁹. Такая политика заводской администрации не лучшим образом сказывалась на положении рабочих и служила поводом для забастовок. Вместе с тем нельзя сказать, что Пастуховы игнорировали решение заводских социальных проблем. В 1890-е же годы «Вятские губернские ведомости» сообщали: «В Кирсинском заводе на средства заводоуправления содержится бесплатная больница на 15 кроватей. Прежде медицинский персонал ее состоял из фельдшера, акушерки и аптекарского ученика, но с 1889 г. приглашена женщина врач (г-жа Заволжская)»²⁰.

Пастуховы понимали значение благотворительности в развитии образования и общественной жизни в целом. В 1900 г. по инициативе Н.П. Пастухова в Ярославле было открыто техническое училище с ремесленной при нем школой²¹. Это учебное заведение имело не только собственное здание, хорошо оборудованные мастерские, но и квалифицированных педагогов, которые, обучая детей мещан, крестьян, священнослужителей, стремились так провести занятия, что новый материал учениками усваивался прямо в классе. Более того, обучение в нем являлось бесплатным. В авторитетном и ныне словаре Брокгауза и Ефрона Пастуховское училище называется среди трех наиболее известных в России технических училищ.

В начале XX в., в 1910 – 1913 гг., Пастуховы проводят реконструкцию своих вятских заводов. Во многом благодаря этому они избежали их закрытия, как это случилось в 1909 г. с предприятиями соседнего Холуницкого округа. Рабочие закрытых предприятий бедствовали. Им оказывали помощь губернские власти, видевшие выход из тяжелой ситуации в развитии среди рабочих кустарных промыслов и ремесел. Что же касалось Пастуховых, то они пошли по пути акционирования своего округа, доверив это важное дело Сибирскому торговому банку. В тот период этот банк был крупнейшим в

России. Располагался он в Петербурге, на Невском проспекте и имел свыше 50 филиалов. В 1910-е гг. банк вел биржевые операции, кредитовал торговые фирмы. Акционирование пастуховских заводов прошло успешно. Однако оно привело к тому, что после 1913 г. Пастуховы уже не являлись полновластными хозяевами Омутнинского округа.

В родном городе Пастуховых на старинном Леонтьевском кладбище до наших дней сохранились захоронения представителей этой династии. Рядом с кладбищенской церковью, построенной на купеческие пожертвования и освященной в конце XVIII столетия в честь святителя Леонтия Ростовского, были погребены Александр Матвеевич (1793 – 1864), Николай Александрович (1842 – 1877), Надежда Дмитриевна (1814 – 1846), Елена Яковлевна (1827 – 1915). Чуть дальше расположен памятник, свидетельствующий о захо-

ронении Леонида Николаевича Пастухова (1848 – 1915), и еще дальше стоит памятник с впечатляющей надписью: «Потомственный дворянин Николай Петрович Пастухов родился в Ярославле 17-го января в 1820 году, скончался 5-го декабря в 1909 году. Почетному гражданину города Ярославля, высокочтимому русскому деятелю с благоговением и с сердечной признательностью благодарное потомство». Сохранились в Ярославле и некоторые пастуховские дома. В одном из них, в здании бывшей гостиницы, построенной в стиле позднего классицизма, сейчас располагается почтамт. Несмотря на все лихолетья, облик Ярославля купеческого не затерялся во времени.

КАРДАКОВЫ

В октябре 1904 г. в Вятке был ограблен крупнейший магазин, располагавшийся в самом центре города – на углу улиц Николаевской и Спасской (совр. ул. Ленина – Дрелевского) и принадлежавший купцу Ивану Семеновичу Кардакову. Из магазина злоумышленники похитили зо-

лотые и серебряные вещи. Это происшествие для провинциальной Вятки было довольно громким.

Местные жители хорошо знали и любили кардаковский магазин. В нем можно было купить разные галантерейные мелочи, одежду, а кто побогаче, мог приобрести и свадебное платье, и музыкальные инструменты, и изделия ювелирных мастерских Фаберже. Впечатления от увиденного в этом магазине оставались надолго, порой на всю жизнь.

Уже в наше время, в 1993 г., одна старожилка рассказывала, что в годы нэпа в бывшем магазине И.С. Кардакова она видела табличку с оригинальной надписью: «А вы что-нибудь не забыли?», оставшуюся от прежних хозяев.

Род Кардаковых был древний и его начальная история связана с предместьями Котельнича – старинного вятского города. Предки Ивана Семеновича были государственными крестьянами-землепашцами, с давних пор проявлявшими себя и в общественных делах²². В первой четверти XIX в. один из представителей династии – Иван

Реклама магазина И.С. Кардакова

Коробка «Запаренная овсяная крупа «Русский геркулес». Продукция Кардаковского завода. Нач. XX в.

Максимович Кардаков – переселился в уездный Котельнич, записавшись сначала в мещанское сословие, а затем в купцы, и таким образом было положено начало новому предпринимательскому роду.

Его успех на деловом поприще если не во всем, то во многом определялся усердием, талантами и активностью членов фамилии. Собрав капиталы, Кардаковы расчетливо, по-толковому ими распорядились. Крупным купцом стал сын Ивана Максимовича Михаил. Купец 1-й гильдии М.И. Кардаков вел хлебную торговлю на Русском Севере, торговал также за границей – с Англией, Голландией, другими странами, был владельцем крупного кожевенного завода, основателем городского общественного банка. Среди Кардаковых, проживавших в Котельничском уезде, обладателями крупных капиталов являлись Прокопий Максимович и его сыновья Андрей и Иван, Семен Васильевич с сыновьями: Петр Семенович в начале XX в. владел заводом по производству круп и толокна, а Илья Семенович – магазином в Котельниче.

Многочисленные Кардаковы добились в общественных делах. Они избирались главами местного самоуправления – городскими головами, заседали в магистрате, земстве, судебных учреждениях, занимались благотворительностью. Успехи в предпринимательстве и общественная деятельность этих купцов не остались без внимания правительства. М.И. Кардаков получил звание степенного гражданина и вместе с семейством был зачислен в потомственное почетное гражданство.

Из формулярного списка о службе Андрея Прокопьевича Кардакова следует, что он образование получал в Вятской губернской гимназии, но полного курса учебы по каким-то причинам не прошел²³. В г.Котельниче Кардаков вел коммерческие дела вместе с братьями под фир-

мой торговый дом «Братья Кардаковы». С братьями он владел несколькими домами, один из них – каменный трехэтажный дом – перешел к ним по наследству. У Кардаковых работал винокурный завод. Весьма активно Андрей Прокопьевич проявил себя в служебной деятельности. С 1856 г. он находился на должности бургомистра в Котельничском городском магистрате и затем «за трехлетнюю беспорочную службу» получил звание степенного гражданина.

А.П. Кардаков неоднократно избирался городским головой²⁴. О его работе на этом посту говорит тот факт, что по результатам ревизий Котельничской городской думы «за особенную заботливость и похвальную ревность» Кардаков получал от имени губернатора благодарности. В 1866 г. за пожертвования на учреждение в Котельниче ремесленной школы он удостоился «Высочайшей Государя Императора благодарности» и в этом же году по указу Правительствующего Сената был возведен с семейством в потомственное почетное гражданство. Женат Андрей Прокопьевич был на потомственной почетной гражданке Аполлинии Андреевне Синцовой.

Следующий этап истории династии связан с покорением города Вятки. В 1880-е гг. в губернский центр переехал на жительство Иван Семенович Кардаков (1856 – после 1918), брат уже упоминавшихся Петра и Ильи. Имея за плечами предпринимательский опыт, Иван довольно-таки быстро обосновался на новом месте, и на рубеже XIX – XX столетий стал одним из влиятельных представителей вятских деловых кругов, а его магазин – визитной карточкой города.

Кардаковский магазин, именовавшийся «Модным игольно-галантерейным», работал с 8 часов утра до 7 часов вечера, без обеда. В нем трудились более 20 человек – приказчики, «мальчики» и т.д. По словам бывшего приказчика Ивана Михайловича Юркина, который работал сначала «мальчиком», «к подчиненным Кардаковы относились

Губерния Вятская

хорошо»²⁵. Ваня питался тем же, что и хозяева, при этом работники «в пище рылись, у ветчины жир не ели». «Мальчик» получал в магазине 3 рубля в месяц и, кроме того, обеспечивался бесплатным жильем и питанием, заработная плата приказчика составляла 25 рублей и выше, но жилье и питание – за свой счет.

Женой Ивана Семеновича была Людмила Алексеевна, дочь вятского купца Сенилова. Алексей Михайлович Сенилов состоял во 2-й гильдии и торговал кожей. Один из его сыновей – Владимир Алексеевич – стал композитором, учился у Н.А. Римского-Корсакова. Будучи супругой Ивана Семеновича Кардакова, Людмила помогала мужу в магазине и, как многие купеческие жены, занималась благотворительностью. В годы Первой мировой войны в госпитале Общины Красного Креста она содержала койку для раненых.

Неординарностью отличались дети Ивана Семеновича. Сын Андрей, фотограф и биолог, был участником экспедиции Арсеньева, исследовавшей Дальний Восток; другой сын, Николай, первоначально торговавший вместе с отцом, стал ученым энтомологом и жил в Германии. Старшая дочь Вера, красивейшая женщина, волновавшая умы многих кавалеров, получив медицинское образование, работала в Вятке зубным врачом.

После революционных потрясений 1917 г. жизнь Кардаковых кардинально меняется. Эти купцы, как и тысячи других чуждых новой власти людей, попали под жернова реквизиций и репрессий, но на этом их история не закончилась. В настоящее время в г.Кирове живет Наталия Ильинична Кардакова, племянница Ивана Семеновича, написавшая интересные воспоминания о себе и своей династии. Наша героиня в деталях помнит многие события своего детства и юности, помнит о лишениях, нищете, которые пришлось ей пережить в 1930-е гг. Чего стоит эпизод о том, как полуголодные дети, лишившись родителей, кочевали из деревни в деревню: старшие (брат и сестра Наталии Ильиничны) работали где придется – пастили, в няньках, в поле, на сенокосе, а маленькая Наташа просила милостыню на паперти. От голодной смерти спасла детей их двоюродная сестра – Вера Ивановна Гирбасова, дочь Ивана Семеновича, жившая в Вятке. Она приютила детей у себя и заменила им мать. «К новому 1937 г. Вера Ивановна устроила елку, – пишет Н.И. Кар-

дакова, – это была первая в нашей жизни елка, затем у меня появилась и первая кукла, мне уже было восемь лет, брату – 18, а сестрам 16 и 12 лет»²⁶. Позже, после окончания медицинского института в Казани, Наталия Ильинична посвятила себя людям – работала, как и ее сестра В.И. Гирбасова, – врачом, преподавала в Кировском пединституте и медучилище. «Всю жизнь я честно трудилась, в этом мое достоинство», – говорит автор мемуаров, повествуя о своей нелегкой судьбе. А на старинной вятской улице, именовавшейся когда-то Вознесенской, а позже Николаевской, на фасаде дома старинной постройки вновь висит вывеска «Кардаковский».

ТИХОН БУЛЫЧЕВ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО

Вятский купец Тихон Филиппович Булычев (1847 – 1926) прославился и как крупный предприниматель, и как благотворитель. В Государственном архиве Кировской области хранится интересный документ, составленный в 1894 г. для представления этого купца к высокому званию – коммерции советника. Этот документ подписан вятским губернатором А.Ф. Анисьиным. Каким же виделся Т.Ф. Булычев местному начальству?

«Во вверенной мне губернии хлебная торговая деятельность купцов Булычевых существует, как свидетельствуют конторские книги, с 1787 г. и начата прадедом потомственного почетного гражданина, вятского 1-й гильдии купца Тихона Филипповича Булычева – Егором Никитиным, дедом Тихоном Егоровым, отцом Филиппом Тихоновым и, наконец, продолжаемая самим Тихоном Филипповым Булычевым. Торговля эта ранее заключалась в направлении к Архангельскому порту хлебных товаров: муки, ржи, овса, пшеницы, льняного семени, льна и кудели. По прекращении же деятельности Архангельского порта, а вследствие того и упадка вообще северной торговли, Булычев направлял свои товары к Петербургскому порту на Рыбинск, что продолжается им до настоящего времени с ежегодным усилением этого предприятия.

Для более устойчивой хлебной торговли при направлении товаров к Рыбинску Тихоном Филипповым Булычевым открыто было в 1863 г. буксирное пароходство по

▼ Особняк Т.Ф. Булычева в г.Вятке

рекам Вятке, Каме и Волге, а затем устраивалось все более и более правильное пассажирское движение от Вятки до Казани и обратно, существующее ныне в отличном виде, дающее возможность дешево и удобно пассажирам всех классов полгода пользоваться сообщением этим ежедневно и причем по расписанию. Из 15 пароходов Булычева, совершающих рейсы по реке Вятке, четыре снабжены электрическим освещением и все они имеют каюты для пассажиров 1-го класса, по удобствам и расположению не уступающие камским и волжским пароходам. Все это свидетельствует о настойчивости и похвальной энергии Булычева в интересах публики, двигающихся рабочих масс и для развития промышленности, если принять во внимание притом трудности и препятствия для пароходства от мелководья реки Вятки среди лета, а чтобы поддержать правильное по реке Вятке пароходное движение, Булычевым делаются ежегодно возможные приспособления и значительные денежные затраты во время мелководья для безостановочного движения пассажиров и срочных грузов. Булычевым вместо одного назначенного ежедневно по расписанию парохода ставились нередко два и более, дабы пересадкою пассажиров на мелкоосидающие пароходы не задерживалось движение, и при всем этом пассажирская такса десятки лет не увеличивается владельцем пароходов и она даже ниже, чем на пароходах волжских, что особенно благоприятно отража-

◀ Т.Ф. Булычев

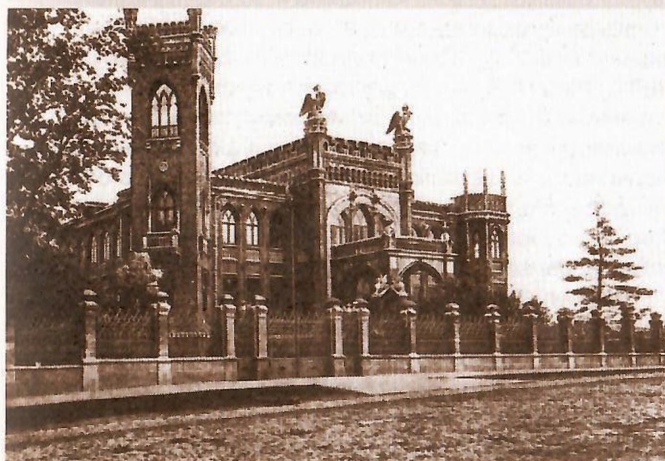
▼ Интерьер булычевского особняка

ется на стотысячном движении рабочих масс из крестьян.

Развитие пароходства Тихона Булычева на реке Вятке является выдающимся, держится и развивается лишь похвальной настойчивостью и предприимчивостью Булычева, заслуживающего полного за то поощрения со стороны правительства, тем более, что столь важный водный для сообщения путь среди трехмиллионного Вятского края мало до сих пор пользовался поддержкой со стороны ведомства путей сообщения, принявшего пока на себя обстановку фарватера реки Вятки лишь в нижнем и среднем ее течении. На верховья же этой реки лишь теперь обращено внимание правительственных учреждений и предположена, наконец, обстановка предостерегательными знаками фарватера до крайнего пункта, то есть до г.Вятки.

Смело можно сказать, что пароходство Булычева подержало во многом Вятскую губернию, развило местную торговлю, сделало возможным удешевленное передвижение грузов и ежедневное между городами Вяткой и Казанью пассажирское движение с половины апреля до начала октября.

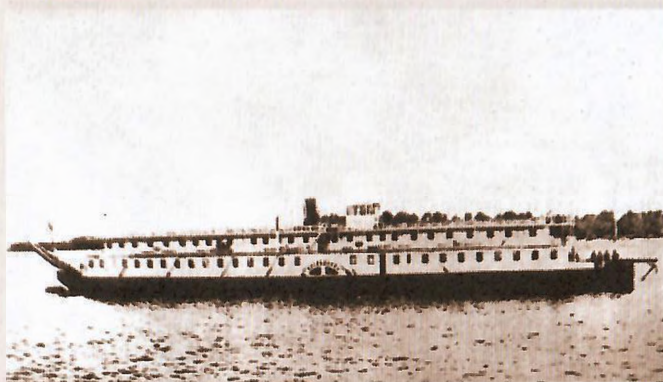
В семи верстах от г.Орлова и 50 от г.Вятки Булычевым устроено механическое заведение при Иловатском на реке Вятке затоне, в котором зимуют, ремонтируются и вновь строятся пароходы. При этом заводе в казармах зимою и весною проживают более 1000 человек постоянно служа-

Губерния Вятская

← Пристань г. Вятки

▲ Булычевский пароход «Наследник»

▲ Пароход «Иловатский затон». Построен на верфи Т.Ф. Булычева

щих лиц разных званий, мастеровых и рабочих, набираемых исключительно почти из крестьян Вятской губернии.

Недвижимая собственность Булычева оценивается в 300 тысяч рублей, а движимое заключается в 15 пассажирских и буксирных пароходах и 78 баржах, стоящих со всей обстановкою и такелажем более 1 500 000 рублей, транспортное предприятие Булычева для доставки товаров в зимнее время между городами Вяткой, Казанью и Нижним Новгородом оценивается в 200 тысяч рублей, торговля керосином по Вятской губернии в 200 тысяч рублей, нефтью – до 200 тысяч и солью около 200 тысяч рублей, хлебные же операции к Петербургскому порту чрез Рыбинск до одного миллиона рублей. Оборотный капитал и годовая валовая выручка по пароходству Булычева и торговля его вообще достигают шести миллионов рублей.

В полной степени добросовестное отношение к делу потомственного почетного гражданина Тихона Булычева снискало ему по торговой и промышленной его деятельности, продолжающейся от предков более ста лет, доброе имя как среди сельского населения Вятского края, поставляющего в конторы Булычева свои сельские произведения для вывоза в Рыбинск и вообще за пределы губернии и пользующегося постоянными заработками на заводе, пароходах, барках и пристанях Булычева, так и среди местных общественных учреждений: земств губернского и уездных, и двух городов (Вятки и Орлова), в распоряжение которых на народные нужды Булычевыми ежегодно делаются видные денежные пожертвования в различных видах. Во время продовольственных затруднений 1891 и 1892 гг. Булычев, поставляя земству хлеб, был единственным добросовестнейшим комиссионером и даже на закупе для земства кавказского хлеба по своей лишь доверчивости к честному слову, понес убытка до 50 тысяч рублей вследствие отказа земства от выполнения словесного договора, что мне лично известно и не отрицается самими земскими представителями.

Из крупных его пожертвований в г. Вятке обращает на себя внимание навсегда обеспеченным пожертвованным Булычевым 25-тысячным капиталом и содержимый им уже пять лет приют для малолетних сирот, устроенный на 20 девочек и мальчиков, за что, по статусу орденов, Булычев имеет право по истечении семилетнего срока существова-

▼ Т.Ф. Булычев (в первом ряду 4-й справа) и преподаватели Вятской мужской гимназии. 1910-1911 уч. г.

ния упомянутого заведения получить орден Св. Анны 3-й степени. В настоящее же время он имеет шейную золотую медаль на Станиславской ленте, получив эту Высочайшую награду по званию почетного члена Вятского детского приюта ведомства учреждений императрицы Марии и старосты церкви этого же приюта. Он состоит и ныне в этих званиях, а также членом учетного комитета при Вятском отделении Государственного банка, со стороны каковых учреждений не имеется препятствий для удостоения Булычева наградой по другому ведомству.

По изложенным данным считаю долгом представить Вашему Высокопревосходительству об исходатайствовании награждения потомственного почетного гражданина, вятского 1-й гильдии купца Тихона Булычева званием коммерции-советника, как лица вполне заслуживающего такого поощрения на поприще его полезной и безупречной торгово-промышленной деятельности, успешно и похвально занимаемой им от начала прадедовской торговли с 1787 года. Тихон Филиппов Булычев вероисповедания православного и ни к каким вредным сектам не принадлежит. Губернатор Анисьин»²⁷.

Вятский губернатор дал весьма подробную характеристику деятельности Т.Ф. Булычева. Письмо с ходатайством о присвоении этому купцу звания коммерции-советника было отправлено министру финансов, но тот, имея особое мнение на счет поощрения предпринимателей, отклонил губернаторскую просьбу. Этот факт не остановил кипучую торгово-предпринимательскую и благотворительную деятельность Булычева. Впереди у этого купца было и учреждение вместе с П.И. Александровым и

Я.Ф. Тырышкиным товарищества Вятско-Волжского пароходства, и крупные пожертвования на нужды общества.

ВАХРУШЕВЫ

Династия вятских предпринимателей-кожевников Вахрушевых имела глубоко народные корни. Еще до великих реформ 1860 – 1870-х гг. крестьяне Вахрушевы сумели открыть свое дело, которое вывело их в элиту вятского предпринимательского сообщества.

Временем основания вахрушевских кожевенных заводов являлся 1854 г., когда выходцы из деревни Трофимовской Стуловской волости Слободского уезда, имевшей и второе название – Вахруши, Тимофей Вахрушев и его сыновья у речки Моховицы стали заниматься выделкой кож²⁸. Как люди предприимчивые, Вахрушевы понимали, что производственная деятельность дает больше прибыли, чем традиционная торговля сельскохозяйственным сырьем, которую вели многие крестьяне, и они сначала занимались изготовлением масла, а затем в совершенстве освоили кожевенное мастерство.

У Тимофея была по-крестьянски большая семья. Владельцами кожевенных заводов стали его сыновья Парфен, Федор, Иван и Илья Тимофеевичи, производившие торговлю по купеческому свидетельству второй гильдии. Место, где располагались вахрушевские предприятия, первоначально именовалось деревней Малозавалинской. Эта деревня находилась на Вятско-Пермском почтовом тракте, на пути из Слободского в Вятку. В конце 1870-х гг. в ней насчитывалось четыре двора с тремя жилыми полукаменными и одним каменным домом. В тот же период в деревне работали четыре кожевенных завода и одно клеварное заведение. Все эти постройки и предприятия принадлежали семейству Вахрушевых.

На кожевенных заводах этих предпринимателей производилась «выделка сырых яловых кож на белую юфту». Сырье для своих заводов братья Вахрушевы закупали, помимо Вятской, в уральских, сибирских и поволжских губерниях. Выделка кож велась вручную при помощи чанов с использованием извести, золы, ивовой коры, дегтя, тюленьего жира, который закупался в Архангельске, и хлеба. Мастерами на заводах были сами хозяева.

Рабочими, трудившимися у Вахрушевых, являлись в основном крестьяне из близлежащих селений. В 1879 г. на заводе Парфена Тимофеевича работали 66 чел., Федора – 60, Ивана – 51, Ильи – 21. Рабочие жили на верхних этажах заводских корпусов и находились «на пище хозяина», то есть обеспечивались бесплатным столом. За свой труд они получали, в зависимости от работ, на заводах Парфена и Федора Тимофеевичей от 4 до 8 рублей в месяц, Ивана Тимофеевича – от 4 до 6 руб., Ильи Тимофеевича – от 3 до 10 руб.²⁹

Произведенный на вахрушевских заводах товар предназначался для удовлетворения государственных нужд. Вахрушевы постоянно участвовали в торгах на поставку кожевенных товаров в казну. Самые большие партии товаров предназначались для военного ведомства. Из кожи вахрушевских заводов получались добротные обувь и амунические вещи, и поэтому их товар пользовался спросом. Заводы этих предпринимателей выполняли заказы и различных московских фирм. Вахрушевы были весьма заинтересованы в высоком качестве своих товаров и одновременно в повышении производительности заводов. В одном из документов отмечается: на вахрушевских предприятиях «каждогодно улучшается производство в выделке кож собственными изобретениями» хозяев³⁰.

В дальнейшем кожевенное дело братьев Вахрушевых успешно продолжали их сыновья и внуки. В 1890-е гг. – начале XX в. они стали учредителями нескольких торговых домов.

В 1895 г. был создан Торговый дом «Ф.Т. Вахрушева Сыновья». После смерти Федора Тимофеевича, последовавшей в 1890 г., его наследники – сыновья от первого брака Александр и Павел Федоровичи и от второго брака – Степан, Иван и Василий заключили «домашнее условие», или договор, по которому решили вести торгово-промышленные дела совместно под фирмой «Наследников Федора Тимофеевича Вахрушева», не производя раздела отцовских капиталов. «Покупку и продажу товара, и выделку кож обязываемся вести с общего согласия», – говорилось в договоре³¹. В то же время предусматривались суммы и на личные расходы: «Александр Федоровичу и Петру Александровичу (внуку Федора Тимофеевича. – М.С.) с семьями – 600 руб., Павлу Федоровичу – 600 руб., Степану Федоровичу с Иваном и Василием Федоровича-

ми и Ольге Павловне (вдове. – М.С.) всем вместе – 800 руб. в год». По договору, который братья Вахрушевы обязывались «хранить свято и ненарушимо», предоставлялась возможность любому из наследников «выбыть с частью своего капитала из общего дела»³².

Это соглашение стало залогом делового успеха сыновей Федора Тимофеевича. В 1898 г. годовой оборот их Торгового дома доходил до 400 тыс. руб., суммы внушительной по тем временам. В течение десяти месяцев в тот период на кожевенном заводе этих владельцев выделялось «кож 40 тыс. яловых белых юфтовых, по 7 руб. 50 коп. за штуку, на 300 тыс. руб.; полуваляных и глянце-вых для амунических вещей 4 тыс., по 12 руб. за кожу, на 48 тыс. руб.; а всего на сумму 348 тыс. руб.»³³. К концу XIX в. завод заметно расширился. Он состоял из двух каменных двухэтажных зданий и трех деревянных одноэтажных корпусов с оборудованием, деревянных сушил, амбаров и лабазов. На предприятии насчитывалось 125 постоянных и 30 временных рабочих. В начале XX в. наследники Федора Тимофеевича являлись владельцами двух кожевенных и клееварного заводов, на которых изготовлялись сапоги, амуниция, шорные изделия по заказам военного ведомства (с годовым объемом продукции на сумму более миллиона рублей).

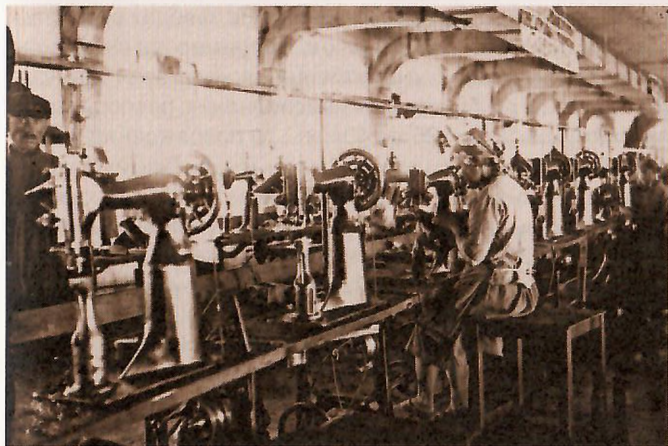
На рубеже веков также действовали торговые дома «Наследники Парфена Тимофеевича Вахрушева», «Илья Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями»³⁴.

Торговый дом «Наследники Парфена Тимофеевича Вахрушева» был учрежден Тимофеем и Василием Парфеновичами, Николаем и Петром Васильевичами Вахрушевыми. Это торгово-промышленное объединение с основным капиталом в 60 тыс. руб. занималось «выделкой и приготвлением кожевенных товаров».

Торговый дом «Илья Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», открытый товарищами-распорядителями Ильей Тимофеевичем с Николаем, Алексеем, Афанасием, Дмитрием и Александром Ильичами Вахрушевыми, обладал 400-тысячным капиталом и производил «выделку кожевенных и клееваренных товаров».

Торговый дом «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», учрежденный главой семьи – Иваном Тимофеевичем и Михаилом, Константином, Николаем Ивановича-

▼ На заводах Вахрушевых ►

ми, занимался «выделкой кож на двух кожевенных заводах и торговлей кожевенными товарами». Местом нахождения этого товарищества значилась слобода Демьянка, что в г.Слободском.

Из-за многочисленности потомков Тимофея Вахрушева семейные объединения этих предпринимателей не были устойчивыми. В ноябре 1904 г. Степан Федорович Вахрушев писал своим торговым партнерам: «Имею честь Вам сообщить, что я вышел из фирмы Торгового дома «Ф.Т. Вахрушева Сыновья»³⁵. В связи с выходом из торгового дома к Степану перешел один из кожевенных заводов. Осенью 1906 г. было разослано сообщение Торгового дома «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», в котором говорилось, что Иван Тимофеевич и Константин Иванович Вахрушевы «в Торговом доме с 1-го октября... не участвуют» и одновременно «в члены Торгового дома... с 1-го того же октября вступил отставной прапорщик запаса Александр Иванович Вахрушев, со взносом в складочный капитал 50 тыс. руб.»³⁶.

В 1914 г. Ольга Дмитриевна, Клавдия Андреевна и Ольга Ильинична Вахрушевы учредили полное товарищество под фирмой «Торговый дом О.К.О. Вахрушевы» с основным капиталом в 12 тыс. руб. Женщины, как и все ближайшие их родственники, решили заниматься производством и торговлей кожевенными товарами.

В 1917 г. Торговый дом «Ф.Т. Вахрушева Сыновья» преобразуется в «Акционерное общество кожевенных заводов и фабрик Петра Вахрушева с Сыновьями».

Начало XX столетия ознаменовалось крупной модернизацией вахрушевских кожевенных производств. В этот период Вахрушевыми была закуплена машинная техника иностранных фирм, позволившая перейти к выпуску высококачественных кожевенных товаров. При старых кожевенных заводах этих предпринимателей стали действовать механические фабрики. В 1910 г. «на механической фабрике для шитья солдатского сапога» при кожевенном заводе Торгового дома «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями» имелось «38 станков для предварительной затяжки на колодку, для накрывки подошв и подметок, одна машина «Рондэлла» для срезания краев», швейные машины «Зингер», два автоматических штамповочных прессы, один формовочный пресс для подошв, одна подошвопрошивная машина и т.д.³⁷ В 1909 г. Торговым домом «Н.А. и Д. Братья Вахрушевы» в имении Боровица Шепелевской волости Слободского уезда была открыта «фабрика по шитью кожаной обуви механического производства».

Продукцию своих предприятий Вахрушевы отправляли в Москву, Казань, на Нижегородскую ярмарку и в другие крупные торговые центры России. Вахрушевы стали постоянными поставщиками кожевенных товаров на военные нужды. Особенно большой спрос на их продукцию был в годы военных лихолетий. Впечатляют объемы их производства в годы Первой мировой войны. В сентябре 1916 г. Торговый дом «Ф.Т. Вахрушева Сыновья» просил Главное интендантское управление в Петрограде «о на-

Рабочими, трудившимися у Вахрушевых, являлись в основном крестьяне из близлежащих селений. В 1879 г. на заводе Парфена Тимофеевича работали 66 чел., Федора – 60, Ивана – 51, Ильи – 21. Рабочие жили на верхних этажах заводских корпусов и находились «на пище хозяина», то есть обеспечивались бесплатным столом. За свой труд они получали, в зависимости от работ, на заводе Парфена и Федора Тимофеевичей от 4 до 8 рублей в месяц, Ивана Тимофеевича – от 4 до 6 руб., Ильи Тимофеевича – от 3 до 10 руб.²⁹

Произведенный на вахрушевских заводах товар предназначался для удовлетворения государственных нужд. Вахрушевы постоянно участвовали в торгах на поставку кожевенных товаров в казну. Самые большие партии товаров предназначались для военного ведомства. Из кожи вахрушевских заводов получались добротные обувь и амунические вещи, и поэтому их товар пользовался спросом. Заводы этих предпринимателей выполняли заказы и различных московских фирм. Вахрушевы были весьма заинтересованы в высоком качестве своих товаров и одновременно в повышении производительности заводов. В одном из документов отмечается: на вахрушевских предприятиях «каждогодно улучшается производство в выделке кож собственными изобретениями» хозяев³⁰.

В дальнейшем кожевенное дело братьев Вахрушевых успешно продолжали их сыновья и внуки. В 1890-е гг. – начале XX в. они стали учредителями нескольких торговых домов.

В 1895 г. был создан Торговый дом «Ф.Т. Вахрушева Сыновья». После смерти Федора Тимофеевича, последовавшей в 1890 г., его наследники – сыновья от первого брака Александр и Павел Федоровичи и от второго брака – Степан, Иван и Василий заключили «домашнее условие», или договор, по которому решили вести торгово-промышленные дела совместно под фирмой «Наследников Федора Тимофеевича Вахрушева», не производя раздела отцовских капиталов. «Покупку и продажу товара, и выделку кож обязываемся вести с общего согласия», – говорилось в договоре³¹. В то же время предусматривались суммы и на личные расходы: «Александр Федоровичу и Петру Александровичу (внуку Федора Тимофеевича. – М.С.) с семьями – 600 руб., Павлу Федоровичу – 600 руб., Степану Федоровичу с Иваном и Василием Федоровича-

ми и Ольге Павловне (вдове. – М.С.) всем вместе – 800 руб. в год». По договору, который братья Вахрушевы обязывались «хранить свято и ненарушимо», предоставлялась возможность любому из наследников «выбыть с частию своего капитала из общего дела»³².

Это соглашение стало залогом делового успеха сыновей Федора Тимофеевича. В 1898 г. годовой оборот их Торгового дома доходил до 400 тыс. руб., суммы внушительной по тем временам. В течение десяти месяцев в тот период на кожевенном заводе этих владельцев выделялось «кож 40 тыс. яловых белых юфтовых, по 7 руб. 50 коп. за штуку, на 300 тыс. руб.; полуваляных и глянце-вых для амунических вещей 4 тыс., по 12 руб. за кожу, на 48 тыс. руб.; а всего на сумму 348 тыс. руб.»³³. К концу XIX в. завод заметно расширился. Он состоял из двух каменных двухэтажных зданий и трех деревянных одноэтажных корпусов с оборудованием, деревянных сушил, амбаров и лабазов. На предприятии насчитывалось 125 постоянных и 30 временных рабочих. В начале XX в. наследники Федора Тимофеевича являлись владельцами двух кожевенных и клееварного заводов, на которых изготовлялись сапоги, амуниция, шорные изделия по заказам военного ведомства (с годовым объемом продукции на сумму более миллиона рублей).

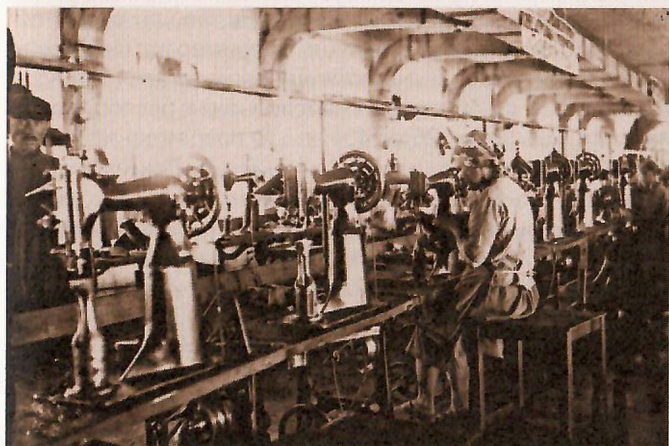
На рубеже веков также действовали торговые дома «Наследники Парфена Тимофеевича Вахрушева», «Илья Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями»³⁴.

Торговый дом «Наследники Парфена Тимофеевича Вахрушева» был учрежден Тимофеем и Василием Парфеновичами, Николаем и Петром Васильевичами Вахрушевыми. Это торгово-промышленное объединение с основным капиталом в 60 тыс. руб. занималось «выделкой и приготовлением кожевенных товаров».

Торговый дом «Илья Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», открытый товарищами-распорядителями Ильей Тимофеевичем с Николаем, Алексеем, Афанасием, Дмитрием и Александром Ильичами Вахрушевыми, обладал 400-тысячным капиталом и производил «выделку кожевенных и клееваренных товаров».

Торговый дом «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», учрежденный главой семьи – Иваном Тимофеевичем и Михаилом, Константином, Николаем Ивановича-

▼ На заводах Вахрушевых ►

ми, занимался «выделкой кож на двух кожевенных заводах и торговлей кожевенными товарами». Местом нахождения этого товарищества значилась слобода Демьянка, что в г.Слободском.

Из-за многочисленности потомков Тимофея Вахрушева семейные объединения этих предпринимателей не были устойчивыми. В ноябре 1904 г. Степан Федорович Вахрушев писал своим торговым партнерам: «Имею честь Вам сообщить, что я вышел из фирмы Торгового дома «Ф.Т. Вахрушева Сыновья»³⁵. В связи с выходом из торгового дома к Степану перешел один из кожевенных заводов. Осенью 1906 г. было разослано сообщение Торгового дома «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», в котором говорилось, что Иван Тимофеевич и Константин Иванович Вахрушевы «в Торговом доме с 1-го октября... не участвуют» и одновременно «в члены Торгового дома... с 1-го того же октября вступил отставной прапорщик запаса Александр Иванович Вахрушев, со взносом в складочный капитал 50 тыс. руб.»³⁶.

В 1914 г. Ольга Дмитриевна, Клавдия Андреевна и Ольга Ильинична Вахрушевы учредили полное товарищество под фирмой «Торговый дом О.К.О. Вахрушевы» с основным капиталом в 12 тыс. руб. Женщины, как и все ближайшие их родственники, решили заниматься производством и торговлей кожевенными товарами.

В 1917 г. Торговый дом «Ф.Т. Вахрушева Сыновья» преобразуется в «Акционерное общество кожевенных заводов и фабрик Петра Вахрушева с Сыновьями».

Начало XX столетия ознаменовалось крупной модернизацией вахрушевских кожевенных производств. В этот период Вахрушевыми была закуплена машинная техника иностранных фирм, позволившая перейти к выпуску высококачественных кожевенных товаров. При старых кожевенных заводах этих предпринимателей стали действовать механические фабрики. В 1910 г. «на механической фабрике для шитья солдатского сапога» при кожевенном заводе Торгового дома «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями» имелось «38 станков для предварительной затяжки на колодку, для накрывки подошв и подметок, одна машина «Рондэлла» для срезания краев», швейные машины «Зингер», два автоматических штамповочных прессы, один формовочный пресс для подошв, одна подошвопрошивная машина и т.д.»³⁷ В 1909 г. Торговым домом «Н.А. и Д. Братья Вахрушевы» в имении Боровица Шепелевской волости Слободского уезда была открыта «фабрика по шитью кожаной обуви механического производства».

Продукцию своих предприятий Вахрушевы отправляли в Москву, Казань, на Нижегородскую ярмарку и в другие крупные торговые центры России. Вахрушевы стали постоянными поставщиками кожевенных товаров на военные нужды. Особенно большой спрос на их продукцию был в годы военных лихолетий. Впечатляют объемы их производства в годы Первой мировой войны. В сентябре 1916 г. Торговый дом «Ф.Т. Вахрушева Сыновья» просил Главное интендантское управление в Петрограде «о на-

ряде вагонов для внеочередной перевозки на завод... невыделанных кож: 1) со станции «Татарской» Сибирской железной дороги – 10 вагонов; 2) со ст. «Омск» – 15 вагонов; 3) со ст. «Курган» – 5 вагонов и 4) со ст. «Петропавловск» – 5 вагонов»³⁸. Осенью того же года для этого Торгового дома крестьянин Андрей Скрябин обязался поставить тысячу ящиков для укладки сапог и ботинок для отправки в действующую армию.

С расширением производства менялся и заводской поселок. В 1890 г. при деятельном участии Вахрушевых была заложена и через четыре года построена каменная Вознесенская церковь. В начале XX в. в приход церкви входило 39 селений, где проживало более двух с половиной тысяч жителей. С постройкой церкви деревня Мало-завалинская получила название села Вознесенско-Вахрушевского.

Местной достопримечательностью стал вахрушевский особняк, строившийся в начале 1900-х гг. по проекту губернского архитектора И.А. Чарушина. Главный фасад дома с трехъярусной башней, шпилем и небольшими башенками по углам, построенного в стиле неоготики, был обращен к тракту и напоминал средневековый замок. В подобном же стиле чуть позже был построен особняк в Вятке. Его владельцем являлся богатый купец, пароходовладелец Т.Ф. Булычев. Такие купеческие особняки-замки украшали обычно столичные города. В с.Вознесенско-Вахрушевском были построены и другие роскошные каменные дома.

Обеспеченная жизнь Вахрушевых не могла не контрастировать с положением рабочих на их заводах, которое, как и повсюду, было не из легких. Начало работы и ее завершение осуществлялись по звонку. Отдых предусматривался только по воскресеньям и праздничным дням. В обычные дни рабочие трудились с 5 часов утра до 7 час. 30 мин. вечера обычно с двухчасовым перерывом на за-

трак и часовым перерывом на обед. На заводах существовала жесткая система штрафов. Например, за вынос хлеба из кухни в заводские помещения налагался штраф в сумме от 20 до 50 коп., за неисполнение распоряжений надсмотрщика – от 25 до 40 коп., за повреждение заводских бахил – от 50 коп. до 1 руб. и т.д. Все взыскания записывались в специальный штрафной журнал и учитывались при выдаче заработной платы. Последняя выдавалась по субботам через каждые две недели.

В годы Первой мировой войны на вахрушевских заводах использовался труд военнопленных. Осенью 1917 г. на кожевенном заводе Торгового дома «Н.А. и Д. Братья Вахрушевы», работавшем, как указывается в документах, на оборону государства, трудились 26 военнопленных – солдат германской и австрийской армий³⁹. Их рабочий день длился восемь часов и оплачивался в том же размере, что и у русских рабочих, правда, с вычетом денежных сумм на содержание – одежду, питание и т.д. Иностран-

цы имели право вести переписку с родственниками и даже получали денежные переводы. Лечение больных осуществлялось за счет Торгового дома. Были случаи неповиновения иностранных солдат заводской администрации. Военнопленные отказывались выходить на работу, а в сентябре 1917 г., несмотря на охрану, с завода сбежали пятеро из них.

Одной из черт облика российского предпринимателя

второй половины XIX – начала XX вв. было участие в благотворительной деятельности. Поддержав ряд важных благотворительных инициатив, Вахрушевы внесли свою лепту и в это дело. В их заводском селе действовала богадельня, открытая на пожертвования крестьян нескольких волостей и состоявшая в ведении Стуловского волостного схода. В 1907 г. в этой богадельне содержалось 11 человек. Всего же в Слободском уезде в тот период действовало два благотворительных общества и пять богаделен.

▼ Вести с войны. В мастерской. Рис. А. Клементьева

В с. Вознесенско-Вахрушевском работало общество трезвости, при котором была открыта чайная и на средства которого содержалась библиотека. Работала также «начальная одноклассная школа вечерних занятий для взрослых рабочих». Занятия в ней проводились с 6 до 8 часов вечера, ученики обучались письму, чтению, математике, изучали Закон Божий. В 1897 – 1898 гг. в школе работал один преподаватель, занятия посещали 32 рабочих. Это учебное заведение содержалось на средства заводоладельцев и земства.

Во время русско-японской войны Вахрушевы не остались в стороне от общенародного патриотического подъема, охватившего страну. В мае 1904 г. И.Т. Вахрушев, пожертвовавший 250 рублей на устройство именной койки для раненых солдат, удостоился благодарности Российского общества Красного Креста.

Эти предприниматели откликались на просьбы о поддержке и некоторых культурных начинаний. В ноябре 1906 г. губернатор С.Д. Горчаков, обращаясь с просьбой о материальной помощи Вятской ученой архивной комиссии к Илье Тимофеевичу Вахрушеву, назвал его «известным всем местным меценатом»⁴⁰. В октябре 1907 г. губернатор подписал письмо, адресованное Н.И. Вахрушеву: «Обращаюсь к Вашей, Милостивый Государь, Николай Ильич, столь известной отзывчивости на все полезное и доброе: не найдете ли Вы возможным оказать поддержку Вятской публичной библиотеке вступлением в число почетных ее членов или другим возможным для Вас способом». В ответ на это обращение Н.И. Вахрушевым незамедлительно было пожертвовано 25 рублей.

В судьбоносном 1917 г. на вахрушевских предприятиях, как и повсюду, было неспокойно. В период Февральской революции рабочие отправили в столицу телеграмму следующего содержания: «С чувством невыразимой радости получили известие о падении старого режима и переходе управления страной в руки избранных народа. Приветствуем Исполнительный Комитет и Совет ра-

бочих депутатов с организацией новой России...». Но телеграммой дело не закончилось. «Затем рабочие и служащие направились к владельцу фабрики В.П. Вахрушеву с просьбой пойти во главе их и обезоружить местную полицию. Вахрушев и несколько делегатов от рабочих отправились в команду полиции, требуя сдачи оружия. Сдав оружие, пристав сказал: «Сумасшедший был бы я, оставшись приверженцем старого правительства». Громкое «ура» покрыло его речь...», – читаем в «Вятской речи»⁴¹. После этого жители заводского поселка организовали местный комитет общественной безопасности и народную милицию.

Торгово-предпринимательская деятельность Вахрушевых была прервана после прихода к власти большевиков.

В 1918 г. заводы этих предпринимателей постигла общая участь – они были национализированы. На собрании, проходившем в конце 1918 г., рабочие постановили, что одна из представительниц династии Вахрушевых – Анна Михайловна должна выехать с завода в недельный срок, а специально избранная комиссия уполномачивалась ее обыскать. А.М. Вахрушева могла взять с собой одну шубу. Вахрушевы покинули родные места, а в истории их предприятий открылась новая страница. После революции вахрушевские заводы получили новое название – коженно-обувной комбинат имени В.И. Ленина.

О Вахрушевых в 1970-е гг. напомнил клад, обнаруженный пионерами на берегу Вятки. Весившие более 50 кг посуда, монеты, другие вещи были упакованы в деревянный ящик, обтянутый кожей. Надписи на отдельных предметах – «Вахрушев Н.И.» – не оставляли сомнений относительно владельцев клада.

Крестьяне-купцы Вахрушевы, таким образом, были одними из лидеров вятского коженного производства второй половины XIX века и предреволюционной эпохи. След, оставленный ими в экономике губернии, оказался настолько зримым, что не забывается до сих пор.

◀ Вятское городское попечительство о бедных

▼ Купец 1-й гильдии и благотворитель г. Елабуги Ф. П. Гирбасов

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МЕЦЕНАТСТВО

В дореволюционный период с благотворительностью и меценатством неразрывно была связана деятельность прежде всего представителей купечества. Особенно крупные пожертвования промышленники и торговцы делали во второй половине XIX – начале XX в. – в период стремительного развития капитализма и больших изменений в культурной жизни. Именно в эту историческую эпоху ярко о себе заявили такие крупные меценаты, как Морозовы, Третьяковы, Мамонтовы, Рябушинские, Бахрушины.

Широкий размах благотворительные инициативы приобрели не только в столичных городах, где проживали наиболее состоятельные купцы, но и в отдаленных от центра регионах. В Вятской губернии первое благотворительное заведение появилось еще в XVIII в., а в самом конце XIX столетия здесь насчитывалось уже более двухсот таких учреждений.

Весьма плодотворной была деятельность местных благотворительных обществ. Одно из первых благотворительных обществ на Вятке открылось в мае 1873 г. в губернском центре. «Вятское благотворительное общество имеет целью доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных города Вятки», – говорилось в первом параграфе устава общества¹. Его членами могли стать «лица обоего пола, всех сословий и

состояний». Во второй половине XIX – начале XX в. в ведении этого общества находились Прозоровский ремесленный приют, Убежище для вдов и девиц, Дом призрения малолетних детей, Дом трудолюбия, Ночлежный приют и другие богоугодные учреждения.

Благотворительные общества действовали и в других городах губернии: с 1875 г. – в Яранске, с 1876 г. – Сарапуле и Слободском, с 1881 г. – Уржуме, с 1895 г. – Орлове, с 1898 г. – Котельниче.

В благотворительные дела была вовлечена в той или иной степени значительная часть местного купечества. Круг провинциальных благотворителей характеризовался неоднородностью. Предприниматели отличались по источникам доходов, по степени общественной активности, по уровню образования. Самые крупные пожертвования были связаны главным образом с именами купцов первой гильдии и

лиц, неравнодушных к общественной жизни и заинтересованных в процветании своих городов. В Вятской губернии к таким предпринимателям относились Яков Алексеевич Прозоров, Тихон Филиппович Булычев, Клобуковы, Стахеевы, Ушковы, Гирбасовы и некоторые другие.

Со стороны купцов участие в благотворительных акциях являлось осознанным шагом. Предприниматели относились, как известно, к категории людей расчетливых и экономных, ценивших каждую копейку. Их интерес к благотворительным делам, к поддержке культурных начинаний объяснялся многими факторами. Некоторые

Купец 1-й гильдии и благотворитель г. Елабуги П. Ф. Гирбасов

Вятка. — Вятка, М. В.
Городское попечительство о бедных.
ex coratello de la ville.

▼ Вятский городской театр

купцы таким образом повышали свой социальный статус: благотворительность и меценатство вели к получению почетных званий, наград, чинов, общественного признания. Поскольку купцы являлись людьми религиозными, а русская православная этика богатство не поощряла, то они рассматривали благотворительность и как возможность избавления от греха. Не случайно в народе говорили: «Богатство перед Богом – большой грех», «Богатому черти деньги куют», «Пусти душу в ад – будешь богат» и т.д. Кроме того, будучи владельцами промышленных и торговых заведений, купцы руководствовались практическими соображениями, так как нуждались в образованных и квалифицированных работниках. Конечно же, нельзя отрицать желание некоторых купцов и совершенно бескорыстно помогать нуждающимся. Нужно также учитывать, что во второй половине XIX в. наблюдался рост самосознания русского купечества, повысился его культурный уровень, и все эти факторы стимулировали развитие благотворительности и меценатства. В тот период немалыми были частные пожертвования на нужды церкви и учебных заведений, на устройство богаделен и приютов, в неурожайные и военные годы.

Купцы-благотворители уровня Прозоровых, Стахеевых, Ушковых, Гирбасовых составляли провинциальную культурную элиту, поскольку покровительствовали развитию в регионе театрального и музыкального искусства, библиотечного и музейного дела. С именем Я.А. Прозорова связано становление вятского театра, купцы Т.Ф. Булычев и К.И. Лаптев оказывали помощь Вятской публичной

библиотеке имени Императора Николая I (ныне – Кировская областная научная библиотека им. А.И. Герцена), Клобуковы покровительствовали местным художникам. Когда речь идет о вятских меценатах, вспоминается и имя Константина Капитоновича Ушкова. Выходец из елабужского купеческого семейства, он вместе с К.С. Станиславским, братьями Саввой и Сергеем Морозовыми стал в 1898 г. учредителем Московского общедоступного театра, будущего МХАТа, пожертвовав на его устройство четыре тысячи рублей².

Сохранились интереснейшие свидетельства, рассказывающие о благотворительных делах и меценатстве вятских купцов. Вспомним некоторые из них:

1864 г.

«Общественная богадельня в г.Вятке существует с 1864 г. Содержится на средства купцов, с которых взимается с 1-й гильдии по 20 рублей и со 2-й по 9 рублей, а также на суммы, отчисляемые из прибылей местного общественного банка за мещан и цеховых, – 238 руб. 32 коп. и, наконец, на сумму в 500 рублей, пожертвованную коммерции советником Прозоровым... Богадельня помещается в доме, пожертвованном в 1864 г. Я.А. Прозоровым; дом этот считается принадлежащим городскому обществу...».

(Благотворительные учреждения Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1885 год. Отд. III. Вятка, 1884. С. 129)

1869 г.

«Дом призрения детей бедных граждан г.Вятки, состоящий в ведении Вятского городского общества. Основан 5 февраля 1869 г. Содержится: а) на сумму в 12 тысяч рублей, пожертвованную учредителем дома коммерции советником Я.А. Прозоровым...; б) на сумму в 2400 рублей, ежегодно отчисляемую из прибылей общественного Ф. Веретенникова банка и в) на проценты, получаемые на капитал, пожертвованный г. Прозоровым и внесенный в сказанный банк, которых получается ежегодно до 600 рублей и, сверх того, на пожертвования от разных благотворителей и арендную плату за квартиру во флигеле, состоящем при доме призрения... Заведение имеет собственные капиталы: а) в 6548 руб. 82 1/2 коп., пожертвованный г. Прозоровым и б) 1500 рублей, завещанный покойным действительным статским советником Я.Н. Алфеевским. Поме-

Вятка.—Вятка. № 4.
Городской театр.

Губерния Вятская

▼ Купец-благотворитель И.С. Колчин

щается в доме, пожертвованном г. Прозоровым, на Владимирской улице...».

(Благотворительные учреждения Вятской губернии... С. 138-139)

1870 г.

«Пожертвования и благотворительные капиталы, находящиеся в ведении городских учреждений:

г. Вятки...

Пожертвованные в 1870 г. Я.А. Прозоровым 6 тысяч рублей с тем, чтобы 1/5 часть процентов присоединялась к основному капиталу, а 4/5 процента выдавалось в пособие бедным девицам г. Вятки всех сословий при выходе их в замужество, по 10 рублей каждой...».

(Благотворительные учреждения Вятской губернии... С. 146)

1873 г.

«Государь Император по всеподданнейшему докладу господина министра внутренних дел в 31 день минувшего мая Всемиловитейше соизволил пожаловать коммерции советника Прозорова за сделанные им пожертвования на улучшение положения бедного класса людей в г. Вятке кавалером ордена Св. Станислава 2-й степени».

(ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 39. Л. 18)

«29 мая сего года открыло свои действия Вятское благотворительное общество, устав которого утвержден г. министром внутренних дел 21 апреля 1873 г., и которое, несмотря на недавнее открытие своих действий, уже принесло видимую пользу для бедных жителей г. Вятки...».

(ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 461. Л. 15)

1876 г.

«Прозоровский приют Вятского благотворительного общества для бедных девочек в г. Вятке. Основан 6 декабря 1876 г. на капитал, пожертвованный Я.А. Прозоровым и находится в ведении Благотворительного общества...».

(Благотворительные учреждения Вятской губернии... С. 140)

«Женская богадельня в г. Елабуге [существует] с 16 декабря 1876 г. Содержится на проценты с капитала в 100 тысяч рублей, пожертвованного потомственным почетным гражданином Иваном Ивановичем Стахеевым, который,

кроме того, построил для богадельни дом с церковью... Находится в ведении городского общества...».

Приют для детей в г. Елабуге основан 16 декабря 1876 г. ... Приют содержится на средства елабужского потомственного почетного гражданина И.И. Стахеева, который основал богадельню для призрения неспособных к труду и детей и внес в городское общество на содержание богадельни 100 тысяч рублей и для обучения детей грамоте 10 тысяч рублей...».

(Благотворительные учреждения Вятской губернии... С. 131, 140)

1878 г.

«В 1878 г. пожертвован неизвестным лицом Вятскому городскому обществу капитал в 8 тысяч рублей с тем, чтобы проценты с сего капитала выдавались городской управой безотчетно каждый год бедным лицам к праздникам Рождества Христова и Св. Пасхи...».

(ГАКО. Ф. 628. Оп. 7. Д. 21. Л. 1)

1879 г.

«Богадельня И.С. Колчина в г. Сарапуле [существует] с 13 января 1879 г. Богадельня находится под контролем городской думы, управляется особым попечительным советом из лиц, избранных думой. Содержится на проценты с капиталов, пожертвованных покойным нижегородским 1-й гильдии купцом Иваном Савельевичем Колчиным (30 тыс.

руб.) и 1-й гильдии купцом Устином Саввичем Курбатовым (20 тыс. руб.)...».

(Благотворительные учреждения Вятской губернии... С. 131)

1889 г.

«Потомственный почетный гражданин Тихон Филиппович и его супруга Екатерина Александровна Булычевы пожертвовали на устройство в г. Вятке Дома призрения малолетних капитал в 20 тысяч рублей, заключающийся в двадцати облигациях третьего восточного займа, каждая тысячерублевого достоинства с тем, чтобы дом призрения находился в ведении Вятского благотворительного обще-

ства. Цель устройства этого дома – дать средства к нравственной и материальной жизни малолетним детям обоего пола бедных граждан и других жителей г. Вятки всех сословий».

(ГАКО. Ф. 582. Оп. 97. Д. 103. Л. 1-1 об.)

1890 г.

«Вятским губернским попечительством детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии получено от почетного члена попечительства Ивана Васильевича Александрова 500 рублей.

Приняв настоящее пожертвование, губернское попечительство считает долгом выразить г. Александрову искреннюю благодарность».

(Вятские губернские ведомости. 1890. №2. 6 янв.)

«23 минувшего мая, в полдень, в деревне Гришкинской Кураковской волости Елабужского уезда вспыхнул пожар, похитивший за всеми принятыми к потушению его мерами 93 крестьянских дома со всеми пристройками. Елабужский 1-й гильдии купец Иван Григорьевич Стахеев, узнав о несчастии крестьян деревни Гришкинской, по присущим ему братолюбию и христианской помощи, немедленно послал своего приказчика в деревню Гришкинскую для выдачи на каждый погоревший дом по три рубля.

О таком высоком факте своевременной и необходимой благотворительности г. Стахеева исправляющий должность вятского губернатора поставляет себе долгом оповестить общество, а Ивану Григорьевичу принес за это свою искренно глубокую благодарность».

(Вятские губернские ведомости. 1890. №46. 9 июня)

1899 г.

«В мае месяце 1899 г. комиссия внесла в думу проект организации в г. Вятке городского попечительства о бедных. Дума согласилась с комиссией, утвердив представленный проект и единогласно выбрала в председатели попечительства П.П. Клобукова, причем постановила ежегодно отчислять на нужды попечительства по 1000 рублей...

Хотя, как сказано выше, попечительство и было основано в 1899 г., ибо уже в мае месяце этого года дума утвердила его устав, однако фактическая деятельность попечительства началась только с мая 1900 г., ибо с этого

времени и начались правильные, регулярные заседания. За это время рассмотрены 154 просьбы о помощи...».

(ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 412. Л. 8-а)

«17 мая 1899 г. гласный П.П. Клобуков подал в думу заявление, в котором довел до сведения собрания, что он жертвует городскому общественному управлению выстроенный им трехэтажный каменный дом в полную собственность. Этот ценный подарок поднес городу П.П. Клобуков как раз в тот день, когда в думе рассматривался доклад особой комиссии по вопросу об учреждении в г. Вятке городского попечительства о бедных. Журнал заседания думы говорит далее так: «Кроме того, П.П. жертвует городскому общественному управлению капитал в 20 тысяч рублей с тем, чтобы этот последний оставался в процентных бумагах, а проценты с него употреблялись исключительно на содержание дома и мелкий ремонт его и ставит условием, чтобы в жертвуемом им доме помещались навсегда исключительно только благотворительные учреждения как содержимые городом, так и те, которые будут устраиваться вновь учреждаемым попечительством о бедных. Глубоко тронутые таким исключительно щедрым пожертвованием П.П. Клобукова гласные, вставши со своих мест, горячо благодарили его от имени города и всех граждан...».

(ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 412. Л. 8-а)

1901 г.

«Правила бесплатной народной библиотеки, учреждаемой вятским купцом И.И. Лаптевым.

1. Народная библиотека имеет целью предоставить бесплатное пользование книгами для чтения всем рабочим заводов гг. Лаптевых, Сунцовых и Поскребышевых, расположенных при г. Вятке, а также живущему близ заводов населению г. Вятки и Щербининской волости...

2. Народная библиотека учреждается вятским купцом Иваном Игнатьевичем Лаптевым с пособием от Вятского губернского земства. Средствами ее содержания служат:

а) единовременный взнос учредителя г. Лаптева в 100 рублей на приобретение книг и ежегодный по 25 рублей на пополнение библиотеки книгами;

б) единовременное пособие от Вятского губернского земства в 100 рублей и ежегодное по 25 рублей, назначаемое всем вновь открываемым библиотекам по постановлению гу-

бернского земского собрания от 14 декабря 1897 г.;

в) процент с капиталов, принадлежащих библиотеке;

г) пособия, назначаемые правительственными, земскими и городскими учреждениями (сверх указанных в пункте «б»);

д) пожертвования деньгами и книгами, поступающие от различных учреждений и частных лиц...

9. Ближайшее попечение о библиотеке лежит на Совете, состоящем: 1) из учредителя библиотеки; 2) лица, назначенного с согласия губернатора уездной земской управой; 3) ответственного лица по библиотеке.

10. Учредитель библиотеки И.И. Лаптев считается попечителем ее. В случае его отсутствия из г.Вятки, обязанности его переходят к брату его Козьме Игнатьевичу Лаптеву...

22. Библиотека не взимает ни платы за чтение, ни залогов, ни штрафов за просрочку возврата книг.

23. Библиотека открыта ежедневно в определенные Советом часы...».

(ГАКО. Ф. 582. Оп. 142. Д. 379. Л. 2-5)

1904 г.

«Военные действия на Дальнем Востоке, открывшиеся в начале 1904 г., послужили поводом к сильному подъему патриотических чувств населения губернии, что и проявилось особенно наглядно в щедрых разного рода его пожертвованиях. Чиновники всех ведомств, служащие в земских и городских учреждениях, педагогический персонал учебных заведений изъявили желание отчислять процент (1 – 3%) из жалованья в пользу Красного Креста на больных и раненых воинов, а равно на усиление военного флота.

Земства, городские управления, частные общества, волостные и сельские сходы жертвовали крупные суммы на тот же предмет и выражали верноподданнические чувства по поводу событий на Дальнем Востоке. Духовенство, купечество, простой народ, вполне понимая трудность переживаемого времени, и вообще все, кто мог, несли свою лепту на Красный Крест, на усиление флота, в пользу раненых и их семейств. Кроме денежных пожертвований, население помогало Красному Кресту для снаряжения санитарного отряда необходимыми вещами.

Трудно исчислить все пожертвования народа на воен-

ные нужды: они и разнообразны, и многочисленны... Местное управление озабочено было подготовлением помещения для эвакуируемых раненых. Купец Клепиков предоставил для этой цели на время войны свой дом в г.Вятке, в котором можно поместить 90 раненых, и принял на свой счет ремонт и приспособление дома, на что израсходовал 3 тысячи рублей... Словом, жертвовали все, не исключая инородцев, старообрядцев, без различия сословия, национальности и вероисповеданий».

(Благотворительная деятельность населения губернии и расходы городов в 1904 г. по случаю войны с Японией // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1906 год. Вятка, 1906. Отд. II. С. 99-102)

1906 г.

«Вятский 1-й гильдии купец Тихон Филиппович Булычев пожертвовал городу Орлову 25 тысяч рублей на устройство здания для реального училища.

Орловская городская дума в заседании 18 сентября сего года постановила: капитал принять и жертвователя благодарить чрез особую депутацию».

(Вятский вестник. 1906. №231. 26 окт.)

1907 г.

«11 мая 1907 г. состоялось торжество передачи построенного Т.Ф. Булычевым и пожертвованного им для нужд Вятской гимназии здания в собственность министерства

народного просвещения. Классы и учебно-воспитательные учреждения помещаются в настоящее время в двух зданиях: в главном корпусе, что на Спасской улице...; и в малом корпусе, пожертвованном почетным попечителем гимназии Тихоном Филипповичем Булычевым, в котором находятся параллельные классы, гимнастический зал, учительская, кабинет инспектора, естественно-исторический кабинет, переплетный класс, музыкальный класс, класс ручного труда по дереву, класс для рисования и для лепки из глины».

(Васильев М.Г. История вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911. С. 365)

«В среду, 3 октября, в народном доме имеет быть дан благотворительный спектакль гг. любителями драматического искусства под режиссерством А.А. Прозорова. Сбор со спектакля поступит в пользу пяти лиц, едущих на высшие курсы».

(Вятский вестник. 1907. №207. 30 сент.)

«Из Ижевска сообщают, что от попечителя Казанского учебного округа получено разрешение открыть в заводе женскую прогимназию.

Дом под прогимназию пожертвовали наследники местного коммерсанта, ныне покойного И.И. Бодалева, стоящий 11 тысяч рублей».

(Вятский вестник. 1907. №233. 3 нояб.)

1914 г.

«О деятельности Вятского местного управления Российского общества Красного Креста за время войны 1914 г.

▲ А.А. Прозоров

▲ Купец 1-й гильдии г.Сарапула И.И. Бодалев

Первым делом местных учреждений по открытии войны было снаряжение этапного лазарета на 50 кроватей и полевого госпиталя на 200 кроватей... Вслед за снаряжением подвижных госпиталя и лазарета местное управление занялось устройством и оборудованием собственного госпиталя для больных и раненых воинов в городе Вятке...

При самом начале организации госпиталей была объявлена подписка на содержание кроватей в обоих госпиталях по 50 рублей в месяц. Вятские благотворители весьма сочувственно отнеслись к начатому предприятию и приняли на себя содержание всех кроватей на все время войны, причем кровати между ними распределились так:

ПРИ ОБЩИНЕ КРАСНОГО КРЕСТА

10 кроватей – духовенства города Вятки...

5 кроватей – Ивана Игнатьевича Лаптева.

5 кроватей – Трифона Михайловича Лаптева.

1 кровать – Людмилы Алексеевны Кардаковой.

2 кровати – Вятского благотворительного общества.

1 кровать – чинов Вятской казенной палаты...

10 кроватей – палата – Дениса Фадеевича Зонова.

1 кровать – Вятского общественного собрания.

2 кровати – Дмитрия Ивановича Первушина.

2 кровати – учеников Вятского Александровского реального училища.

ПРИ ВИННОМ СКЛАДЕ ВЯТСКОГО АКЦИЗНОГО УПРАВЛЕНИЯ

14 кроватей – палата Тихона Филипповича Булычева.

7 кроватей – палата имени Александра Петровича, Екатерины Яковлевны и Сергея Александровича Долгушиных.

9 кроватей – Дениса Фадеевича Зонова.

1 кровать – семейств гг. офицеров Свияжского полка.

(Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1915 г. Вятка, 1915. Отд. III. С. 15-18)

Все эти факты – лишь небольшая часть того вклада, который был внесен вятским купечеством в развитие милосердной деятельности, образования и культурной жизни региона. Впечатляют строки, содержащиеся в «Вятских епархиальных ведомостях» за 1904 год: «Все почти училища, существующие в Елабуге, выстроены на средства благотворителей», и далее называются уже знако-

Губерния Вятская

мые нам фамилии – Стахеевы, Черновы, Гирбасовы, Ушковы³. И как не вспомнить слова, произнесенные в 1856 г. на торжественном обеде в честь защитников Севастополя, героев Крымской войны, историком М.П. Погодиным. «...Наши купцы, – говорил он, – не охотники еще до истории: они не считают своих пожертвований и лишают народную летопись прекрасных страниц. Если бы счесть все их жертвования за нынешнее только столетие, то они составили бы такую цифру, которой должна бы поклониться Европа»⁴.

Несмотря на состоятельность, повседневная жизнь самих купцов часто оставалась простой и непритязательной. На этот факт обратил внимание казанский наместник П.С. Мещерский еще в конце XVIII в. Находясь в гостях у вятского купца Феофилакта Михайловича Рязанцева, он заметил: «Достаточный хозяин, ты потчешь меня шампанским, а у тебя в доме и мебели хорошей нет!». И действительно, в доме Рязанцева не было ни кресел, ни стульев, а стояли простые деревянные лавки. Т.Ф. Булычев, построив роскошный особняк в губернском центре, не переехал в него, а жил в более скромном доме и вообще иногда ночевал в конторе пароходства, где у него имелись кабинет и спальня, т.е. он не возводил богатство в культ, хотя и обладал значительными средствами. Небезынтересно также, что у Тихона Филипповича практически никогда не было при себе денег, что избавляло его от многих искушений.

Непритязательным зачастую был и внешний вид предпринимателей. Описывая облик вятских купцов, современники обращали внимание на такие его детали, как бороду, кафтан, чуйки, высокие сапоги. Например, старообрядцы братья М.Д. и И.Д. Лаптевы «ходили всегда в чуйках и высоких сапогах, причем Михаил всегда в синей, а Игнат в черной», Д.Ф. Зонов был «всегда в русском кафтане, высоких сапогах»⁵. Колоритный портрет купца г.Яранска Ф.Я. Рощина рисует в своих воспоминаниях Иван Сытин. Этот вятский купец прибыл к обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву с тем, чтобы решить вопрос о постройке женского монастыря. Встреча

← Елабужская благотворительница Г.Ф. Стахеева

▼ Купец 1-й гильдии г.Елабуги В.Г. Стахеев

началась со следующего эпизода: «Рошин в своем черном сюртуке, с золотой медалью на шее, плотный, коренастый, подошел вперевалку к столу обер-прокурора и встряхнул своими длинными крестьянскими волосами с пробором посередине...»⁶. Одним словом, на приеме у обер-прокурора богатый купец и крупный благотворитель Федор Рошин удивил всех своей простотой и непосредственностью.

Конечно, были примеры, когда состоятельные люди бесшабашно тратили свои капиталы, участвуя в различных праздных развлечениях, карточной игре и кутежах. «... В Вятке я перезнакомился со всем светом, особенно с молодым купечеством, которое там гораздо образованнее купечества внутренних губерний, хотя кутить любит не меньше», – вспоминал А.И. Герцен⁷. Некоторые выделялись напускным высокомерием, окружали себя многочисленной прислугой, разъезжали по городу «в каретах на четверках с фореитором и лакеем», устраивали напыщенные банкеты с участием высоких особ. Все эти черты из жизни предпринимателей, вовсе не являясь общим правилом, нашли отражение в русской классической литературе, в частности в произведениях А.Н. Островского.

В целом же нельзя забывать и о громадной роли купечества в развитии благотворительности и меценатской деятельности, способствовавших гуманизации российского общества.

▲ Епархиальное женское училище в г.Елабуге

ПОЛИТИКА И ВЯТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Губерния Вятская

Император Николай I

А.И. Герцен. Портрет работы А.Л. Витберга

ВЯТСКАЯ ССЫЛКА

До 1917 г. Вятская губерния, являясь частью огромного самодержавного государства, была пропитана духом монархизма. Для обитателей края правящая династия являлась воплощением святости. Незабываемыми событиями для вятчан стали посещения губернии представителями Дома Романовых – императором Александром I в октябре 1824 г. и наследником престола, будущим императором Александром II в мае 1837 г. Вятские жители стремились сохранить память об этих визитах постройкой храмов, в местных хрониках, в литературных произведениях. И в этом не было ничего необычного. Как и в том, что в честь 300-летия восшествия на престол Романовых, отмечавшегося по всей России в 1913 г., на набережной губернского центра появилась Федоровская церковь.

Однако политическая жизнь края имела и другие стороны. С давних пор Вятка рассматривалась властями как место политической ссылки, чему весьма способствовали местные условия: отдаленность региона от центра, непроходимые леса и болота, бездорожье, морозные зимы. Конечно, Вятка не была Сибирью, но тем не менее для многих приехавших сюда не по своей воле она стала таковой.

Среди вятских ссыльных была целая плеяда известных деятелей – боярин Василий Романов (дядя первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича), князь Иван Черкасский, позднее – князь П.В. Долгоруков, просветители и писатели А.И. Герцен, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.Ф. Павленков, В.Г. Короленко, художник А.Л. Витберг, революционеры В.В. Воровский, Ф.Э. Дзержинский, Н.Э.

... Вы не знаете России, живши в ее центре,
я узнал много о ней, живучи в Вятке.

А.И. Герцен

Бауман и другие. Для многих из них жизнь в глухой провинции стала серьезным испытанием.

Как место политической ссылки Вятский край окончательно утвердился в николаевскую эпоху (1825 – 1855). Поначалу в числе неблагонадежных были в основном представители дворянства – те, чьи политические взгляды шли вразрез с официальной идеологией. Это были образованные, интеллигентные люди. Находясь в ссылке, они определялись на службу и особых притеснений не испытывали. Их служба часто проходила в местных правительственных учреждениях. Так, А.И. Герцен служил переводчиком в Вятском губернском правлении, М.Е. Салтыков-Щедрин был старшим чиновником особых поручений при губернаторе, затем советником губернского правления. И они ревностно выполняли свои должностные обязанности.

Михаил Салтыков в 1850-е гг. ▶

▼ Дом, в котором жил в ссылке М.Е. Салтыков

Хотя чиновничья деятельность и помогала скоротать время, наполнив его незабываемыми эпизодами провинциальной действительности, что, в частности, нашло яркое отражение в произведениях тех же Герцена и Салтыкова-Щедрина, приобретением богатого жизненного опыта, и ссылки эти осознали, но бывали и случаи неординарные. Петр Владимирович Долгоруков, издавший в Европе крамольную книгу «Сведения о главнейших дворянских родах русских» и арестованный III отделением, при отправке в Вятку открыто отказался от поступления на службу, как ему предписывалось, сообщив об этом в письме А.Х. Бенкендорфу. Власти, считаясь с родовой славой князя и несмотря на явный вызов правительству, освободили его от служебных обязанностей, но в то же время за ним устанавливался строгий надзор¹. Впрочем, это не мешало ссылке князю посещать и самому устраивать званые обеды и вечера, читать, заниматься сочинительством.

Знатное происхождение и служебная деятельность помогали ссылке из высшего общества обеспечивать себе безбедное проживание. Они находили квартиры в богатых домах, нанимали прислугу. «Отправили меня, раба Божьего, в маложеланную Вятку. Впрочем, ссылка эта только по названию, по звуку была страшна, в действительности же она представляла мне немало хорошего», – вспоминал дворянин Тверской губернии Алексей Михайлович Унковский, сторонник буржуазных преобразований и автор либеральной программы отмены крепостного права, живший в Вятке несколько месяцев в 1860 г.² Любопытно, что сначала он «остановился у вице-губернатора Батурина, отца сенатора», а впоследствии жил у самого губернатора. Унковский писал об этом: «Вскоре приехал губернатор. Большую часть времени я прожил в се-

мействе М.К. Клингенберга. Муж и жена, рожденная Пущина, производили удивительно высокое и стройное впечатление. Жить под их кровом значило не в ссылке быть, а приехать в гости к прекрасным, глубоко любимым людям»³.

Однако было немало случаев, когда угодившие в ссылку владели жалкое существование. Сводить концы с концами им помогали пособие от государства и пожертвования местного населения. До 1840-х гг. размер пособия ссылкой составлял 50 коп. в сутки, или 15 руб. в месяц, затем – 4 руб. 50 коп. в месяц. Иногда выплачивались квартирные, но и этих денег было явно недостаточно.

Особенно сложно жилось иностранцам. У оказавшихся на чужбине были проблемы и материальные, и психологические, и языковые. В июле 1815 г. в Вятку под конвоем доставили «кавалера Почетного легиона» Карла Корнелиуса де Варримона, схваченного в Варшаве как наполеоновского шпиона⁴. Вид этого пленного был весьма удручающим. На нем «не было не только приличной, но почти никакой одежды». Местным властям пришлось прежде всего позаботиться о его костюме. По указанию губернатора, «для шевалье де Варримона было куплено у продавцов две рубашки с портами за пять рублей, одни сапоги за четыре рубля и один шейный платок за два рубля...»⁵.

В Вятке он пробыл очень долго. Положение де Варримона усугублялось тем, что этот ссылный тщательно охранялся, ассигнования на его содержание утверждались в Петербурге и, кроме того, в первое время он был лишен возможности вести переписку. Его просьбы о помиловании или о переводе в южные города отклонялись. В 1824 г. Александр I велел объявить де Варримону, что «за подобные поступки, за кои он содержится, в других краях расстреливают»⁶. Впоследствии судьба сжалась над этим вятским ссылкой. В 1825 г. ему разрешили вернуться на родину (де Варримон был нидерландским подданным), но «по старости лет и крайне расстроенному здоровью» сделать это уже было затруднительно. Ссылный получил разрешение выехать в Нижний Новгород. Правда, сперва ему пришлось разбираться с долгами, составлявшими солидную сумму – 500 руб. В его судьбе до сих пор остается много загадок.

Не все выдерживали условия ссылки и возвращались на родину. Разлука с домом и семьей обернулась для не-

которых из них трагедией. В мае 1832 г. в Слободском в наемной квартире дома купца Платунова был найден мертвым состоявший под надзором полиции польский полковник Кекерницкий. «... По отбитии запертых им в комнате дверей, — сообщил губернский прокурор министру юстиции, — найден он с раздробленною от выстрела головою, мозг и части черепа разбросаны по комнате, подле него оказалось ружье и на столе паста его руки, в коих удостоверяет, что никто из живущих в городе Слободском не был причиною его смерти, но что вознамерился лишить себя жизни сам от привязанности к отечеству...»⁷.

Жизнь ссыльных во многом зависела от губернатора, осуществлявшего за ними общий надзор. Начальники губернии могли ходатайствовать о смягчении участи подвергшихся репрессиям, а если ссыльный продолжал антиправительственную деятельность, либо вступал в конфликт с местной властью, то его переводили в более глухое место, например, из Вятки в Кай или Глазов. Не обошлось и без личной неприязни местных чиновников к некоторым ссыльным. Губернатор Тюфяев, по рассказу Герцена, отправил «одного молодого поляка» из губернского центра в Глазов «за то, что дамы предпочитали танцевать с ним мазурку, а не с его превосходительством»⁸. Вместе с тем в целом отношение к ссыльным со стороны губернской власти поначалу было доброжелательным. Губернатор А.И. Середа выражал даже пожелание, чтобы на Вятку и в будущем направлялись политические ссыльные, так как, являясь людьми образованными и добропорядочны-

ми, они смогут принести губернии пользу. Что же касается вредных политических мыслей, то, как полагал губернатор, «по свойству вятских жителей» антиправительственные идеи не получают здесь распространение⁹.

А.И. Середа в чем-то предвидел ситуацию. Во второй половине XIX в. политическая обстановка в стране сильно изменилась. В период буржуазных реформ и после них в России заметно усилилось либеральное и революционное движение, действовали народнические организации, строившие планы захвата власти и развития государства по социалистическому пути. Россия впервые явственно ощутила на себе угрозы и реалии терактов. Одним из самых дерзких вызовов самодержавию стало убийство 1 марта 1881 г. Александра II, крестьянского царя-освободителя.

В этой обстановке число политических ссыльных неуклонно росло, изменялись условия их содержания. Согласно новым правилам и инструкциям, неблагонадежные лица уже не допускались к службе в государственных учреждениях, им не разрешалось заниматься преподаванием и всякого рода публичной деятельностью, исключалось также содержание библиотек, типографий, фотоателье, торговля книгами и т.д. В местах, куда они направлялись, увеличивался состав полиции. Многие из ссыльных находили отдушину для себя в земских учреждениях. Там служило немало их единомышленников, которые опекали поднадзорных — помогали им с работой и жильем.

Наибольшее число ссыльных в Вятской губернии отмечалось на рубеже 1870 — 1880-х гг., в конце 1890-х гг. и в начале XX в. Особенно масштабной была ссылка в годы и после Первой русской революции 1905 — 1907 гг. «...В настоящем 1908 г. ... во вверенной мне губернии, — не без тревоги отмечал С.Д. Горчаков, — числится ссыльных 3677 человек, расселенных в семи уездах, они дурным своим поведением раздражают местное население, внося в его жизнь порчу нравов»¹⁰. В тот период местные власти в отношении участников революционного движения наделялись широкими полномочиями: из состоящих на военном положении регионов неблагонадежные высылались в другие, внутренние губернии; при их сопровождении разрешалось использование ручных кандалов, допускались обыски и штрафы за различные нарушения, кроме того, ссыльных могли заключать в тюрьму.

◀ Владимир Короленко

▼ Дом в Березовских Починках. Рис. В.Г. Короленко

Иногда происходили просто анекдотические истории. В 1899 г. чиновник особых поручений в ходе проведенных в Уржуме обысков пришел к выводу о существовании в Вятской губернии революционного общества, членами которого являлись Маркс и Энгельс (!), поскольку их фамилии упоминались в изъятых бумагах. Тут же уржумскому исправнику было дано указание об установке точного местонахождения этих подозреваемых. Вот и пришлось сыльным объяснять, что Маркс и Энгельс уже умерли, и поэтому они никак не могут входить в тайное общество.

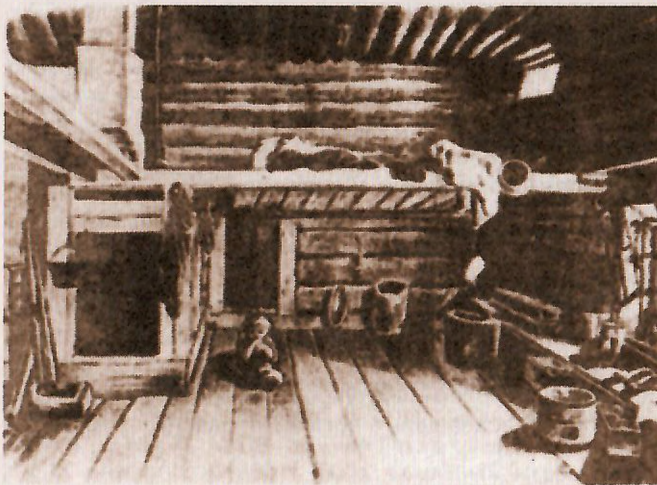
Во второй половине XIX – начале XX в. изменился социальный состав сыльных. Число дворян постепенно снижалось и одновременно росла численность неблагонадежных из городских сословий (мещан, купцов) и крестьянского населения. Среди находившихся в губернии сыльных чаще всего встречались лица молодого возраста, в пределах от 20 до 30 лет. Их ссылка в среднем продолжалась два-три года. Водворенные в губернию были выходцами как из великорусских губерний, так и с западных (например, участники нового польского восстания 1863 – 1864 гг.), а также с Кавказа (участники восстания в Терской области). В числе сыльных встречалось уже и немало женщин. Последним приходилось особенно тяжело, но многие из них были людьми сильными духом и продолжали активную политическую деятельность, несмотря на репрессии.

Расширялась и «география» вятской ссылки. Местами, где проживали неблагонадежные, стали практически все уезды губернии, в особенности северные и восточные – Котельничский, Орловский, Слободской, Глазовский. Причем сыльные отправлялись не только в уездные центры, но и в отдаленные от них села и деревни. Власти стремились таким образом предупредить побеги и оградить местное население от влияния революционеров. На размещении сыльных сказывались министерские указания, по которым губернаторам предписывалось направлять поднадзорных подальше от железных дорог и учебных заведений.

В обширной Вятской губернии таких мест было много. К ним относились Березовские Починки, располагавшиеся в Глазовском уезде, где отбывал ссылку В.Г. Короленко. Он писал: «Березовские Починки... Едва ли вы найде-

те их на самых подробных географических картах... В Вятской губернии это место известно чуть не всем и каждому понаслышке, как последняя ступень ссылки. Да и в самом деле, кажется, трудно еще найти уголок, который показался бы страшным тому, кто побывал в этих

Починках. Это не село, не деревня даже, это просто несколько отдельных дворов, рассеянных на расстоянии 15 – 20 верст, среди лесной и болотистой местности... Летом в Починках пробраться можно только верхом...»¹¹. Жить В.Г. Короленко пришлось в курной, то есть топившейся по-черному, избе. Это было настоящее испытание для человека, родившегося в семье чиновника в Житомире и учившегося в Петербурге и Москве.

Не все сыльные мирились со своей участью. Время от времени, несмотря на строгие меры надзора, совершались побеги. В конце августа 1899 г. из кайской ссылки на лодке по реке Каме сбежал Феликс Дзержинский, с самого начала вызывавший у местных властей большие подозрения. В начале века часто происходили массовые побеги поднадзорных.

И в то же время для некоторых сыльных Вятская земля стала родным домом. Свою судьбу с местом ссылки связал поляк Станислав Осипович Якубовский, участник восстания 1863 – 1864 гг. В Вятке он обзавелся женой, стал купцом 2-й гильдии, владельцем булочно-кондитерс-

Губерния Вятская

Губернский центр

Степан Гриневский

кого производства, а также гласным городской думы и земским деятелем. Кроме того, он участвовал в благотворительных делах и являлся членом-учредителем общества владельцев Вятского концертного зала. После ссылки остался в Вятке и поляк Оскар Эдуардович Авейде. Он был адвокатом, заседал в Вятском уездном земстве и городской думе. «Благодаря своему бескорыстию и доступности для бедноты», – вспоминал современник, – Авейде «пользовался широкой популярностью среди населения»¹². В Вятке жил и бывший ссыльный Степан Евсеевич Гриневский, земский служащий, отец известного писателя А. Грина. Выехать отсюда многим мешал поначалу запрет на жительства в столичных и западных губерниях. Позже, обзаведясь семьями и хозяйством, они остались в губернии навсегда. Вообще среди ссыльных поляков было немало высокообразованных и талантливых людей: одни являлись музыкантами, другие рисовали, третьи в совершенстве владели европейскими языками¹³. Поляки резко выделялись «всем своим видом и костюмом от обывательской публики», и «при встречах с ними на улицах города как-то невольно приходилось останавливать на них свое внимание»¹⁴.

Вятский край являлся и местом высылки военнопленных. В петровский период здесь жили шведы, в XIX столетии – французы, итальянцы, испанцы, австрийцы, пруссаки, саксонцы, поляки, португальцы и представители других народов, воевавших в армии Наполеона; турки, в на-

чале XX в. – немцы, австрийцы. Находившиеся в плену привлекались к «городовым работам», трудились на заводах и фабриках, участвовали в строительстве водохранилищ.

Вятчане относились к иностранцам с любопытством, без злобы и ненависти. Любопытство иногда было настолько огромным, что местные жители не только массово выходили на улицу, когда шли пленные, но и выезжали за город, чтобы увидеть их первыми. Так было в январе 1878 г., когда в Вятку по Московскому тракту под конвоем солдат прибыла партия пленных

турок численностью более 400 человек. Несмотря на мороз, «... в городе за ними тянулась огромная масса народа», – сообщали газеты¹⁵. Пленные «изображали собой жалкую толпу, распространявшую зловоние, оборванных и грязных людей, из которых многие одеты были в коротенькие полушубки и башлыки, а другие в солдатские шинели турецкого покроя, в красных фесках и в лаптях, иные же сверх того прикрыты были половиками, рукавиц и теплых сапогов, кажется, не было ни у кого»¹⁶. По-русски они почти ничего не понимали. Вятчане сначала их побаивались, пугали пленными детей, но потом привыкли и помогали – носили хлеб, одежду. В губернии турки находились до осени 1878 г.

Пребывание ссыльных и военнопленных не прошло бесследно для региона. Влияние, оказываемое ими, внесло свежую струю в развитие и общественно-политической жизни, и культуры края. Отнюдь не случайно, многое из того, чем славится Вятка и что является ее историческими достопримечательностями, соприкасалось с именами ссыльных: с А.И. Герценом – открытие губернской библиотеки, с А.Л. Витбергом – создание шедевров вятского зодчества, с поляками – постройка Александровского костела.

Александр Витберг

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Об устройстве этапных тюрем

Для партий арестантов, проходящих чрез Вятскую губернию в Сибирь, устроены в 1822 году, с учреждением по Сибирскому тракту этапов на 16 станциях, шесть этапных и десять ночлежных тюрем и в двух местах для этапных команд военные лазареты. Все эти здания по совершенном устройстве сданы в том же 1822 году в ведение военного начальства.

(Столетие Вятской губернии. Т. 1. Вятка, 1880. С. 371)

2. Численность лиц, высланных в Вятскую губернию в 1897 – 1913 гг.

годы	всего
1897	74
1898	88
1899	98
1900	32
1901	20
1902	41
1903	51
1904	8
1905	15
1907	3448
1908	847
1909	888
1910	41

годы	всего
1911	42
1912	37
1913	29

(По данным П.Н. Луппова. См.: Луппов П.Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933. С. 77, 132, 135)

3. Современники о вятской ссылке

Говоря о Слободском, необходимо указать на одну из его особенностей – это «ссылный город», как и вообще все города Вятской губернии; в нем постоянно живут против воли человек до 50, частию поляков, возвращенных с каторги, частию русских, или так называемых административных ссылных, или же сосланных по приговорам судов и сельских обществ...

(Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год. 2-е изд. СПб, 1877. С. 79)

...Наплыв политических ссылных в Вятскую губернию снова повторился, но еще в гораздо большем масштабе в 1906 – 1908 гг., когда повсеместно в России шла ликвидация революции 1905 г. Тогда ссылных чуть не ежедневно пригоняли целыми табунами и расселяли по преимуществу по уездным городам и селениям, причем и состав их сильно изменился в сторону преобладания рабочих и аграрников-крестьян, среди которых нередко, конечно, попадали совершенно случайные люди, ничего общего не имеющие с политикой. Тогда и влияние ссылки было огромно, и сказывалось оно не только на подрастающем поколении, но и на общественной жизни и, в частности, на земских учреждениях, впитавших в себя массу ссылного элемента в качестве служащих.

(Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. 2-е изд. М., 1973. С. 76, 78-79)

ЗЕМСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ

Общественно-политическая жизнь Вятской губернии была тесно связана с деятельностью земских учреждений. После великих реформ 1860 – 1870-х гг., ставших «первой ласточкой общественного пробуждения» (слова писавшего о вятском земстве публициста и статистика П.А. Голубева), в стране наблюдался подъем либерального движения.

Если раньше, до буржуазных реформ, либерализм был явлением преимущественно дворянским, то затем, в пореформенное время, с появлением новой системы местного самоуправления, круг либеральных деятелей заметно расширился, в том числе за счет духовенства, разночинцев, купечества и других слоев населения.

О развитии земского либерализма в Вятском крае в тот период говорится в записке вятского губернатора В.И. Чарыкова, составленной в ноябре 1870 г. на имя министра внутренних дел и имевшей гриф «совершенно секретно»¹. Губернатор отмечал, что до учреждения земства влияние «зловредных лиц» на общественную жизнь было слабым, а после – приобрело широкий размах. «Все, что от правительства и от дворянства – осуждать и гнать, и уничтожать; все, что выборное от духовенства и крестьян – защищать и возвышать» – в этом заключался основной принцип, которым руководствовались местные либералы.

Центральной фигурой земской оппозиции губернатор считал Матвея Матвеевича Синцова – титулярного советника, купеческого сына, получившего образование в Московском университете, врача (о нем мы уже писали в первой главе). Став председателем Вятской губернской земской управы, Матвей Матвеевич привлек к земской деятельности политических ссыльных и ряд других «подозрительных лиц», к примеру Шулятикова и Бушманова, проходивших по

делу о казанском заговоре, и вместе с ними порицал «все прежнее и настоящие правительственные учреждения». По сообщению начальника губернии, оппозиционеры «довели управы до совершенно враждебного со всеми положения и только благотворительная мера – высылка... в Костромскую губернию секретарей Бушманова и Шулятикова и увольнение из губернской управы Анания Куца (политический ссыльный, дворянин. – М.С.) немного способствовали уменьшению вредных действий Синцова». Чарыков называл последнего «ловким и пронырливым» человеком и считал, что по должности М.М. Синцова нужна замена. Это вскоре и произошло: на выборах 1870 г. Матвей Матвеевич вновь избирается председателем Вятской губернской земской управы, но министром внутренних дел его кандидатура не утверждается.

Помимо Синцова, в губернаторском списке неблагонадежных лиц значится имя земца уездного города Глазова Петра Ивановича Колотова, впоследствии ставшего вторым, после Матвея Матвеевича, председателем Вятской губернской земской управы. Будучи выходцем из купеческой семьи, Колотов имел «небольшое, неразделенное с четырьмя братьями состояние», обучался в Казанском университете, до земской службы был почетным смотрителем Глазовского уездного училища. В 1862 г. за ним устанавливается полицейский надзор, поскольку Петр Иванович был «замечен в оказательстве вредного влияния на учащихся и в обнаружении идей своеволия и безбожия». Сторонниками схожих идей стали и братья П.И. Колотова, торговцы хлебом, вином, бакалейными и колониальными товарами. В 1867 г. Петр – член Глазовской земской управы, а в следующем году – ее председатель. Он «дружил со всеми, кто только заражен либеральным направлением и вообще сочувствует ему». После репрессивных мер, принятых властями к вольнодумцам, Колотов проявлял осторожность. «Уже около года он ведет себя в политическом отношении безучастно, с крайней осторожностью и выбран председателем Глазовской управы на второе трехлетие», – отмечал Чарыков. Но в

▼ Дом купца Чернова в г. Уржуме. Совр. снимок

дальнейшем, когда Петр Иванович стал председателем губернской земской управы, он вновь привлек к себе пристальное внимание властей. Его обвиняли в пособничестве революционерам, в его доме проводились обыски. По словам видного общественного деятеля Николая Николаевича Блинова, П.И. Колотов ходил на «бедного Макара, на которого шишки валились сами собой»².

Как и Петр Иванович, в Казанском университете учился Лазарь Матвеев, потомственный почетный гражданин, владелец винокуренного завода. После окончания университета он служил чиновником особых поручений при казанском губернаторе. В период проведения крестьянской реформы был мировым посредником, затем – первым председателем Уржумской земской управы. Чарыков сообщал, что Л.П. Матвеев являлся человеком «крайне либерального направления и обнаружил стремление к пропаганде» и соответственно «вполне сочувствовал Синцову».

В дальнейшем, в 1872 г., Матвеев и купец Андрей Чернов открыли в г. Уржуме библиотеку-читальню³. Ее посещали в основном земские деятели, учителя, ссыльные. Библиотека сразу же попала под подозрение. В 1874 г. у земца В.Я. Заволжского блюстители порядка обнаружили запрещенные издания, которые, как оказалось, были из библиотеки Чернова-Матвеева. Заволжского подвергли аресту, а владельцы библиотеки привлекались к следствию. Однако это не повлияло на взгляды и поведение уржумских земцев-политиков. В 1880-е гг. осведомители доносили, что в библиотеке ежедневно собираются поли-

тические ссыльные, а Чернов – «человек, не признающий Бога и религии»⁴. После событий 1 марта 1881 г., когда был смертельно ранен Александр II, давление на оппозицию и либеральную, и революционно-демократическую резко усилилось. Весной 1884 г. директор департамента полиции В.К. Плеве направил министру внутренних дел ходатайство о закрытии Уржумской библиотеки, и 2 апреля было дано на это согласие.

Арестованный властями агроном Владимир Яковлевич Заволжский, как и многие первые земцы, был выдвинут Матвеем Синцовым. Чарыкову было известно, что сын священника Уржумского уезда Заволжский учился в Петровской земледельческой академии «едва ли не в одно время с известным преступником Нечаевым». Единомышленником Матвея Матвеевича Синцова был и председатель земской управы Орловского уезда, потомственный почетный гражданин Михаил Акимович Булычев. По сведениям губернатора, этот молодой человек занял в земстве высокую должность во многом благодаря Синцову, и, находясь в близких с последним отношениях, регулярно ездил в Вятку для советов с ним. Чарыков называл Михаила Булычева «недальновидным».

Огромное влияние на развитие либерализма оказывали земские служащие – статистики, учителя, врачи, агрономы, библиотекари. Это был слой разночинной интеллигенции, наиболее близкий к народу, с демократической идеологией и в силу этого опасный для самодержавия. Б.Б. Веселовский верно отмечал, что в вятских земствах именно разночинный «третий элемент» являлся главным работником⁵. Одним из них был ссыльный, купеческий сын Василий Хохряков, который в 1863 г. по решению суда за распространение «возмутительных воззваний» оказался на каторге в Сибири, а впоследствии по просьбе матери, проживавшей в Вятке, и ввиду «одобрительного отзыва о его поведении» получил разрешение проживать в Вятской губернии. Здесь он познакомился с Синцовым, и Матвей Матвеевич определил Хохрякова, поскольку тот ранее обучался в Медико-хирургической академии, на должность старшего фельдшера губернской земской больницы. Хотя в своем послании В.И. Чарыков писал, что «пока ничего предосудительного за Хохряковым замечено не было», но не забыл внести и этого земца в свой список.

Неблагонадежными в политическом отношении губернатор считал секретаря Вятской уездной земской управы Николая Вершинина, ранее уволенного с должности редактора «Вятских губернских ведомостей», и помощника секретаря губернской управы Егора Красноперова, которого «тюрьма и потом заключение в Казанской крепости не исправили». На Красноперова у В.И. Чарыкова была личная обида: тот вместе с М.М. Синцовым написал на губернатора жалобу в Правительствующий Сенат. Об этом факте Чарыков забыть не мог.

В числе явных земских оппозиционеров губернатор называл и представителей духовенства. Среди них «очень умный и развитый» священник села Бахта Николай Блинов, «довольно умный, но упрямый, хитрый и зловредный старик», протоиерей Вятского Спасского собора Игнатий Фармаковский. Они, как указывал начальник губернии, стали жертвами учения А.А. Красовского – основателя нигилизма в Вятке.

Действительно, для многих вятских общественных деятелей второй половины XIX в. Александр Александрович Красовский (1828 – 1883) являлся идейным вдохновителем и учителем. Он был выходцем из духовного сословия и сам первоначально пошел по стопам своих предков. Окончив Вятскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию со званием кандидата, Красовский стал преподавателем Вятской духовной семинарии. Губернатор В.И. Чарыков писал о нем: «Будучи сильно заражен в Петербурге атеизмом и нигилизмом, он сначала приблизил к себе воспитанников старшего класса семинарии, а потом, когда вошел к ним в доверие, начал проводить между ними свои вредные идеи, которые скоро привились к восприимчивым, малознающим жизнь семинаристам». Красовский с каждым годом расширял свою просветительскую деятельность. В 1859 г. он открыл в Вятке первую частную библиотеку, затем стал владельцем книжного магазина и типографии. Преподавательскую же работу ему пришлось оставить.

При библиотеке вокруг А.А. Красовского сложился кружок, ядро которого составляли семинаристы⁶. Члены кружка изучали сочинения Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова (с двумя последними Красов-

ский был знаком лично), обсуждали сложившуюся политическую обстановку в стране. В 1863 г. они откликнулись на призыв казанских студентов поднять восстание с целью поддержки антиправительственного движения в Польше. Этот заговор был раскрыт. Непосредственно причастными к нему оказались 19 вятчан. По «казанскому делу» задержали и А.А. Красовского. Он был арестован в г.Яранске, когда возвращался из Петербурга. При задержании у Красовского нашли «печатный экземпляр возмутительного воззвания от русского центрального народного комитета «Земля и воля»⁷. Бывший профессор семинарии был отдан под суд, а его сторонников – «до 60-ти человек» – исключили из вятской семинарии. Библиотека и магазин Красовского были закрыты.

В Вятку Александр Александрович вернулся в конце 1863 г., отбыв в тюремном заключении в общей сложности более пяти месяцев. Чарыков писал, что арест и следствие произвели на Красовского «весьма сильное влияние, так что он сделался до крайности осторожным, избегает общества, занимается хозяйством на арендованной им близ Вятки ферме и торговлею книгами в магазине своего брата». «При зорком наблюдении полиции, – указывалось в губернаторской записке, – она не замечала за ним ничего предосудительного. Замечательно же более всего то, что Красовский, бывший ранее крайним атеистом, ныне даже сделался богомольным».

Местом для встреч вятских либералов в те годы зачастую являлся дом Фармаковских. Он располагался недалеко от Спасского собора, где служил глава семьи. У Фармаковских собиралась свободлюбивая молодежь, приходили Синцов, Заволжский, преподаватель семинарии А.С. Верещагин. Как вспоминал народник Н.А. Чарушин, «...тяготению к дому Фармаковских... немало способствовали две уже взрослые дочери привлекательной наружности, умные и развитые, стремившиеся к высшему образованию»⁸. В будущем одна из сестер Фармаковских – Софья – стала женой М.М. Синцова, а другая – Юлия – В.Я. Заволжского. Огромное влияние на своих детей оказывали сам Игнатий Фармаковский и его супруга Людмила Азарьевна – «умная и либеральная женщина», проводившая свободное время с молодежью.

А.А. Красовский

Флорентий Павленков ▸

Оппозиционные настроения в реформенный период охватили и некоторых губернских чиновников. Недовольство у Чарыкова вызывала деятельность управляющего акцизными сборами, действительного статского советника Павла Алексеевича Зубова, который покровительствовал Синцову и его сторонникам. Губернатор был возмущен тем, что этот чиновник мало того, что поддерживал «зловредную партию», он еще и «громко высказывает, не стесняясь, что у нас в России служат только Александру Николаевичу (Императору), а не Отечеству, что у нас не умеют ценить таких людей, как Бакунин (известный эмигрант), а истинных сынов Отечества, живущих в России, отправляют по Владимирской, то есть в Сибирь...». «Такие рассуждения лица, столь высоко поставленного в губернии и получающего от правительства наибольшее в губернии до 8 тысяч рублей содержание, – заключал В.И. Чарыков, – одобряют всех ссыльных и лиц враждебных настоящему государственному строю». Чуть позже П.А. Зубов все-таки был уволен с должности. В марте 1871 г. в благородном собрании он произнес тост «за победу и процветание Французской коммуны». Тост стоил Павлу Алексеевичу должности.

Беспокойство у губернатора вызывал и Флорентий Павленков – ссыльный книгоиздатель, живший в Вятке с лета 1869 г. Он был знаком с А.А. Красовским, общался с Н.Н. Блиновым, М.М. Синцовым, В.Я. Заволжским и другими «неблагонадежными лицами».

Все эти сведения стали достоянием III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которая хорошо владела методами борьбы с инакомыслием. С помощью ссылки, арестов, увольнения от должностей первую мощную волну земского либерализма в губернии властям удалось погасить. Что же касается М.М. Синцова, то он покинул Вятку, в дальнейшем жил в Новгороде, Петербурге, Ростове-на-Дону, а умер в Одессе в январе 1910 г., где долгое время работал в таможенном ведомстве. «Матвей Матвеевич до конца дней своих не переставал интересоваться судьбами вятского земства, считая службу в нем лучшими днями своей жизни», – вспоминали современники⁹.

Новый подъем в Вятской губернии земского либерального движения наблюдался в 1890-е годы, когда предсе-

дателем управы был известный в России общественный деятель Авксентий Петрович Батуев – сторонник просвещения и улучшения экономического положения крестьянства. Как и прежде, отношение властей к деятельности прогрессивных земцев оставалось настороженным, а зачастую и открыто негативным. Весьма показательным, что во всеподданней-

шем отчете за 1896 г. вятский губернатор Н.М. Клингенберг писал, что, с одной стороны, Батуев человек «весьма развитой, хорошо образованный», а с другой – «с крайне либеральным направлением» и «весьма мало практический»¹⁰. Губернатор подчеркивал, что земский председатель часто упускал из вида стоимость своих проектов, а та, в свою очередь, была обременительна для населения. «Со смертью его (А.П. Батуева. – М.С.), – отмечал Клингенберг, – изменился характер губернского земского собрания, которое создало, что только постепенность в мероприятиях и разумная расчетливость могут поставить земскую деятельность на высоту служения, к которому оно призвано Высочайшею волею»¹¹. Прочитав эти строки, Николай II прямо на отчете написал: «Совершенно верно». Таков был официальный взгляд на деятельность любимого сотнями вятчан общественного деятеля.

И после смерти Батуева земство не утратило дух оппозиционности. «Личный состав земства проникнут ненавистью к дворянам, большинство правительственных распоряжений здесь встречается протестами... Все это зло рассеивается по губернии многочисленным штатом служащих по найму лиц в земстве... Таким образом, самую неблагонадежную часть населения губернии следует считать земство», – говорилось в 1900 г. в докладе Вятского губернского жандармского управления в департамент полиции¹².

Земский либерализм, безусловно, сыграл важную роль в развитии в регионе общественно-политического движения. Он не представлял собой насильственный путь преобразования общества и нашел поддержку среди прогрессивных представителей разных слоев населения. Однако же в целом вятское общество и после великих реформ оставалось консервативным, и только события начала XX века существенно изменили политическую обстановку в губернии.

ЧЕРНЫЕ ДНИ 1905 ГОДА

В феврале 1905 года в Вятку прибыл новый губернатор Александр Георгиевич Левченко. Его сразу же ознакомили с правительственными телеграммами. Согласно одной из них, ввиду сложившейся политической ситуации в стране Левченко не должен был отлучаться из пределов Вятской губернии. В конце года вятский губернатор отправил в Петербург телеграмму следующего содержания: «...Считаю долгом доложить... моя жизнь в постоянной опасности, если я буду убит, то губернией овладеют социалисты»¹.

А.Г. Левченко стал свидетелем и, более того, как представитель власти, — участником бурных событий 1905 г. В то время по Вятской губернии прокатилась волна стачек, демонстраций, всякого рода выступлений и происходили черносотенные погромы, жертвами которых стали представители местной интеллигенции, учащиеся, евреи и те, кто «мыслил по-новому». Черносотенцы таким образом защищали Веру, Царя и Отечество от внутренних врагов, которых, по их мнению, было три — инородец, интеллигент и инакомыслящий.

17 октября 1905 г. вышел царский манифест, провозгласивший многие демократические свободы: неприкосновенность личности, свободу слова, собраний, союзов и т.д. Известие это быстро разлетелось по России. Уже через несколько дней, после опубликования манифеста, вятский губернатор докладывал в Петербург: «18 и 19 октября происходили в г.Вятке демонстрации социал-революционеров с красными флагами и речами, произносимыми с балкона губернской земской управы; в речах говорилось, что не надо самодержавие... Социалисты, опираясь на манифест 17 октября, отказались исполнять всякое требование полиции о прекращении митингов на улице, говоря, что ныне манифестом предоставлена полная свобода сходов и свобода слова, причем они грозили, что при употреблении против них силы, они вызовут кровавое столкновение»². Кровавое столкновение все-таки произошло. Правда, его устроили не противники, а сторонники самодержавия.

20 октября в Вятке появились слухи, что «политиками» во время последних выступлений была изломана икона и испорчен царский портрет: у царя даже выкололи глаза. Губернатор, зная, что ситуация в губернском центре накалилась до предела, выпустил объявление, в котором заявил о ложности слухов и призвал население к полному спокойствию, просил также воздерживаться от всяких насильственных действий и оскорблений, в особенности «пригласил бережно относиться к детям и учащимся»³. До этого нижние чины 226 запасного батальона, возмущенные происходившими в городе беспорядками, уже успели избить несколько учеников Вятской земской фельдшерской школы. Однако ситуация развивалась не по мирному сценарию.

22 октября 1905 г. «в день празднования Казанской иконы Божьей Матери», после молебна на площади у Кафедрального собора, «толпа манифестантов в количестве до 10 тысяч человек» с портретами Николая II и национальными флагами шла по Московской улице с пением молитвы «Спаси, Господи, люди твоя...» и народного гимна «Боже, царя храни»⁴. Затем демонстранты разделились «на несколько частей, причем некоторые из толпы начали набрасываться на всех, кто не снимал шапки и не крестился или кого она подозревала в сочувствии социал-ре-

Вятка. — Вятка. № 34.
Кафедральный собор. — La cathédrale.

▼ Гостиница Д.Ф. Чучалова

волюционерам»⁵. В результате было убито шесть человек и ранено около 30. Среди убитых оказались судья второго участка г.Вятки А.Н. Коробов, гимназист восьмого класса Ясинский, реалист Палкин, сын торговца обувью Брудный, сын священника, аптекарский ученик Катаев (умер в больнице), домовладелец Лугинин. В этот «черный день» была разгромлена аптека, принадлежащая Самуилу Кацнельсону, выбиты стекла в еврейских магазинах и гостинице Чучалова.

Позднее один из полицейских вспоминал, что 22 октября, когда толпа двигалась по Московской улице, в нее кто-то выстрелил. Если это действительно было так, то выстрел только спровоцировал погром и избиения. Вот как описывает случившееся один из очевидцев тех страшных событий жандарм Масалитинов: «22 сего октября около часа дня, после благодарственного молебна... я возвращался домой в гостиницу Чучалова. Не доходя шагов 150 до подъезда, на мостовой Спасской улицы посреди толпы я увидел распростертого на земле изуродованного от побоев умирающего человека, оказавшегося впоследствии мировым судьей Коробовым. Повода к этому самосуду никто из окружавшей толпы объяснить мне не мог. Вслед за этим я увидел, что толпа бросилась во двор Чучалова через ворота, ведущие в него с Николаевской улицы. Предвидя возможность подобного же акта самосуда, я последовал туда, причем увидел, как толпа стащила с лестницы, находящейся во дворе постройки, какую-то неизвестную мне женщину, оказавшуюся впоследствии девицей Греховой и, свалив на землю, стала наносить ей

жестокие побои руками и ногами; некоторые становились на нее ногами и подпрыгивали, чтобы всю свою тяжестью нанести возможно сильнее повреждения своей жертве»⁶. Масалитинов сумел спасти девицу Грехову от смерти и сам чуть было не пострадал. Он избежал «черной участи» благодаря тому, что в гостинице Чучалова переоделся в гражданское платье и сбрил бороду.

Беспорядки продолжались до наступления темноты. Рота 231 Котельничского батальона, выделенная для охраны уличного спокойствия, не сумела защитить мирных горожан. По распоряжению губернатора «для прекращения начавшихся в городе беспорядков» были высланы дополнительные военные силы. А.Г. Левченко приказал также установить в Вятке ночное военное дежурство, охранять городской водопровод, электрическую и телефонную станции, гостиницу Чучалова, поставить охрану у квартир городского головы Поскребышева и члена губернской земской управы Ключарева, с которыми толпа тоже хотела расправиться. Была поставлена охрана у фельдшерской школы и у общежития реального училища. Позднее был взят под охрану и вокзал.

На следующий день, 23 октября, в Вятке было спокойно. В этот день епископ Вятский и Слободской Филарет осудил действия погромщиков, заявив, что «горе как тем, которые вызвали к этому преступлению, так и тем, которые совершили его»⁷. Губернатор же советовал горожанам «не останавливаться на улицах и площадях, избегать сборищ и участия в толпе и быть на улицах осторожными»⁸. По городу же упорно ходили слухи о предстоящих избиениях евреев, служащих и новых погромах.

Слухи, к счастью, остались слухами. Правда, в ночь на 24 октября напуганные погромами вятчане слышали какие-то выстрелы. Оказался разбит уличный фонарь. Виночных задержать не удалось.

На следующий день А.Г. Левченко в своем донесении в столицу отметил, что уже давно население не довольно деятельностью революционеров и губернской земской и Вятской городской управ и что, «оставаясь глубоко приверженными самодержавию, население грозит истреблением всех социалистов»⁹. Эти настроения спровоцировали вспышку насилия и в уездных городах.

Уржум. В этом городе погром произошёл раньше, чем в Вятке. Уже 20 октября 1905 г. губернатор докладывал в Петербург: «Уржумский городской голова телеграфирует: по случаю манифеста 17 октября по два дня была уличная демонстрация с пением революционных песен, учебные заведения, торговые лавки по требованию демонстрантов были закрыты. В городе образовалась противная партия, которая ходит по улицам с шумом, избивает демонстрантов и разбивает окна в их домах. Город в опасности. Исправнику телеграфировал не допускать уличных беспорядков...»¹⁰. Об убитых и раненых ничего не сообщалось, хотя без насилия, как видим, не обошлось и в этом сравнительно небольшом городе.

Возмутительно с точки зрения властей повели себя уржумские гимназистки. 19 октября 1905 г. по их требованию был отслужен молебен, на котором присутствовал секретарь земской управы Разумовский. Перед пением «Боже, царя храни» он заявил ученицам, что «у нас царя нет и просил петь «Марсельезу»¹¹. Ученицы старших классов поддержали это предложение, остальные же пели «Боже, царя храни». Начальница гимназии вынуждена была распустить учениц по домам.

Нолинск. 22 октября, то есть в тот день, когда в Вятке произошёл черносотенный погром, в помещении Нолинского земского училища состоялось собрание, устроенное председателем земской управы И.А. Шубиным, его секретарем А.Я. Никитиным, землемером И.И. Кондорских и другими. На собрание пришли «большое число граждан из мещан», ученики земской школы, рекруты. Сначала «политики» пропели «гимн свободе», а затем стали выступать. В их речах звучали обвинения в адрес царя, объяснялось значение манифеста 17 октября, говорилось, что «благодаря многих жертв они добились его» и т.д.¹² Однако не все собравшиеся были согласны с ораторами, а выступление одного из них своим криком публичка даже оборвала.

Собрание продолжили революционные песни, которые еще сильнее возбудили мещан. Последние стали откры-

то глумиться над ораторами, допускали грубые насмешки. Дальше события разворачивались таким образом. Устроителей собрания попросили спеть «Дубинушку», а затем, как бы в ответ, кто-то из публики затянул «Боже, царя храни». Ораторы-социалисты запретили петь этот «народный гимн», и тогда недовольный певун выругался «скверноматерною бранью»¹³. Поднялся шум, и собрание было спешно закрыто.

Некоторые из мещан, присутствовавшие на собрании, «сильно озлобились» и решили отомстить ораторам. Первым делом они выбили стекла в окнах квартиры жены бывшего городского судьи Антонины Кулепетовой, где после собрания находились «политики».

Как сообщают документы, к ее дому пробралась «партия до 30 человек» и в окна полетели камни, бутылки и прочие предметы¹⁴. Полицейские надзиратели и городовые смогли утихомирить погромщиков. Нолинский уездный исправник доносил губернатору, что «местное население, а также крестьяне сильно возбуждены против означенных лиц социалистов и намерены при первом же случае устроив ими демонстраций напасть на них и побить»¹⁵.

На следующий день в семь часов вечера «хулиганами была осаждена квартира секретаря земской управы Никитина. Несколько человек с целью узнать дома ли он, забрались на карниз дома... и разбежались лишь после того, как на шум выбежали соседи и хозяин дома, в котором живет Никитин»¹⁶. В этот же день на улице на глазах полиции был сильно избит учитель Кокорин.

Социалисты не на шутку испугались. Служащие земства подали заявление уездному исправнику с просьбой оградить их от насилия. Шубин написал письмо губернатору, в котором просил принять «немедленные и энергичные меры против хулиганского движения»¹⁷. В письме он жаловался, что полиция отказывается составлять протокол о погроме квартиры Кулепетовой, мотивируя свои действия тем, что «теперь свобода и полиция ничего не может».

Самые активные участники собрания вынуждены были выехать из Нолинска. Они предполагали, что движение

против них «организуется двумя-тремя торговцами». Назывались имена Ивана Небогатикова, Михаила Гырдымова и имена приказчиков купца Кокорина – Нелюбина и Глазкова.

1 ноября 1905 г. председатель Нолинской земской управы Иван Шубин вернулся в Нолинск. Вечером и ночью в окнах дома, где он жил, были выбиты стекла. В эту же ночь пострадали квартиры и других земских деятелей-оппозиционеров и кто-то разбил стекла в окнах ремесленной школы. У квартиры Шубина находился «усиленный пост городских», но никто не помешал действиям хулиганов.

2 ноября И.А. Шубин отправил губернатору телеграмму: «Сейчас получил открытое предупреждение погрома сегодняшней ночью и своей смерти, возлагаю ответственность на Ваше превосходительство, оставить управу, служащих не могу... в охране дома войском получил отказ»¹⁸.

Чуть раньше в Вятку из Нолинска пришла другая телеграмма. «Население трех волостей вверенного мне участка волнуется, – сообщал земский начальник Воейков, – предполагается 5 ноября прибытие крестьян в Нолинск, разгром земской управы, избиение председателя Шубина, секретаря Никитина и других земцев»¹⁹. А.Г. Левченко, в свою очередь, телеграфировал: «Объявите населению трех волостей, что они верные слуги Царя и Отечества не должны позволять никаких насилий над лицами им неприязненными и над имуществом. Пусть вспомнят Бога, повелевающего любить всех даже врагов своих и пусть не слушают лиц, подстрекающих к насилию»²⁰.

3 ноября губернатор предложил Шубину и Никитину приехать в Вятку. В тот же день нолинский уездный исправник составил рапорт: «Ввиду повторяющихся в городе Нолинске с 1 ноября каждый вечер со стороны местного населения бесчинств – выбития стекол в разных домах жителей, в особенности у служащих в земской управе, я нашел необходимым для прекращения подобных беспорядков и успокоения жителей увеличить надзор городской полиции вызовом в город Нолинск частью уездной полицейской стражи, а в ночное время и нарядом 10 человек нижних чинов из нолинской местной команды»²¹.

По фактам хулиганства было начато расследование. Гласные городской думы заявляли, что «если бы в городе не было Шубина и Никитина, то подобных беспорядков

не должно быть, а потому добиваются, чтобы они, Шубин и Никитин, оставили службу в управе»²². Крестьяне говорили: «Следовало бы этих политикантов хорошенько поучить, как их поучили в Вятке»²³.

16 ноября 1905 г. городским судьей рассматривалось дело по обвинению мещанского сына Михаила Михайловича Иглина в разбитии стекол в квартирах Шубина и Кондорских. Иглин был признан виновным и по приговору суда арестован на 7 дней. К следствию также привлекались мещане Н.К. Дуляпин и Н.А. Нелюбин.

На следующий день произошел новый инцидент. В здании Нолинской гимназии проходило собрание, на котором председательствующий И.А. Шубин не подал руки городскому голове Капитону Ивановичу Маландину, и тот оскорбленный покинул собрание. Иван Шубин видел в Маландине пособника «черной сотни». Случай, произошедший в гимназии, вновь переполюсовал городское население. В Нолинске говорили, что земцы не занимаются своими прямыми обязанностями, а агитируют только против правительства. По городу разнесся слух о погроме земской управы. Крестьяне говорили о намерении отказаться от уплаты земских сборов.

Вечером 19 ноября в квартире председателя земской управы Шубина вновь были выбиты стекла...

Орлов. 27 октября 1905 г. вятский губернатор озанкопился с телеграммой из Орлова: «В городе упорно держится слух, что не сегодня, так завтра партией черной сотни будут разнесены земская управа, народный дом, общежития учащихся, будут убиты некоторые из обывателей, замечено прибытие в город босяков, население в панике, необходимы решительные меры со стороны полиции»²⁴. Тут же были даны указания орловскому уездному исправнику о принятии незамедлительных мер к недопущению беспорядков. Погромов не произошло. Правда, чуть было не пострадали некоторые ученики Орловского городского трехклассного училища. Учащийся Алексей Бобров рассказывал своим учителям: «В среду, 26 октября, около 5 часов вечера я шел по Набережной улице один. Навстречу мне шел какой-то человек с большими усами, без бороды, одетый по-городски. Поравнявшись со мной, он остановил меня и, замахнувшись на меня для удара, сказал: «А-а, бунтовщик. Приехал из Вятки сюда бунтовать. Переоделся, думаешь не узнать». Я метнулся в сто-

Губерния Вятская

▼ Котельнич. Общий вид города

рону и удар пришелся мимо, задев меня слегка по плечу. Я бросился бежать, а тот погнался за мной, но недолго»²⁵. Массу волнений принес Алексею и следующий день. 27 октября под вечер его вновь остановил какой-то незнакомец и попросил прочитать письмо. Мальчик согласился. Неизвестный же нагнулся и «стал шарить за голенищем сапога», где находился нож. Алексей, не дожидаясь последствий, решил убежать.

Прежде всего в Орлове были увеличены полицейские силы и введено военное патрулирование. Кроме того, полиция должна была найти источник происхождения слухов и виновных привлечь к ответственности. По-видимому, вовремя принятые меры спасли город от насилия и погромов.

Котельнич. 20 октября 1905 г. в здании уездной земской управы собралось «человек до 300 народа разного класса» для ознакомления с только что полученным манифестом 17 октября²⁶. Читал документ, объясняя его положения, А.А. Рерих, хорошо известный полиции как неблагонадежное лицо. В своем выступлении он «резко выражался по отношению всероссийского самодержавия», а после того, когда полиция потребовала разойтись, Рерих ответил отказом, ссылаясь на свободы, объявленные манифестом. Из зала в это время доносилось: «Долой полицию». На собрании было сказано, что на следующий день, 21 октября, нужно «снова собраться и идти в уездный съезд и потребовать от земских начальников отчета о том, что они сделали для народа, а потом идти в город-

скую управу и потребовать такой же отчет от городского головы»²⁷.

Когда собрание закончилось, его участники с пением «Марсельезы» прошли по улицам города. У местной тюрьмы демонстранты прокричали: «Свобода преступникам» и призвали арестантов бить стекла. Затем, увидев патруль, состоящий из полиции и воинских чинов, толпа «немедленно разбежалась». В тот же день было установлено патрулирование города, под охрану военных были взяты уездное казначейство и почтово-телеграфная контора.

Через неделю, 26 октября, в Котельниче состоялось новое собрание, где снова говорилось о манифесте 17 октября. Хотя здесь и звучали антиправительственные высказывания, но на этот раз собрание прошло спокойно.

Однако местная интеллигенция, особенно земская, была серьезно напугана. В Котельниче появились слухи о предстоящем разгроме отделения земского книжного склада. За помощью земцы обратились к губернатору. В отправленном ему Вятской губернской земской управой письме содержалась жалоба на полицию, которая, зная об угрозах, «никаких мер к защите имущества и служащих склада от насилий и буйства толпы» не предпринимала²⁸. Ввиду слухов и бездействия полиции, сообщалось в письме, отделение книжного склада в Котельниче было временно закрыто. Уездный исправник, оправдывая свои действия, виновником создавшейся ситуации считал самих земских служащих, в числе которых были лица неблагонадежные, и сообщение о погроме, по мнению исправника, основано «на сведениях вымышленных в интересах того же склада»²⁹.

Несмотря на все объяснения, губернатор был недоволен деятельностью котельничского исправника в целом. В конце ноября 1905 г. начальник губернии обвинил уездные власти и лично исправника в том, что «значение Высочайшего манифеста 17 октября никем из должностных лиц не разъясняется населению, отчего население склонно верить разным лицам, разъясняющим манифест в превратном смысле»³⁰. Данный факт был поставлен исправнику на вид. «При повторении подобных упущений по службе вы будете немедленно уволены мною от занимаемой должности», — писал губернатор³¹.

Глазов. В октябрьские дни 1905 г. учащиеся Глазовской женской гимназии сочинили петицию, в которой

Котельнич. Общий вид города и р. Вятки.

▼ Глазовская женская гимназия

выражалось недоверие начальнице этого учебного заведения. В петиции говорилось и «об улучшении учебной программы и воспитательной, последней в смысле расширения свободы»³². Губернатор А.Г. Левченко был осведомлен, что в г.Глазове «настроение тревожное; учащимся открыто угрожают избиением; среди гимназисток паника»³³. Зная о возможности избиения учеников, уездный исправник своевременно позаботился о сохранении порядка в городе, вызвав из уезда дополнительные наряды стражников.

Манифест 17 октября политизировал ситуацию в крупнейшем в губернии Омутнинском заводе, располагавшемся в Глазовском уезде. После публичного прочтения в народном доме манифеста рабочие предъявили заводууправлению требования об увеличении заработной платы.

Яранск. В этом уездном городе в декабре 1905 г. три социал-демократа получили анонимные письма с угрозами. В письме, адресованном Василию Матвееву, не имевшему «определенных занятий» и называвшему себя свободным художником, говорилось: «Объявляем тебе, неверноподданному сыну нашего Отечества, социалисту-демократу, если ты не уедешь из Яранска туда, откуда приехал и станешь еще бунтовать яранскую гимназистку и народ, то мы тебе набок свернем шею..., а также передай и социалисту-революционеру Пинаеву Виктору, что если он еще ходит по деревням... и будет говорить увлекательные речи и привлекать на свою сторону крестьян, то мы его повесим, с живого шкуру сдерем, как с зайца, и повесим на березе... А также передай и социалисту Ложкину-врачу за то, что он устраивал сходы мы его приго-

ворили к смертной казни через пулю. Скажи также Огневу, что мы его за длинные пряди волос... притащим к проруби и утопим негодя за то, что он мутит учительниц, бунтуется с ними. Скажи, однако, и Лыскову, что мы ему молокососу, яранскому пролетарию, раскроем череп за его речи бестолковые и за его бунтующие слова. Итак, да здравствует батюшка-царь, долой внутренних врагов-бунтовщиков...»³⁴. Кстати, письмо вовсе не анонимное. Оно подписано следующим образом – «Яранский комитет черной сотенки».

Следует сказать, что в конце 1905 г. в Яранске образовался комитет партии правового порядка, возглавляемый статским советником С.И. Колосовым. Члены этого комитета собирались в воскресные дни в помещении городской управы. Комитет правового порядка действовал и в г.Царевосанчурске Яранского уезда. 7 января 1906 г. на своем заседании члены Царевосанчурского комитета решили отправить царю телеграмму с благодарностью за «милости», предоставленные манифестом 17 октября.

Сарапул. Манифест 17 октября вызвал здесь волну митингов и демонстраций, на которых звучали лозунги «Да здравствует свобода», «Да здравствует республика», «Да здравствует народное представительство». Группы молодежи, состоящие из земских служащих и реалистов, ходили по городу с криками «ура» и пением «Марсельезы». За оппозиционными выступлениями последовали многотысячные манифестации с портретами Николая II, в ходе которых чуть было не пострадали противники самодержавной власти, но полицией были приняты своевременные меры. Ответной реакцией на действия оппозиции явились и письма с угрозами. «В городе Сарапуле, – докладывал уездный исправник губернатору 29 октября 1905 г., – за последнее время раскидываются письма и наклеиваются объявления, призывающие население к избиению евреев... Меры к охране евреев приняты. Для усиления полиции в город мною вызваны из уезда стражники и урядники»³⁵.

Слободской. Политическая обстановка в этом городе после получения манифеста 17 октября была спокойнее, чем в губернском центре. Правда, узнав о черносотенном погроме в Вятке, некоторые слобожане были сильно взволнованы и ожидали беспорядков. На защиту мирного населения встали члены городской Думы, решив-

Губерния Вятская

← Вид на г.Слободской со стороны реки. Нач. XX в.

шие создать на добровольные пожертвования городскую милицию. Была отправлена соответствующая телеграмма в министерство внутренних дел, но ходатайство городской Думы о создании народной милиции было отклонено³⁶. Слободской же уездный исправник говорил: «Существует ли какая «черная сотня» в нашем городе, я не знаю и смею уверить, что полицейские чины, имеющиеся в моем распоряжении, знают только одно, что им следует защищать тех, кого обижают, не взирая на те или другие убеждения обижаемых».

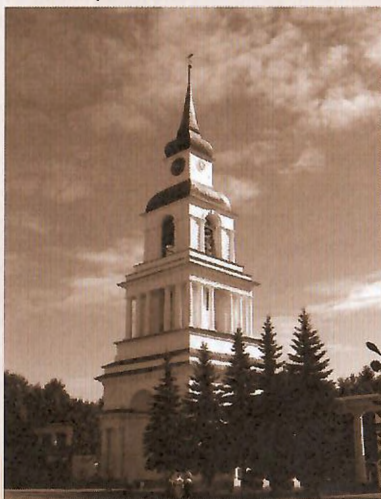
Сложная ситуация сложилась в Слободском уезде. «С обнародованием Высочайшего манифеста от 17 октября о гражданской свободе, — читаем в донесении одного из земских начальников уезда губернатору, — неблагонадежный элемент деревни ободрился, поднял головы и начал усиленно проявлять свою преступную деятельность. Под влиянием агитаторов из такой среды крестьяне моего участка, за ничтожным

исключением, упорно отказываются от уплаты податей и открыто заявляют: «Какие теперь подати?!». Некоторые же селения даже прямо грозят насилием и расправой с волостными и сельскими волостями, если те будут требовать и настаивать на уплате податей...»³⁷. Часть крестьян вела незаконную вырубку казенного леса.

Елабуга. О манифесте 17 октября 1905 г. жители города узнали из газет. 23 октября документ читался и комментировался на улицах Елабуги. В этот же день было устроено шествие, сопровождаемое криками «ура», с участием в основном реалистов и гимназисток³⁸. Затем были отслужены «панихида по борцам свободы и молебен о здравии Государя». Как сообщал исправник, «порядок не нарушался»³⁹. Через неделю, 30 октября, в Елабуге прошла патриотическая манифестация. «Толпа около тысячи с портретом Государя, национальными флагами проходила по городским улицам с оркестром военной музыки, во многих местах города участники манифестации пели гимн и говорили патриотические речи. Порядок образцовый...», — сообщается в официальных документах⁴⁰.

Хотя в г.Елабуге обошлось без погромов и насилия, но по городу распространялись слухи, что «некоторые мещане, ремесленники и рабочие» готовятся побить реалистов и земских служащих за их участие в шествии 23 октября. Горожан весьма настораживало поведение и босяков, которые в те дни «расхаживали по домам, магазинам и по улицам» с требованием денег и угрозами. Ситуация в городе находилась под жестким контролем уездного исправника. 3 ноября 1905 г. он сообщал губернатору: «В видах усиления наружного надзора и охранения общественного порядка мною, помимо увеличения наблюдательных в городе постов, установлены конные разъезды по городу с утра и до 10 часов вечера»⁴¹. В городе также были расклеены объявления исправника о том, что «против лиц, призывающих к насилиям одну часть населения над другой, или учинивших над кем-либо насилия, будут приняты самые решительные, законом установленные меры»⁴².

Сторонники самодержавия планировали провести в Елабуге еще одну многочисленную демонстрацию с чтением манифеста и с молебном. Причем они хотели, чтобы в ней приняли участие и «все земские служащие во главе с председателем управы Зубаревым, а также и уча-

↑ Слободской.
Соборная площадь

▼ Елабуга. Нач. XX в.

щиеся для доказательства, что они верноподданные Государя Императора»⁴³. Но местные власти по причине возможных беспорядков предусмотрительно запретили проведение этого мероприятия.

Тревожной была обстановка и в Елабужском уезде. Осенью-зимой 1905 г. здесь происходили массовые аграрные беспорядки, выражавшиеся в произвольной рубке лесов. Для усмирения крестьян властям пришлось вызывать военных.

Малмыж. Без насилия и погромов обошлось и в этом городе, хотя после получения манифеста некоторые земские деятели и революционно настроенные молодые люди вели себя открыто враждебно. Особенно отличился студент Казанского университета Николай Сенилов, который 23 октября 1905 г. в чайной Малмыжского общества трезвости в присутствии горожан и крестьян, после прочтения манифеста, снял висевшие там портреты императорской семьи и сказал: «Уберите к черту или бросьте в печь, сейчас они не нужны»⁴⁴. На место портретов он «повесил картину с изображением Государя с наследником на руках, трупами у ног, виселицей сбоку и надписью «Сейчас я доволен», а также ленту с надписью «Вперед». Собравшиеся в чайной поступок студента не одобрили, картина была снята и уничтожена. Затем небольшая группа во главе с Сениловым, членом земской управы Михаилом Одинцовым и земскими служащими вышла из чайной и с красным флагом с надписью «Да здравствует свобода», с криками «ура» и пением революционных песен пошла по городу. В этот же день по инициативе Сенилова на площади перед зданием городской управы был отслу-

жен молебен и панихида «по погибшим за идею политической свободы». Здесь же Сенилов выступил с речью. Назвав себя представителем партии социалистов-революционеров, он обрушился с критикой царской особы, сказал, что «у нас не Государь, а крупный помещик Николай Александрович Романов, который ни о чем не заботится и что этого помещика надо уничтожить и отобрать у него земли»⁴⁵. После выступления толпа снова пошла по городу, проходя мимо полицейского управления, манифестанты прокричали: «Долой полицию». Звучали угрозы выбить стекла в правительственных учреждениях. Впоследствии толпа мирно разошлась, но события, связанные с обнаружением манифеста 17 октября, имели продолжение.

Малмыжский уездный исправник докладывал губернатору: «30 октября в 12 часов дня мещане города Малмыжа в числе до 150 человек собрались в здании городской управы, где дьяконом Богоявленского собора был им прочитан Высочайший манифест от 17 октября, а затем протоиереем того же собора о.Василием... сказана речь..., что все христиане должны веровать в Бога и чтить царя, а потом отслужен благодарственный Господу Богу молебен с произношением многолетия Государю Императору. По окончании молебна мещане, взяв два портрета Государя и два национальных флага, пошли по улицам города с пением гимна «Боже, царя храни» и криком «ура», шествие это продолжалось с 2 часов до 4 часов вечера и кончилось весьма спокойно, беспорядков не было»⁴⁶. Это был мирный ответ верноподданного населения Малмыжа земской и революционной оппозиции.

Вятчане еще долго помнили о событиях, последовавших после манифеста 17 октября 1905 г. Местные земцы и революционеры обвиняли власти в бездействии и пособничестве черносотенцам. Сменивший Левченко новый губернатор Сергей Горчаков наводил порядок железной рукой. В Вятской губернии длительный период действовало положение усиленной охраны. Основные силы власти сосредоточили на борьбе прежде всего с революционными выступлениями. Именно в них новый губернатор видел главную угрозу существовавшему порядку. Манифест же 17 октября явился своеобразным индикатором политической ситуации в Вятском крае, где, несмотря на рост оппозиционных выступлений, по-прежнему весьма сильными оставались монархические настроения.

ВЯТСКИЕ ЛЮДИ: ОТ ЗЕМСКИХ СОБОРОВ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

В период Первой русской революции, в 1906 г., в России появился новый высший орган власти – Государственная Дума. Это было не первое представительное учреждение в истории страны. В царствование Ивана Грозного (1533–1584) и в XVII в. работали Земские соборы, но в отличие от Государственной Думы они так и не стали постоянно действующими учреждениями. Вятские люди участвовали в работе тех и других органов высшего управления. Так, на Земском Соборе 1613 г., где был избран первый царь из династии Романовых – Михаил Федорович, заседали архимандрит Успенского Трифонова монастыря Иона Мамин, протопоп старейшей в Хлынове Богоявленской соборной церкви Павел Морозов, посадский человек Путила Рязанцев.

Выборным человеком из Хлынова на Земском Соборе 1648–1649 гг., на котором был принят важнейший законодательный свод – Соборное Уложение, являлся «посадской человек Елизарко Хохряков, грамотный»¹. На этом же соборе заседали «из Кайгородка посадской человек Ивашко Бартов, грамотный; из Уржума, Казанского пригорода, дворянин Степан Дмитриев Голохвастов; из Яранска, Казанского пригорода, дворянин, стрелецкой сотник Семен Яковлев Бибикив, грамотный и посадской человек (бобыль) Потешка Семенов Лагунов; из Царевосанчурска, Казанского пригорода, дворянин Дмитрий Флоров Молотеин, неграмотный и посадской человек Гришка Дмитриев Крашенинник, неграмотный»². Все эти люди имели авторитет и влияние в местном обществе.

Впоследствии в условиях становления абсолютизма деятельность Земских Соборов прекращается. Однако со временем существовавшая форма правления стала нуждаться в серьезной модернизации, и в начале XX в., в самый разгар Первой русской революции, началась подготовка к выборам в первую Государственную Думу, с которой связывались надежды на улучшение внутриполитической ситуации в стране. Выборная кампания проводилась

на основе специального Положения, подписанного Николаем II 6 августа 1905 г., но в дальнейшем, 11 декабря 1905 г., измененного, в частности в пользу рабочих, которые получали избирательные права.

Выборы в Государственную Думу в Вятской губернии, как и во всей России, проводились четыре раза: первые выборы прошли весной 1906 г. (I Государственная Дума действовала с 27 апреля по 8 июля 1906 г.), вторые – в начале 1907 г. (II Государственная Дума просуществовала с 20 февраля по 2 июня 1907 г.), третьи – осенью 1907 г. (III Государственная Дума действовала с 1 ноября 1907 г. по 9 июня 1912 г.) и четвертые – осенью 1912 г. (IV Государственная Дума работала с 15 ноября 1912 г. по 6 октября 1917 г.).

Организацией выборов занималась специальная губернская комиссия, возглавляемая председателем окружного суда. В ее состав входили председатель губернской земской управы, вятский городской голова, член окружного суда, непереманный член губернского по земским и городским делам присутствия и другие лица. Создавались и уездные комиссии. Общий надзор за выборами осуществлялся губернатором.

▼ Обложка брошюры с речью Н.В. Огнева
«Против смертной казни»

Выборы проводились на основе имущественного ценза и являлись многоступенчатыми. Участвовать в них могли лица с 25-летнего возраста. Имелись и другие ограничения. К выборам не допускались женщины, учащиеся, военные. Получившие право голоса делились по сословному принципу на четыре курии: землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая и избирали выборщиков. Последние, в свою очередь, собирались на губернское избирательное собрание, где и определялись будущие члены Государственной Думы.

День проведения окончательных выборов в Государственную Думу назначался царем и был разным для губерний. На губернском избирательном собрании выбиралось строго установленное законом число депутатов. На выборах во вторую Государственную Думу было избрано 13 вятчан, а, согласно «Положению о выборах...» от 3 июня 1907 г., от Вятской губернии в Думе должно было заседать восемь человек.

Перед началом выборов устраивалось молебствие в Кафедральном соборе. 14 февраля 1907 г. на таком молебствии в г.Вятке перед выборами депутатов второй Думы присутствовало 204 выборщика. Перед ними выступил преосвященный Павел, который в своей напутственной речи назвал качества, какими должны обладать депутаты. Он советовал «избрать людей... мудрых, способных, которые имели бы практическую опытность в жизни и были бы преданы своему делу и честно исполняли бы свой долг перед Родиной»³. К сожалению, этими качествами обладали далеко не все депутаты. Политические страсти и амбиции членов Думы зачастую мешали ее целенаправленной и конструктивной деятельности.

Кто же избирался от Вятской губернии в Государственную Думу? Исторические документы сохранили фамилии и биографии вятских депутатов. Среди членов первой Государственной Думы – вятчан заметной фигурой был священник Николай Васильевич Огнев (1864 – 1918). Окончив сначала Вятскую духовную семинарию, а затем Духовную академию в Санкт-Петербурге, он несколько раз менял место своей службы. Осенью 1904 г. Николай Ва-

сильевич переводится на службу в Троицкую церковь города Яранска. В клировой ведомости за 1905 г. указывается, что он «проповедник усердный», поведения «отличного», «судим и штрафован не был»⁴. Однако через год появляется такая запись: «...в январе 1906 г. находился под следствием за организованное... пастырско-мирянское собрание»⁵.

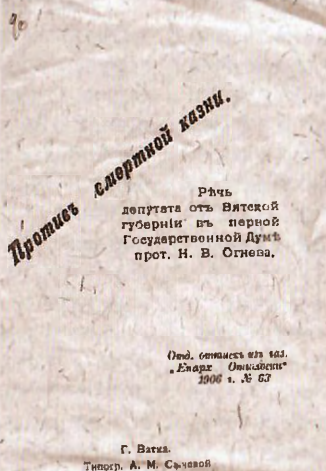
В декабре 1905 г. и в январе 1906 г., в самый разгар Первой русской революции, Огнев без разрешения епархиального начальства провел в Яранске два пастырских собрания, где обсуждались проблемы церковной и политической жизни, в частности шла речь об отношении церкви «к современному политическому освободительному

движению», поднимались вопросы церковного обновления, говорилось о необходимости участия в церковном соборе приходского духовенства и мирян, об избрании архиереев из среды белого духовенства⁶. Кроме того, он был одним из организаторов Яранского уездного комитета кадетской партии и принимал участие в его работе как председатель. Огнев постоянно выступал на заседаниях Никольского сельскохозяйственного общества Яранского уезда, на которых проводились беседы и на политические темы. В результате таких бесед весь состав общества «открыто примкнул» к конституционно-демократической партии. Секретарь этого общества С.Я. Тумбусов был избран членом первой Государственной

Думы. В том же, 1906 г., членом Думы от Вятской губернии стал и Николай Васильевич.

Несмотря на короткий срок деятельности первой Думы, Н.В. Огнев успел довольно активно проявить себя. На одном из ее заседаний он выступил с речью, в которой коснулся вопроса об отмене смертной казни. «...Никакое правительство, никакая власть на земле не имеет права отнимать жизнь у человека», – заявил Николай Васильевич, – и его доклад вызвал аплодисменты. Спустя некоторое время в Вятке была издана брошюра с этой речью Огнева⁷.

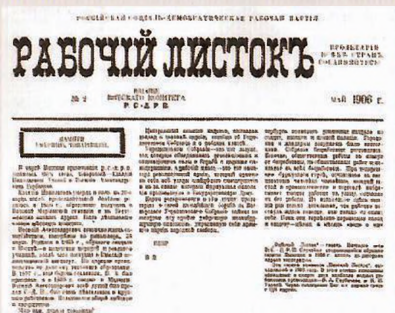
Будучи депутатом, Николай Васильевич присутствовал на собраниях крестьян Петербургской губернии, где «про-износил возбуждающего характера речи, доказывая в

последних со ссылкой на Священное Писание необходимость отмены смертной казни и восстанавливая слушателей против мероприятий правительства». После же роспуска первой Государственной думы он был в числе подписавших Выборгское воззвание депутатов. Последние (среди них вятчане Бирюков, Вихарев, Корнильев, Нечаев, Овчинников, Садырин, Целоусов), выражая свой протест, призвали население «не давать ни копейки в казну и ни одного солдата в армию»⁸.

Вслед за подписанием Выборгского воззвания жизнь Н.В. Огнева радикально изменилась. Синод запретил ему проводить богослужения. В начале 1907 г. «за крайне вредную противоправительственную деятельность» Огнева выслали из Вятской губернии. На этом репрессии не закончились. За подписание Выборгского воззвания он привлекался к уголовной ответственности, сидел три месяца в тюрьме. «... Бывший протоиерей Н.В. Огнев из г.Вятки выбыл 20 апреля сего года в г.Санкт-Петербург и с 8 мая находится в заключении в одиночной тюрьме...», — сообщал 19 июля 1908 г. полицеймейстер начальнику Вятского губернского жандармского управления⁹. После тюрьмы Николай Васильевич жил в Петербурге, где обучался на юриста.

Впоследствии он возвращается в Вятку, поступает на службу в окружной суд. После Февральской революции Н.В. Огнев, оставаясь членом кадетской партии, назначается помощником губернского комиссара Временного прави-

тельства. С приходом к власти большевиков он, как сторонник Временного правительства, сначала был арестован и посажен в тюрьму, а в августе 1918 г. его расстреляли.

Во вторую Государственную Думу от Вятской губернии был избран мещанин г.Глазова Сергей Николаевич Салтыков, проживавший в Петербурге¹⁰. Он был выпускником Петербургского университета, редактором журнала «Русский экономист», по политическим взглядам — социал-демократ. С.Н. Салтыков высылался из Петербурга

административным порядком в Уфу и там служил секретарем губернской земской управы. Из числа социал-демократов членами Государственной Думы стали рабочий Воткинского казенного завода В.А. Вахрушев и выпускник Казанского университета, земский врач, дворянин Уржумского уезда А.В. Бодров.

Политические взгляды трех депутатов от Вятской губернии характеризовались как «крайние левые». Таковыми думцами являлись житель Орловского уезда, народный учитель В.И. Шешин, члены Крестьянского союза — народный учитель деревни Ронжинской Котельничского уезда Я.С. Шабалин и крестьянин Яранского уезда, эсер Л.А. Ефремов.

Подробные сведения о вятских депутатах содержатся в рапортах уездных исправников, адресованных губернатору, который тщательным образом следил за ходом выборов. В одном из рапортов находим интересное сообщение о Якове Семеновиче Шабалине. «Избранный в члены Государственной Думы крестьянин Молосниковской волости деревни Жуковлята Я.С. Шабалин, — отмечал исправник, — родился и все время проживал в названной деревне, образование получил в сельском земском начальном училище, занимался земледелием, кузнечным мастерством и торговлей железными изделиями. В 1906 г. избран в земские гласные и земским собранием был избран в члены уездной земской управы, но в этой последней должности не утвержден Вашим Сиятельством. Другой общественной службы Шабалин не нес, своих политических убеждений он в месте своего жительства не высказывал, почему до последнего времени считался беспартийным»¹¹. Далее исправник добавляет, что после избрания Шабалина «волостным сходом в уполномоченные от волости он в беседе с молосниковским волостным писарем Казановским и крестьянином Молосниковской волости Григорием Черемисиновым высказывал, что в Государственную Думу нужно выбирать людей, которые могли бы возражать министрам, затем молосниковскому волостному старшине говорил, что нужно составлять приговоры по поводу улучшения крестьянского быта. Никакой более политической деятельности Шабалин не проявлял, никаких собраний не устраивал и участия в предвыборной агитации не принимал». В конце рапорта указывается: «Как крестьянин он (Шабалин. — М.С.) считается зажи-

▼ Председатель Совета министров С.Ю. Витте

точным и среди местных жителей пользуется вниманием, сльва за человека хорошего и умного»¹².

Слесаря Воткинского завода Василия Алексеевича Вахрушева сарапульский исправник называл «правой рукой известного агитатора и основателя в Воткинском заводе партии социал-демократов, бывшего учителя Мышкина»¹³. «В октябрьские дни и в течение ноября и декабря месяцев 1905 г.,

когда в Воткинске безнаказанно устраивались всякого рода демонстрации и митинги, – писал исправник, – на последних Вахрушев был избран председателем и под его председательством на митингах производились обсуждения и решения разных вопросов, клонящихся к ниспровержению существующего в России порядка управления и ограничения власти Государя Императора...»¹⁴. В.А. Вахрушев был сторонником созыва вместо Государственной Думы Учредительного собрания, образования Временного правительства и провозглашения республики. «...Хотя на таких митингах мало было сочувствующих этому делу (100-150 чел.), – продолжал сарапульский исправник, – но тем не менее председателем Вахрушев настоял насылке графу Витте телеграммы от 10 тыс. воткинских рабочих, требующих Учредительного собрания»¹⁵.

Депутатом второй Государственной Думы от Вятской губернии стал и эсер Николай Валерианович Алашеев, владелец имения в Елабужском уезде. Он был выпускником математического факультета Петербургского университета, какое-то время жил во Франции, где изучал музыку, избирался председателем Елабужской земской управы. Николай Валерианович играл на рояле и принимался «везде в обществе как приятный собеседник и музыкальный артист»¹⁶. Алашеев был способен на нестандартные действия, чем удивлял публику, особенно когда в 1906 г. немалое количество земли продал крестьянам на выгодных для них условиях.

Два депутата – бывший агроном Сарапульского уездного округа, потомственный дворянин Д.И. Деларов и выпускник Московского университета, земский деятель,

врач М.Г. Зайцев относились к партии народных социалистов. Михаил Зайцев, имевший дом в Сарапуле, проживал в Уфе, так как был выслан из Вятской губернии за антиправительственную пропаганду.

Депутаты Иван Финеев (Уржумский уезд) и Иван Наумов (Яранский уезд) были из крестьян, образование имели: Финеев – домашнее, Наумов – начальное (обучался в земском народном училище), по политическим взглядам относились к «левым – народнического направления». В октябре 1906 г. И.А. Наумов отбывал административный арест за пение «Марсельезы».

В числе членов второй Государственной Думы были выпускник Вятской духовной семинарии, священник села Чудиново Орловского уезда, «прогрессист, примыкающий к левым» Ф.В. Тихвинский и ахун (служитель культа) из Елабужского уезда, кадет Хабибрахман Массажутов.

Эти 13 депутатов от Вятской губернии и должны были заседать в Государственной Думе второго созыва. Средний возраст вятских депутатов составлял 40 лет. Молодые, оппозиционно настроенные избранники проработали в Думе недолго. Вторая Государственная Дума, как и первая, была распущена. Правительство понимало, что нужен новый избирательный закон, который сделает Думу более консервативной и послушной. И такой закон, перераспределивший число выборщиков в пользу помещиков и крупной буржуазии, появился.

Вятские люди работали и в третьем, и в четвертом составах Думы. Интерес же населения к выборам и деятельности Государственной Думы постепенно ослабевал. Во многом показателен доклад начальника Вятского губернского жандармского управления в департамент полиции от 25 сентября 1912 г. «Отношение народных масс к деятельности III Думы в громадном большинстве безразличное», – отмечалось в нем¹⁷. Тем не менее роль и значение в России в начале XX в. Государственной Думы трудно недооценивать.

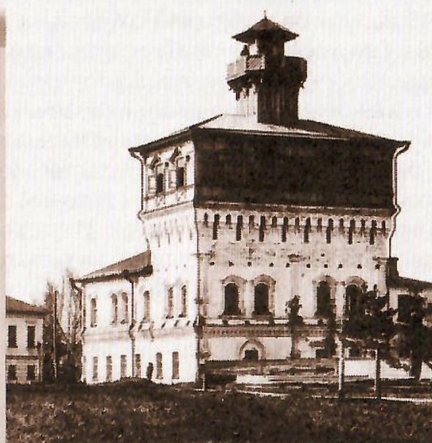
В целом же в тот период, как видим, вятское общество заметно политизировалось. События начала XX в. сильно поколебали устои самодержавной власти. Россия стояла на пороге судьбоносной исторической драмы – Первой мировой войны и 1917 года.

Губерния Вятская

РАЗДЕЛ IV

МОЗАИКА ВЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вятские школы

Появление первых школ на Вятской земле связано с XVIII столетием, когда проводились петровские и екатерининские реформы. В 1727 г. в Хлынове открывается епархиальная школа, а в 1735 г. – славяно-греко-латинская, преобразованная позже в духовную семинарию. Славяно-греко-латинская школа была основана епископом Лаврентием Горкой, человеком просвещенным, выпускником Киево-Могилянской академии, близким другом сподвижника Петра I Феофана Прокоповича. По реформе 1786 г. в Вятке открылось одно из первых светских учебных заведений – главное народное училище, а в уездных городах Слободском, Нолинске, Котельниче, Сарапуле – малые народные училища.

В 1811 г. на базе главного народного училища была образована мужская гимназия. В первое время своего существования она имела всего четыре класса, затем – семь. Учебные заведения Вятской губернии входили в состав Казанского учебного округа и курировались Казанским университетом. «Вятская гимназия, – писал окружной инспектор Эрдман, посетивший Вятскую губернию в

1816 г., – открылась всего несколько лет тому назад и не имела еще хорошего помещения, но под руководством немца-директора Глейнига была уже отлично устроена и для русской гимназии имела дельных учителей и прилежных учеников»¹. С самого начала Вятская мужская гимназия была одной из самых лучших в округе и вплоть до 1917 г. оставалась «светочем науки и просвещения» в регионе.

До 60-х гг. XIX в. в гимназии обучались в основном сыновья чиновников, купцов и дворян. Впоследствии, по Уставу 1864 г., в средних учебных заведениях, к которым относились гимназии, могли обучаться представители всех сословий. В тот же период Вятская мужская гимназия стала классической с изучением латинского языка. В 1870-е гг. в ней была установлена новая продолжительность обучения – восемь лет и вводилось преподавание греческого языка.

В первый класс обычно поступали мальчики 10-12-летнего возраста. Перед началом учебы они сдавали вступительные испытания. Обучение было платное. Учебный год в гимназии начинался в августе-сентябре и продолжался

до июля. В начале XX века вятские гимназисты изучали чистописание, Закон Божий, историю, русский язык, словесность, логику, математику и космографию, физику, рисование и черчение, географию и некоторые другие дисциплины, помимо древних языков осваивали два «новых» иностранных языка – немецкий и французский. Каникулы, или вакации (так тогда назывались каникулы), были зимой – две недели и летом – шесть недель. Гимназисты отдыхали также по воскресеньям и в праздничные дни.

Много внимания в гимназии уделялось религиозно-нравственному воспитанию. «В праздничные и воскресные дни они (гимназисты. – М.С.) посещали ближайшие к месту жительства храмы и преимущественно Царево-Константиновскую церковь, в приходе которой состоит гимназия, и Воскресенский собор... В этом соборе пели гимназические певчие. На страстной седмице все ученики православного вероисповедания аккуратно говели... Ученики приучались стоять на общей утренней молитве все с соблюдением величайшей тишины, слушали чтение и пение св. песнопений внимательно и с должным благоговением, за чем следил сам директор, бывая ежедневно на утренней молитве, а равно инспектор гимназии, классные наставники и их помощники», – рассказывал в 1911 г. преподаватель гимназии М.Г. Васильев².

В октябре 1859 г. в губернском центре открылось учебное заведение для девушек – женское училище 1-го раз-

ряда, преобразованное в 1865 г. в гимназию. В этом же году императрица Мария Александровна взяла ее под свое покровительство, и Вятская женская гимназия получила наименование «Мариинская». С 1871 г. при женской гимназии были организованы педагогические курсы, на которых велась подготовка будущих учителей народных школ. Женское образование в губернии с каждым годом набирало силу, и на рубеже XIX – XX вв. имело широкий размах. Если в 1915 г. в Вятской губернии мужских гимназий насчитывалось семь, то женских 16.

Среднее образование вятские девушки получали также в епархиальном женском училище, открытом в губернском центре в 1863 г., а также в епархиальных училищах Слободского и Елабуги. Эти учебные заведения находились в ведении Священного Синода и в них царил довольно строгий режим: например, выходить в город девушки могли только по двое и под присмотром надзирательницы.

В церковно-приходских школах, начальных народных училищах, школах грамотности вятчане получали начальное образование. Во второй половине XIX в. особенно быстро росло число земских школ. В губернии постепенно сложилась и сеть профессиональных учебных заведений. Это – реальные, ремесленные, сельскохозяйственные школы и училища, Ижевская оружейная школа, Воткинское горнозаводское училище. В 1908 г. в Вятке открывается коммерческое училище, где широко практико-

▼ Александровское земское реальное училище

вались лабораторные и практические занятия, посещения фабрик, заводов, кустарных мастерских.

Важным событием в истории губернии стало открытие 1 июля 1914 г. Вятского учительского института, ставшего детищем земства. Для организации нового учебного заведения попечителем Казанского учебного округа был командирован опытный педагог, директор Бугурус-ланской учительской семинарии А.М. фон-Вилькен. В институт принимались «лица всех званий и состояний, православного вероисповедания», с 16-летнего возраста. Первоначально в нем работали четыре преподавателя и обучались 29 воспитанников. Свой первый выпуск институт осуществил в революционном 1917 г. В советское время он стал высшим педагогическим учебным заведением – первым вузом в регионе (ныне – Вятский государственный гуманитарный университет).

История любого учебного заведения всегда связана с личностями преподавателей и учащихся. Среди вятских учителей можно выделить целую плеяду талантливых педагогов, энтузиастов и подвижников. Это и учитель естественных наук А.Я. Некрасов, проводивший исследования местной флоры и фауны, и учитель истории, географии и статистики В.Я. Баженов, собиратель материалов о прошлом края, позже переведенный на работу в Казанский университет, и А.И. Редников, преподававший латинский язык, историк Я.Г. Рождественский, законоучитель С.Н. Кашменский, учитель математики и физики В.П. Хватунов, и директора мужской гимназии И.М. Гле-

бов, Э.Е. Фишер, Ф.М. Керенский, начальница Вятской женской гимназии Е.Н. Сычугова, и этот список можно продолжить. О них гимназистами слагались легенды, в которых подчеркивался высокий профессионализм местных педагогов. Забавный анекдот рассказывали о преподавателе географии Михаиле Сидоровиче Косареве, работавшем в 1840 – 1860-е годы в вятских гимназиях. Как-то в Вятку заехал господин из Парижа. Косарев узнал об этом и решил познакомиться поближе с этим человеком. Состоялась интересная встреча, во время которой зашел увлекательный разговор о Франции и о событиях в Европе. «Да давно ли вы из Парижа?», – спросил Косарева собеседник, – и был весьма удивлен, когда узнал, что вятский преподаватель географии никуда не выезжал дальше Казани.

Полный курс обучения в местных школах (как начальных и средних, так и профессиональных) прошли тысячи человек. В год 75-летия Вятской мужской гимназии (1886 г.) один из гимназистов зачитал следующие строки:

«...Теперь по дорогой Отчизне
много

Гимназии воспитанников

нашей

Рассеяно в различных сферах

жизни

Общественной, и службы государству,

И по различным отраслям науки.

И все они свою приносят пользу,

Благодаря тому, что наша школа

Познаниями их ум обогатила

И чувство долга в сердце развила...»³.

▲ Ф.М. Керенский

▲ И.М. Глебов

▲ Э.Е. Фишер

Некоторые выпускники вятских школ стали видными литераторами, учеными и общественными деятелями. Имена А.Н. Бакулева, В.М. Бехтерева, А.А. Спицына, А.П. Батуева, Н.В. Рудницкого, К.Э. Циолковского, получавших образование в Вятской мужской гимназии, известны всей России.

На исходе XX века в городе Уржуме жил удивительный человек – А.В. Костров. Его возраст приближался к 100-летию. Александр Васильевич родился в семье сельского священника в 1897 г. и до глубокой старости сохранял в памяти впечатления от учебы в дореволюционное время.

После окончания трехклассного земского училища в селе Верхосунье Нолинского уезда А.В. Костров поступил в Нолинское духовное училище, где обучался четыре года. В этом училище, имевшем общежитие, получали образование в основном дети духовенства, купцов и мещан. Учащиеся должны были строго соблюдать режим дня: вставали они в семь часов утра, а ложились спать в 10 час. вечера. После обеда оставалось свободное время, когда разрешалось посидеть в саду, поиграть в кегли или в мяч, можно было и пойти в город. Специальной формы учащиеся не имели. При духовном училище г.Нолинска была своя кухня. Учащихся кормили досыта. К чаю давали булочки, испеченные в собственной пекарне.

В духовное училище А.В. Костров поступил в 11 лет. В этот детский возраст учащиеся часто допускали разного рода шалости. Как же наказывали шалунов в духовном училище? «Делали замечание, никакого карцера при училище не было», – пояснял Александр Васильевич.

У А.В. Кострова в домашнем архиве хранились сведения об оценках, полученных им во время обучения в духовном училище. В его табели за первый и третий классы содержались отметки за четверти, год и экзамены. Оценка знаний в те времена производилась, как и сейчас, по пятибалльной системе. Каждая оценка имела свое словесное обозначение, которое отличается от современного: 5 – «отлично», 4 – «очень хорошо», 3 – «хорошо», 2 – «посредственно», 1 – «слабо». У Кострова – много пятерок. Интересно заметить, что в самой первой графе выставилась оценка за поведение, а уже затем – за предметы: священную историю, катехизис, русский, церковно-славянский, греческий, латинский языки, арифметику, географию, чистописание и черчение, церковное пе-

ние, русскую историю, природоведение. Экзамены сдавались каждый год по всем предметам, которые изучались.

В 1912 г. после окончания Нолинского духовного училища Александр Васильевич поступил в духовную семинарию г.Вятки. Семинария находилась за городом, у нее было четыре корпуса. В двух зданиях занимались классы, в третьем – на первом этаже размещалась столовая, на втором – жил ректор. В четвертом корпусе вверху находилась церковь, внизу – квартиры инспектора и эконома, а также классы для выпускного шестого класса. При семинарии был свой сад.

В Вятке Александр Васильевич изучал богословие, гомиетику, логику, философию..., занимался гимнастикой, которую вел специальный учитель, а не надзиратель, как было в Нолинске. Одним из видов проверки знаний и умений учащихся были сочинения. А.В. Костров показал свои семинарские сочинения, бережно хранимые им всю жизнь. Темы его сочинений: «Жизнь и труды Св. Апостола Павла», «Воронежские бытописатели Никитин и Кольцов», «Значение деятельности Иоанна III». В конце сочинения семинаристы указывали литературу, прочитанную по избранной теме. Письменные работы содержали оценки с отзывами. Вот один из них, данный преподавателем Н. Гусевым, проверявшим сочинение о Св. Апостоле Павле: «Сочинение обстоятельное по содержанию и правильное по изложению, читается с удовольствием». Семинаристам разрешалось посещать городские библиотеки, в которых

Костров находил многие редкие издания, необходимые для учебы.

Александр Васильевич запомнил и эпизоды повседневной жизни вятских семинаристов начала XX века. У всех учащихся, по его воспоминаниям, была форменная одежда – черные штаны, черная тужурка и фуражка. Кормили в Вятке хуже, чем в Нолинске. Семинаристы питались в основном гороховицей, ели также картофельницу. Один раз в день, обычно по утрам, к учащимся приходил человек с корбом. Это был посланец купца-кондитера Якубовского. Он продавал всем желающим булки и слойки. А.В. Костров покупал за 5 копеек французские булки, брал и слойки за 3 коп. Деньги на мелочные расходы давал ему отец, а за обучение родители не платили, так как были малоимущими.

При семинарии имелся свой хор. Учащиеся устраивали музыкальные вечера, на которые приглашались губернатор и епископ. На концертах семинаристы пели сцены из опер Рубинштейна и Чайковского. С улыбкой на лице Костров вспоминал, что мальчики с успехом исполняли и женские партии. К музыкальным вечерам готовились очень тщательно. В типографии печатали программы и денег на проведение концертов не жалели.

В годы учебы Александра Васильевича ректором семинарии был протоиерей Николай Матвеевич Кибардин. По словам Кострова, это был грубый человек, за что Кибардина многие не любили. В этого ректора стрелял из револьвера даже один из семинаристов (он промахнулся – попал в пепельницу). Юношу исключили из семинарии, поплатился должностью и ректор. Как полагал А.В. Костров, именно из-за этого случая вятскую кафедру вынужден был покинуть епископ Филарет. Этот «сухой старичок, лощеный, всегда в шелковом» уехал в Астрахань, где тоже был архиереем.

После октябрьских событий 1917 г. местные власти реквизируют у семинарии один корпус. Это было только начало. Дело шло к закрытию семинарии вообще. В июле 1918 г. А.В. Костров взял оттуда свои документы, так и недоучившись, хотя учиться ему оставалось немного – всего один год⁴.

Как же сложилась судьба нашего старожилы? В 1920-е годы Александр Васильевич продолжил учебу, он учился в Саратове сначала в университете, а затем в сельскохо-

зяйственном институте. Впоследствии Костров работал в Кировском областном управлении сельского хозяйства. В годы Великой Отечественной войны был на 3-м Белорусском фронте. Войну закончил в Порт-Артуре в сентябре 1945 г. В 1957 году Александр Васильевич вышел на пенсию и уехал доживать свой век в Уржум. Здесь он занимался разведением цветов в своем саду, писал заметки в районную газету, рисовал, стал активным участником художественной самодеятельности и начал работу над мемуарами. Однако завершить их А.В. Костров не успел. Совсем немного не дожив до 100 лет, он умер после пожара, произошедшего в его доме. Картины Александра Васильевича находятся сейчас в Уржумском краеведческом музее, а часть документов, в том числе и семинарские сочинения, хранится в Государственном архиве Кировской области.

Воспоминания А.В. Кострова и многочисленные архивные документы служат свидетельством существования в губернский период развитой, особенно на рубеже XIX – XX вв., системы светского и духовного образования, в конечном итоге способствовавшей подъему культурного благосостояния региона в целом, хотя, конечно же, не следует ее идеализировать. В дореволюционной школе применялись и различные виды наказаний, включая телесные, и широко практиковались примитивные методы обучения (например, обыкновенная зубрежка), и часто наблюдался недостаток квалифицированных педагогов, совершенной учебной литературы и т.д.

ХРАНИТЕЛИ СТАРИНЫ

В Вятской губернии, являвшейся крупным культурным центром северо-востока Европейской России, создавались интересные литературные произведения, существовали стилиевые особенности в архитектуре и живописи. Очагами местной культуры стали появившиеся в XIX веке музеи, библиотеки, театр. Развитию культурной жизни заметно способствовала и Вятская ученая архивная комиссия, созданная в 1904 году. Уже на ее открытии, проходившем в воскресный день (28 ноября) в зале губернского правления в присутствии губернатора Павла Федоровича Хомутова, городского головы Якова Ивановича Поскребышева, было очевидно, что на Вятской земле появилось учреждение, чья деятельность будет важной для сохранения богатого исторического наследия края.

У истоков комиссии стояли местные энтузиасты, люди, неравнодушные к истории, к культуре, не понаслышке знавшие цену памятникам древности. Это – члены Вятского губернского статистического комитета Н.А. Спасский и А.С. Верещагин, протоиерей Вятского Воскресенского собора И.М. Осокин, Л.И. Софийский и Н.К. Попов, являвшиеся действительными членами Петербургского археологического института, преподаватель Вятского духовного училища М.Н. Решетников. Именно они составили на имя губернатора записку, в которой обосновали необходимость создания на Вятке ученой архивной комиссии – центра по сбору и изучению памятников старины.

Первые архивные комиссии появились в России еще в 80-е гг. XIX века. В 1904 г. в стране действовали 22 архивных комиссии, и они не только спасали от уничтожения ценнейшие исторические источники, выпускали сборники с публикациями статей и документов, но и устраивали библиотеки, музеи, организовывали и проводили археологические раскопки и т.д. Эти учреждения постепенно превратились в крупные очаги культуры на местах.

Мысль об открытии такой комиссии в Вятке впервые зародилась в губернском статистическом комитете в начале последнего десятилетия XIX века. Статкомитет в выпускаемых им «Календарях и Памятных книжках» публиковал исторические материалы, и его члены были обеспокоены плачевным состоянием местных архивов. Как позже вспоминал Александр Степанович Верещагин, «весьма сочувственно отнесся к учреждению комиссии памятный председатель губернской управы А.П. Батуев, наметивший даже сумму, какую он находил нужным испрашивать на комиссию у губернского земского собрания, но он неожиданно был вскоре поражен рукою убийцы». Н.А. Спасский рассматривал архивную комиссию как родича и наследницу деятельности статкомитета по изучению истории региона¹.

В жизнь эта спасительная для памятников прошлого идея была воплощена позднее, чем во многих других, прежде всего центральных, губерниях. Вятская ученая архивная комиссия стала 25-й по счету, а всего к 1917 г. в России было открыто 39 комиссий. Учреждение архивной комиссии в Вятке сопровождалось серьезной подготовительной работой. Необходимо было найти заинтересованных лиц, решить финансовые проблемы. Инициаторы открытия комиссии в записке губернатору назвали имена будущих ее членов – А.А. Спицын, П.Н. Луппов, Д.К. Зеленин, А.А. Замятин, Н.Н. Блинов, не-

которых других ученых и просветителей, уже известных своими трудами по истории края. Финансовые же вопросы решать было гораздо сложнее. Изучив опыт деятельности Нижегородской, Костромской, Пермской архивных комиссий, авторы записки полагали, что значительную часть расходов должны взять на себя учреждения местного самоуправления – земства и городские думы. Отчасти так и вышло: на одном из заседаний губернского земского собрания было решено ассигновать

▼ А.С. Верещагин

▼ Страницка трудов комиссии

«учреждаемой в г.Вятке губернской архивной комиссии единовременное пособие в 200 руб. и ежегодное в размере 300 руб.»²

На открытии комиссии прозвучали содержательные и глубокие по мысли речи. «В последние три-четыре десятилетия ученые... пришли к справедливому убеждению, что история создавалась не только центрами страны, но и ее окраинами, и по тому обратили серьезное внимание на изучение местных памятников старины, – говорил Иоанн Осокин и далее продолжал, – задача архивной комиссии в достаточной степени будет выполнена, если члены ее соберут и будут сохранять в архивах, музеях и библиотеках; опишут, издадут его, наконец, дадут историю края и свяжут ее с общей историей Родины»³. Эти слова с самого начала стали лейтмотивом всей деятельности Вятской ученой архивной комиссии. А.С. Верещагин – «старый чернорабочий на ниве вятской археографии и истории»⁴ – поделился впечатлениями о том, с какими порой сложностями сталкивался тот, кто работал с документами по местной истории до учреждения комиссии – это и ограниченный доступ в архивы, и утрата некоторых ценных первоисточников, и недостаток необходимых книг, и проблемы с публикацией материалов.

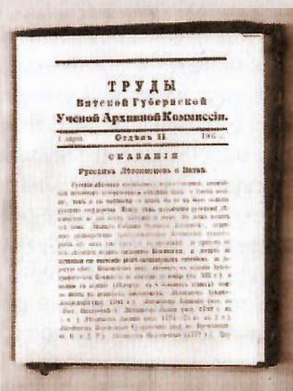

Во время торжественного открытия был избран председатель комиссии. Им стал Николай Александрович Спасский – секретарь Вятского губернского статистического комитета, составитель и редактор «Календарей и Памятных книжек Вятской губернии», а его заместителем (или товарищем председателя) и редактором «Трудов» комиссии – А.С. Верещагин. Спасский с грустью поведал, что этот талантливый исследователь, несмотря на настойчивые просьбы, решительно отказался от места председателя в связи с болезнью. Непременным попечителем ученой комиссии стал губернатор, что предписывалось законом.

Первое рабочее заседание комиссии под председательством Н.А. Спасского прошло 11 декабря 1904 г. Еще

на ее открытии только что избранный председатель выступил с программной речью. Он выделил основные направления деятельности архивной комиссии, важнейшее из них – издание трудов. На первом заседании комиссия единогласно постановила: «начать издание с 1 марта будущего 1905 г.»⁵. Было решено, что «Труды» должны делиться на выпуски и будет выходить по шесть выпусков в год. Каждый выпуск, в свою очередь, разделялся на отделы: в первом публиковались журналы заседаний комиссии, во втором – исследования, а в третьем – «смесь», то есть небольшие исторические сочинения, важные документы прошлого, воспоминания, письма, биографии.

Редактор «Трудов» А.С. Верещагин продумал план издания исторических материалов. Сначала были опубликованы фрагменты летописных произведений, в которых содержатся упоминания о Вятском крае; исторические памятники вятской письменности. С предисловиями и комментариями печатаются «Летописец старых лет», «Повесть о стране Вятской», «Вятский Временник», издаются грамоты и акты Успенского Трифонова монастыря, которые А.С. Верещагин начал изучать еще в 1870-е годы, и грамоты и акты Вятского архиерейского дома, тексты писцовых, дозорных, переписных книг, царские грамоты и послания митрополитов на Вятку, многие редкие документы XVII – XIX вв., интересные воспоминания. Крупной, обобщающей работой по истории региона явилось сочинение действительного члена комиссии Лидии Николаевны Спасской – «Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Федоровича Романова», опубликованное в «Трудах» в 1913 г., когда помпезно отмечалось 300-летие со времени восшествия на престол династии Романовых. Издавались статьи А.С. Верещагина, И.М. Осокина, В.И. Шабалина, М.Г. Худякова, В.Д. Емельянова, Н.Н. Блинова, А.А. и Г.А. Замятиных, Д.К. Зеленина, П.Н. Луппова и целого ряда других авторов⁶. Многие из этих исследований вошли в золотой фонд историографии Вятского края.

«Труды Вятской ученой архивной комиссии» выпускались 13 лет, с 1905 по 1917 г. включительно. Всего вышло 46 выпусков. Поистине это было время расцвета вятского краеведения. После смерти в 1908 г. А.С. Верещагина редакторами «Трудов» являлись А.А. Швецов, В.Д. Емельянов, а с 1912 г. – Н.А. Спасский. Книги издавались преимущественно в губернской типографии и впоследствии рассылались по подписке, продавались в книжных складах губернского земства, епархиального училищного совета и в самой архивной комиссии.

Подготовка к печати «Трудов» являлась далеко не единственным направлением деятельности Вятской ученой архивной комиссии. Ее члены вели большую работу по выявлению ценных источников в местных архивах, архивах столичных городов. В архиве комиссии хранились документы губернского правления, окружного суда, казенной палаты, управления государственных имуществ, бывшего Московского удельного приказа и других учреждений.

Архивная комиссия организовывала церковно-археологические поездки по губернии с целью отыскания письменных и вещественных исторических памятников. Весной – летом 1915 г. такую поездку совершил И.М. Осокин. Он побывал в Яранском и Котельничском уездах, где посетил 17 церквей, 8 часовен и 5 волостных правлений, и привез оттуда предметы старины. В 1916 г. Осокиным же изучались древности городов и сел, лежащих по течению Вятки и Камы.

Уже в начальный период в архивную комиссию стали поступать старинные вещи, которые позднее легли в основу Трифоновского церковно-археологического музея, открытого в октябре 1912 г. Среди первых жертвователей были вятский вице-губернатор А.Ф. Шидловский, передавший комиссии 32 старинных медных монеты, священник села Ильинского Нолинского уезда Николай Кибардин, подаривший коллекции монет, медных образков, крестов и складней, а также фотографические карточки, член Казанской судебной палаты В.Н. Лесников, который передал комиссии «большую медаль 1859 года, выбитую по случаю открытия памятника Императору Николаю I»⁷. Дан-

ная коллекция стала пополняться регулярно и более целенаправленно уже после открытия музея. Последним руководил специальный комитет во главе с действительным членом комиссии, протоиереем Иоанном Сырцовым. Музей принимал посетителей по воскресеньям. Заметным событием в истории Вятской ученой архивной комиссии и музея стало посещение этих заведений в июне 1916 г. доктором русской истории, великим князем Николаем Михайловичем. «При прощании, – записано в годовом отчете комиссии, – ученый гость выразил свое одобрение деятельности комиссии следующей надписью в книге посетителей: «Был счастлив лично посетить Вят-

скую архивную комиссию 20 июня 1916 г.»⁸. В этом же году великий князь стал почетным членом комиссии.

Вятская ученая архивная комиссия была обладательницей интересного книжного собрания. Ее библиотека начала складываться в 1904 г. и постоянно пополнялась новыми историческими изданиями. В фондах библиотеки хранились «Труды» архивных комиссий других губерний, книги, присланные из Императорского Русского археологического общества, из Московского главного архива министерства иностранных дел, из Московского архива министерства юстиции, из Московского Императорского общества истории и древностей Российских и т.д. Книжные фонды пополнялись и за счет пожертвований почетных и действительных членов комиссии. Книжки для библиотеки передавали такие маститые исследователи, как В.О. Ключевский, Н.П. Лихачев, А.А. Спицын, Д.К. Зеленин. Ключевский, в частности, отправил в

▲ А.А. Спицын

▲ Д.К. Зеленин

◀ П. Н. Луппов

Вятку свои сочинения «Древнерусские жития святых как исторический источник», «Боярская дума Древней Руси».

Основные вопросы, связанные с работой комиссии, обсуждались на ее заседаниях, проходивших в публичной библиотеке. Из отчетов первых лет следует, что члены комиссии заседали по пятницам, с 7 часов вечера, через каждые две недели⁹. Заседания комиссии были объявлены открытыми, то есть на них могла присутствовать публика, но для этого нужно было иметь билет. В первый год работы комиссии прошло 27 заседаний. Со временем периодичность работы ученого собрания менялась. В 1916 г., например, было проведено только пять общих собраний. На заседаниях комиссии заслушивались научные доклады, утверждались статьи для публикации в «Трудах», рассматривались вопросы о мерах по сохранению памятников старины. Иногда заседания длились до полуночи. Наиболее интенсивный ритм работы был характерен для времени, когда редактором «Трудов» являлся Александр Степанович Верещагин.

Успех работы комиссии зависел не от правительственных постановлений, распоряжений губернатора, а прежде всего от деятельности тех, кто понимал ее значимость для современников и потомков. В конце 1905 г. в состав комиссии входили 17 почетных и 78 действительных членов, в 1916 г. – уже 26 почетных и 90 действительных членов. Членами ученой архивной комиссии являлись люди разных сословий и профессиональных занятий: были здесь и чиновники, и священники, и купцы, и преподаватели.

Среди почетных членов значились лица известные и уважаемые – академики, профессора столичных учебных заведений, вятские губернаторы, епископы, крупные предприниматели. Почетными членами Вятской ученой архивной комиссии были историки С. Ф. Платонов, В. О. Ключевский, Н. П. Лихачев, И. Е. Забелин, филолог, академик А. А. Шахматов, антрополог, этнограф и археолог Д. Н. Анучин. «Получив вчера извещение об избрании меня в число почетных членов Вятской архивной комиссии, – писал в феврале 1905 г. профессор Платонов, – я с благодарностью принимаю лестное избрание и шлю комиссии сердечное пожелание успеха в ее полезной просветительной деятельности»¹⁰. «...Буду искренно рад, если мне предста-

вится возможность быть чем-либо полезным комиссии или оказать содействие ее целям», – отмечал в своем послании в Вятку Василий Осипович Ключевский¹¹.

Деятельность комиссии своим участием поддерживали земляки, проживавшие вдали от малой Родины. «С удовольствием принимаю на себя звание действительного члена Вятской ученой архивной комиссии, об открытии

которой в Вятке я давно мечтал. От души желаю комиссии широкой и плодотворной работы по истории родного края», – писал действительный член Императорского Русского географического общества и Петербургского археологического института П. Н. Луппов¹². «Но кроме практического значения, то есть изучения вятской старины, комиссия, как мне кажется, должна иметь как бы нравственное значение, в смысле объединения всех вятчан, рассеянных по разным углам русского царства», – говорилось в послании архивариуса архива министерства юстиции Николая Николаевича Ардашева в мае 1905 г.¹³

Помимо Н. А. Спасского председателями комиссии избирались вятский городской голова Я. И. Поскребышев, вятские губернаторы (они совмещали должности председателя и неперменного попечителя комиссии). Последние проявляли себя порой довольно-таки деятельно. В 1916 г. вятский губернатор Николай Андреевич Руднев предложил членам комиссии начать сбор сведений об участниках Первой мировой войны. Он считал необходимым собрать отдельные списки призванных на службу, павших в боях, получивших награды и другие материалы. Кроме того, Руднев пополнил своими пожертвованиями коллекцию Трифоновского церковно-археологического музея.

Вятская ученой архивная комиссия нередко сталкивалась с проблемами, решить которые в короткие сроки не всегда представлялось возможным. В их числе – отсутствие знаний и опыта архивной работы, постоянные финансовые трудности, из-за чего комиссия вынуждена была сокращать число изданий и, не имея собственного помещения, ютилась в наемной квартире флигеля публичной библиотеки. Но несмотря на все препятствия, существовавшая до первых лет советской власти Вятская ученой архивная комиссия явила собой пример бескорыстной преданности исторической науке и краю.

Из провинциальной мемуаристики

Главным героем мемуарной литературы всегда оставался человек. Именно он со своим внутренним миром, душевными переживаниями, перипетиями судьбы – основа мемуаристики. Столкновения человека с действительностью, его отношение к происходящему, его поступки – все это придает воспоминаниям особый колорит и огромную ценность для воссоздания картин минувшего.

Ранний этап истории российской мемуаристики связан с дворянским сословием. Постепенно круг мемуаристов расширялся. В XIX – начале XX века авторами воспоминаний и дневников являлись представители практически всех слоев населения. Чиновники, разночинцы, дворяне, священники, купцы, крестьяне, зачастую не рассчитывая на публикацию своих писаний, освещали в них не только личные, семейные, бытовые сюжеты, но и общественно значимые события. Существуют целые комплексы мемуарной литературы, посвященные Отечественной войне 1812 г., движению декабристов, Крымской войне, общественно-политической жизни второй половины XIX в. и т.д.

Интересные воспоминания оставили для потомков вятчане. В недворянской Вятской губернии особое место среди мемуаристов занимали представители купечества¹. Часть воспоминаний местных купцов и выходцев из этого сословия была опубликована в дореволюционный период – мемуары К.И. Клепикова, А.Е. Рязанцева, другие – еще ждут публикации (А.А. Прозоров).

Эти мемуары составлялись уже на склоне жизни авторов. Когда прожита большая, яркая жизнь, желание рассказать о своем времени, о себе, поделиться опытом – явление традиционное. В судьбах мемуаристов много схожего: во-первых, они являлись грамотными, образованными людьми – А.Е. Рязанцев обу-

чался в народном училище, К.И. Клепиков окончил уездное училище, затем учился в гимназии, А.А. Прозоров – выпускник Казанского университета; во-вторых, они были людьми деятельными и незаурядными, о чем свидетельствовала их служебная и общественная деятельность; в-третьих, свои записки сочиняли целенаправленно – для потомков. А.А. Прозоров сделал надпись: «Посвящается моим внукам», а К.И. Клепиков отмечал в автобиографии, что пишет ее «по желанию своих сыновей, дочерей, внуков и внучек, в числе 45 человек, живущих в Москве и в других городах Российской Империи» (среди его внуков был Александр Васильевич Чаянов (1888 – 1937) – известный экономист-аграрник и писатель), и также поместил в свои мемуары завещание в виде «Письма отца сыновьям и дочерям»².

Мемуаристы принадлежали в основном к выходцам из потомственных предпринимательских семей. Так, предки А.Е. Рязанцева торговали еще в допетровскую эпоху, а один из них – Путилка Рязанцев – участвовал в работе Земского собора 1613 г.; А.А. Прозоров являлся племянником крупнейшего на Русском Севере купца, коммерции советника, благотворителя и мецената Якова Алексеевича Прозорова, переселившегося в конце жизни на жительство в Петербург. Эти факты предопределили одну из сюжетных линий повествований – описание повседневной жизни и предпринимательской деятельности прауродителей и наиболее известных родственников.

Из воспоминаний Рязанцева узнаем, что в XVII веке его предки владели в Хлынове обширной усадьбой, на которой в числе построек находились кузница и салотопня. Несмотря на состоятельность, в XVII веке Рязанцевы еще не имели каменных палат, а жили в деревянном доме. Эти купцы были крупными землевладельцами: «Рязанцевы владели в старину всей землей от города Вятки до села Красного, т.е. их владения простирались на семь верст, – вспоминал Александр Егорович, – и имели зависимых людей – половников»³.

▼ Богоявленский собор

Весьма ценно, что мемуарист называет имена некоторых своих предков. Среди них интересна личность Корнилия Рязанцева, который, по словам автора, был зятем патриарха Гермогена (ок. 1530 – 1612) – известного деятеля Смутного времени, впоследствии канонизированного Русской Православной церковью. В Богоявленском соборе г.Хлынова находилась икона Феодоровской Божьей Матери, которой Гермоген благословлял Корнилия, но эта икона сгорела во время пожара в начале XVIII в. и позднее по памяти была восстановлена. Список с иконы в период жизни Александра Егоровича оставался в Богоявленском соборе г.Вятки. Памятной для автора воспоминаний была и фигура деда – Феофилакты Михайловича Рязанцева, у которого он переписывал «крепостные акты, узкие и длинные, шириной четверти в три аршина, а длиной в целую комнату» и который вместе с другими местными купцами ездил в мае 1798 г. на встречу с императором Павлом I в Казань⁴. Дом Ф.М. Рязанцева часто посещали воеводы, гостили у него и казанские наместники.

Было что вспомнить о своих предках и ближайших родственниках Александру Александровичу Прозорову. Повествуя о ранних страницах истории династии, автор ссылается на записную книжку Семена Антоновича Прозорова, «собственноручно им ведомой и помеченной 1771 годом»; подробно рассказывает о предпринимательстве и благотворительности наиболее известного представителя династии – Якова Алексеевича Прозорова и его семье.

В автобиографической части мемуарист повествует о своих детских годах, об учебе в Вятской гимназии и в Казани, о службе в окружном суде, об общественной деятельности, об увлечениях – театре и книгах, рассказывает о поездках за границу и по России, о жизни в первые годы советской власти. Перед читателем автор предстает как многосторонний и наблюдательный человек. Интересны эпизоды, связанные с воспитанием юного Саши

Прозорова, будущего мемуариста. На всю жизнь запомнился ему следующий урок: «Отец как-то меня, в возрасте лет 12-ти... послал в Вятку (родители А.А. Прозорова жили в Слободском. – М.С.) к дяде за деньгами. Я должен был получить несколько тысяч. Получив от Алексея Яковлевича (сына Я.А. Прозорова. – М.С.) пачки денег, я их сложил в саквояж и продолжал разговор. Минут 10 спустя он просит меня деньги ему возвратить, я вынул и отдал. Считает деньги – недостача, явление для меня непонятное. Доведя меня до слез, говорит, что, получая деньги, надо считать, что он с целью дать мне же урок нарочно вынул несколько кредиток, которые тотчас и вложил. Это был мой первый урок коммерческой грамоты. Позднее мой отец то же проделывал, посылая со мной деньги в контору из верхнего этажа в нижний, но я был уже осмотрительнее и не попадался впросак»⁵.

Не менее любопытны биографические сюжеты в воспоминаниях А.Е. Рязанцева. В 1794 г. в восьмилетнем возрасте он был отдан в народное училище, куда пошел охотно, потому что его дед, который был грамотным, внушил, что учение не таит в себе ничего плохого, а у отца, служившего казначеем в приказе общественного призрения, Александр уже видел директора и учителей – людей «смирных и обходительных»⁶. У других мальчиков были страх и капризы: «охотнее, говорят, нынче идут в солдаты, чем шли тогда в народное училище»⁷. Далее ведется рассказ о преподавателях и товарищах А.Е. Рязанцева, об экзаменах, которые начинались с музыки, звучавшей так громко, что Саша вскакивал с места от испуга, и приветственных речей. В конце экзамена в награду за успехи и хорошее поведение вручались книги. На экзаменах 1799 г. книгу получил и Александр Егорович. В воспоминаниях говорится о наказаниях, без которых не обходились школы того времени. За шалость и «неисправность» могли употребить розги и пали, оставить без обеда, а также поста-

вить на каюте. В воспоминаниях А.Е. Рязанцева о детстве много говорится о семье. В 1794 г. в восьмилетнем возрасте он был отдан в народное училище, куда пошел охотно, потому что его дед, который был грамотным, внушил, что учение не таит в себе ничего плохого, а у отца, служившего казначеем в приказе общественного призрения, Александр уже видел директора и учителей – людей «смирных и обходительных»⁶. У других мальчиков были страх и капризы: «охотнее, говорят, нынче идут в солдаты, чем шли тогда в народное училище»⁷. Далее ведется рассказ о преподавателях и товарищах А.Е. Рязанцева, об экзаменах, которые начинались с музыки, звучавшей так громко, что Саша вскакивал с места от испуга, и приветственных речей. В конце экзамена в награду за успехи и хорошее поведение вручались книги. На экзаменах 1799 г. книгу получил и Александр Егорович. В воспоминаниях говорится о наказаниях, без которых не обходились школы того времени. За шалость и «неисправность» могли употребить розги и пали, оставить без обеда, а также поста-

вить к печке. «За какое-то шуточное слово Александр Егорович простоял у печки целый класс», – рассказывает в мемуарах⁸.

Тематика купеческих воспоминаний не сводилась только к освещению автобиографических и генеалогических сюжетов. В мемуарах находят отражение эпизоды, связанные с историей и культурой российской провинции, описывается деятельность губернаторов, епископов, чиновников. Запоминающимися являются портреты представителей деловой местной элиты. Понятно, что купцы-мемуаристы хорошо знали многие тонкости предпринимательской деятельности, общественной и личной жизни своих партнеров по бизнесу и конкурентов. Узнавали об этом и от отцов. Воспоминания А.Е. Рязанцева содержат яркие и образные описания деятельности и домашней жизни семейства именитого купца Ивана Толмачева, торговавшего в Архангельске. «В старые времена было так: десять рублей были деньги, сто рублей составляли богатство, о тысяче рублей страшно было и подумать. А купец Толмачев имел пять тысяч рублей, по тем временам – несметная сумма!», – восклицал автор⁹. У этого торговца были в Хлынове каменные палаты, и никто, даже самые уважаемые в городе люди, не смели пройти мимо его дома в шапке, причем снимали ее и зимой, и летом. После смерти купца в доме хозяйничала его сноха Евдокия Ермолаевна, которая оставила по себе память, как женщина расчетливая и прижимистая, любящая обратить на себя внимание. Интересно описание толмачевских подвалов, где, по предположениям автора, хранились деньги. Подвалы являлись неотъемлемой частью купеческого интерьера, особенно состоятельных предпринимателей, каковым и был Иван Григорьевич Толмачев.

Мемуары А.А. Прозорова и К.И. Клепикова содержат целую галерею купеческих портретов. Константин Игнатьевич Клепиков, вятский старожил, как он сам себя на-

зывал, лично знал многих местных предпринимателей. Он характеризует коммерческую деятельность купцов Т.Ф. Булычева, Я.Ф. Тырышкина, Александровых, Я.А. Прозорова и других. Вместе с тем его описания весьма лаконичны и содержат в основе своей какой-либо интересный факт или важное историческое событие. Купец Юрасов привлек внимание К.И. Клепикова в связи с тем, что в 1860-е гг. он закупал в зимний период чай в Кяхте и затем продавал его в Вятке; Куклин, Тырышкин, Булычев, Александров были пароходовладельцами, чем способствовали развитию региональной торговли; Сунцов построил крупный мыловаренный завод и т.д.

В отличие от воспоминаний Клепикова, мемуары Прозорова содержат более детальные, более образные жизнеописания. Автора интересовало буквально все, что связано с его героями – внешность, одежда, общественная, торгово-предпринимательская деятельность, развлечения, собственность, личная жизнь. По-своему красочны характеристики, данные А.А. Прозоровым купцам Лаптевым, старообрядцам. «Бывало едет Михаил Дмитриевич на пароходе, увидит плывущие плоты и выйдет на палубу, и громким голосом кричит: «Чьи плоты-то?». «Лаптева», – отвечают с плотов. Тогда он довольный, – пишет мемуарист, – оборачиваясь к окружающим и поглаживая свою бороду и брюшко, говорит: «Мои плоты-то»¹⁰. Это семейство, судя по воспоминаниям, не обошли стороной чванство и тщеславие. Дом Кузьмы Игнатьевича Лаптева, любителя преферанса и не любившего проигрывать, был обставлен не только роскошно, но и криливо. У него можно было лицезреть «хороший рояль, на котором никто не играл», граммофон, перед камином лежала шкура белого медведя. На ней отдыхала и могла лежать принимать посетителей его жена Парасковья Антоновна – худенькая блондинка, выписывавшая туалеты и блиставшая бриллиантами. А еще она любила лошадей и крепкие напитки. «После ужина, бывало, велит заложить тройку в розвальни и

▼ К.И. Клепиков

катается по городу или на свою дачу близ вокзала. Причем изредка забавлялась, выталкивая своего соседа локтем в снег, что доставляло удовольствие всей компании», – вспоминал А.А. Прозоров и дополнял: «Выезд у них был парадный, лошади хорошие, словом все делалось на показ и на прожигание жизни»¹¹.

Купеческие портреты воссоздавались на фоне различных сторон провинциальной жизни. К.И. Клепиков, побывавший по торговым делам во многих российских губерниях – Архангельской, Казанской, Нижегородской, Вологодской, Ярославской, Московской, Петербургской – характеризует экономическую жизнь северо-востока Европейской России. Как человек деловой, он сожалел об упадке во второй половине XIX века торговли Вятки с Архангельским портом и вместе с тем высоко оценивал новшества – расширение пароходного сообщения, строительство железных дорог. Переживал Клепиков и по поводу упадка, с его точки зрения, нравов. «Прежде была простота, доброта, послушание и повиновение старшим, был порядок как в общественной, так и в семейной жизни», – писал он, – чего ныне не увидишь и не услышишь»¹². Константин Игнатьевич предстает перед читателем глубоко верующим человеком. В разделе «Письмо отца сыновьям и дочерям» он советует: «Учите детей своих, чтоб они жили по заповедям Божиим... Веруйте в Бога... Чтобы быть хорошим человеком, надо быть истинным христианином»¹³. Клепиков ценил образованных людей и своим детям дал возможность изучать науки: «От одного брака имею в настоящее время в живых 4-х сыновей и 8 дочерей, от них имею 17 внуков, 14 внучек, одного правнучка и двух правнучек. Все сыновья и дочери с Божьей помощью получили приличное образование...»¹⁴. В целом видно, что в семье Клепиковых царил характерный для российского купечества старого времени патриархальный уклад.

В воспоминаниях провинциальных мемуаристов находят отражение и политическая проблематика. Причем, что показательно, авторы предстают далекими от политики людьми. Об этом свидетельствует описанный Прозоровым эпизод: «Все наши судейские записывались в кадетскую партию, записали и меня, но в чем заключалась разница партий и что требовала партия кадетов, я не знал.

Придя на одно из первых заседаний партии, я застал выборы уполномоченных на съезд в Москву. По окончании выборов я... просил, чтобы мне разрешили поехать на съезд на мой собственный счет не в качестве представителя, а чтоб иметь право послушать и ознакомиться. Мне в просьбе отказали, я обиделся и более на собрания не ходил»¹⁵. Клепиков о своем участии в политической жизни не пишет, но в то же время из его мемуаров следует, что он не сторонник идеологии левых. Негативно оценивая деятельность «нигилистов, коммунистов, анархистов», автор заключает: «Трудно искушать человека, который верует в Бога»¹⁶. Российские купцы в большинстве своем оставались консерваторами, что подтверждается и воспоминаниями вятских мемуаристов.

Интересны также описания событий, современниками которых авторы не были, к примеру, эпизодов из истории города Вятки. А.А. Прозоров при этом ссылается на изученные им источники и литературу, среди них труды Н.И. Костомарова, местных историков, материалы периодики, воспоминания. Так, в его мемуарах говорится о посещении г.Вятки в мае 1837 г. цесаревичем Александром Николаевичем (будущим императором Александром II). Вместе со своим воспитателем поэтом В.А. Жуковским он осматривал выставку, устроенную в честь его приезда, и приобрел деревянные часы, изготовленные местным мастером Бронниковым, несколько шкатулок из капа работы слободских мастеров братьев Макаровых и металлические точилки для карандашей. Автор сообщает, что наследник престола осмотрел книги, собранные для Вятской публичной библиотеки, посетил городской сад. Как видим, все эти материалы и воспоминания дают много ценных сведений по истории российской провинции XVII – первой четверти XX века.

Среди вятских мемуаристов были и выходцы из крестьянского сословия. Один из них – Иван Алексеевич Хохлов – на склоне лет также взялся за перо и написал воспоминания, впервые опубликованные совсем недавно¹⁷.

Свои мемуары Иван Алексеевич начинает с описания жизни в родной деревне и рассказа о родителях и близких людях. Будучи выходцем из многодетной крестьянс-

кой семьи, автор с раннего детства познал многие тяготы – нищету, голод, не по годам тяжелый труд, оставшиеся в памяти до самой старости. Нелегкой была судьба и его матери, которая « всю жизнь провела, как на вечной каторге ». Она работала без отдыха и после смерти мужа должна была обеспечивать всем необходимым свою семью. Иван Алексеевич помогал ей с малолетства, как старший из братьев. « Сначала я водил коняку под уздцы, – пишет он, – но по пашне я не успевал шагать также скоро и постоянно падал, а за это вдогонку получал скверную ругань, удар кнута, исходившие от отца »¹⁸.

О последнем у мемуариста остались мрачные воспоминания по причине его сумасбродного характера и пьянства. « Немалую толику из своего заработка отец пропивал. По воскресеньям из города возвращался вдребезги пьяным, скандалил, бил мать и в особенности меня, как самого старшего из братьев. Он просто меня тиранил, хотя мне было лет пять, в этом возрасте и то не щадил, бил чем попало и по чему попало (по голове), если во дворе – то палкой, кнутом или веревкой, а дома – специальной плеткой-троехвосткой. Бил трезвый и пьяный, бывало, возьмет да зажмет мою голову между своих колен и лупит по голой заднице до тех пор, пока не устанет. Если мать станет заступаться, тогда за это и ей попадало и все ни за что ни про что или за какие-нибудь пустяки, а после порки выбросит как щенка в темный холодный чулан даже зимой. Я плакать не смел, а то он бил еще ожесточеннее, и все это было потому, чтобы сорвать зло за те муки, которые ему причиняла чахотка, он хотел, чтобы и другим было больно », – вспоминал автор¹⁹.

Повествование о семье, о дядюшке Иване Бадьине – энергичном и трудолюбивом человеке, служившем бухгалтером в земской управе и относившемся к числу зажиточных крестьян, дается на фоне рассказа о крестьянской повседневной жизни – земледельческих работах, хозяйственных делах в зимний период, крестьянской кухне. Автор увлеченно вспоминает о том, как пекли хлеб, о приготовлении похлебки, кваса, пива, солода, пареной репы, пишет о рецептах народной медицины: например, « золотуху лечили протухшим рыбьим жиром, который годился только для смазки обуви », а « от расстройства желудка пропаривали живот на горячей печке ». Многие же болезни вообще не лечили, так как они должны были пройти

сами собой. Автор описывает проводы в последний путь умершего отца, который долгое время тяжело болел.

Несмотря на все невзгоды, в восемь лет И.А. Хохлов пошел учиться в земскую школу, которая выявила его хорошие способности к учебе. Мечта о том, чтобы дети получили образование, была у матери. Во всей деревне она являлась единственной грамотной женщиной. Однако после смерти отца Иван вынужден был прекратить обучение. В мемуарах подробно рассказывается о дальнейшей его судьбе, связанной с работой у известного вятского купца Т.Ф. Булычева. « Об этой личности, – пишет автор, – зависела судьба нашей семьи, начиная с деда и отца, а также многих крестьян Орловского уезда и жителей города »²⁰. И.А. Хохлов делится воспоминаниями о работе в паромстве Булычева, о службе в доме купца, а затем и о своей жизни в Петербурге, куда он поехал на какое-то время вместе с Булычевым.

Примечательны некоторые детали, относящиеся к портрету этого предпринимателя. Т.Ф. Булычев, по словам автора мемуаров, « совсем не знал с купцами-аршинниками », а только с высшими губернскими властями и родней²¹. В гостях у него также бывали архиерей и дочери его духовника. К прислуге купец относился в целом доброжелательно. Однажды Ваня воспользовался хозяйской гребенкой и не заметил, что в ней остались его волосы. Обнаружив это, Булычев спросил: « Ты чесался моей гребенкой ? » Иван не мог не сознаться, и тогда Тихон Филиппович сказал: « Эх ты, тетеря... Ты бы сказал мне, что у тебя нет гребенки, я бы давно ее тебе купил... »²². В тот же день у Ивана Алексеевича появилась своя гребенка. И.А. Хохлов выполнял работы и в главной конторе Булычева. Из мемуаров мы узнаем, что в свою контору этот купец приезжал ежедневно. При ней имелись две комнаты – кабинет и спальня, в которой Тихон Филиппович иногда ночевал.

Будучи лакеем в купеческом доме в Петербурге, Иван получил возможность ознакомиться со столичными достопримечательностями от Эрмитажа до городских базаров и народных гуляний с различными забавами, например, с аттракционом, когда « пробовали силу – били турка по голове деревянным молотком ». В столице он видел царя: « В феврале 1883 г. ходил смотреть на военный парад войск Петербургского военного округа на Дворцовой

площади. Войска вступали через арку Главного штаба к Зимнему дворцу, где вместе со свитой находился царь Александр III, на своем неуклюжем коне, девяти пудового чучела, с рыжей бородой-лопатой... Чтобы попасть в первые ряды, я ушел из дома пораньше, а там уже была громадная толпа народа. Когда приехал царь со свитой, раздалось тысячеголосое, долго несмолкаемое «Ура!!!», летели вверх шапки, из толпы люди протискивались вперед, задние ряды напирали стеной. Конные жандармы наводили порядок, кричали: «Осади назад!!!». Жандармские лошади были так надрессированы, что оттесняли своими боками народ, не наступая никому на ноги. Несмолкаемо гремели музыкальные оркестры, кавалерийские кони тоже были так выдрессированы, что двигались вперед то рысью, то галопом или таким аллюром, в каком ритме играла музыка. Домой я вернулся с парада усталый, измятый и голодный, как волк...»²³.

И в будущем у Ивана Алексеевича бывали интересные поездки. В годы русско-японской войны он служил в Вятском лазарете Красного Креста, о чем тоже оставил воспоминания. «... У меня имелись физические недостатки – слабое зрение и грыжа. Не взирая на это, мне хотелось по своим силам послужить Родине. Я предложил свои услуги, не скрывая свои дефекты. Мне говорили: «Что мы с вами будем делать, если грыжевые приступы усилятся?». Но, уступая моей настойчивости, меня приняли и не ошиблись, ибо я всегда не за страх, а за совесть относился к усердию к своему делу», – писал он²⁴.

Мемуары И.А. Хохлова отличаются самобытностью, искренностью, живым повествованием и расширяют наши представления о крестьянстве и повседневной жизни русской провинции конца XIX – начала XX века.

Отметим также, что ценные воспоминания, связанные с Вятской губернией, оставил дворянин и чиновник Всеволод Александрович Ратьков-Рожнов (см.: Приложение 1). Он стал автором интересных записок о своих современниках, вел дневники. О Вятском крае писали и ссыльные – А.И. Герцен, поляк Генрик Каменьский и те, кто был здесь по делам службы. Среди последних можно назвать, например, Иоганна-Фридриха Эрдмана, доктора медицины и хирургии, работавшего в Казанском университете и посетившего в 1816 г. Вятскую губернию. Эрдман инспектировал здесь учебные заведения, о чем и оставил воспо-

минания. С Вяткой он был знаком еще до ее посещения. У Иоганна-Фридриха, или Феодора Христофоровича, как его звали в России, лечились некоторые вятчане. В своей книге Эрдман, в частности, упоминает купца Аршаулова, у которого почти перед самым отъездом в Вятку он «снял... в Казани катаракты на обоих глазах» (см.: Приложение 2). В знак благодарности вятский купец сопровождал до Вятки и радушно принимал дорогого гостя, когда тот приехал в губернский центр. В записках Эрдмана говорится о географических особенностях региона, описываются вятские предприятия, обращается внимание на местные достопримечательности (Кафедральный собор, Трифонов монастырь и др.), содержатся этнографические сведения. Эти заметки в целом дают весьма разносторонние материалы о губернии в эпоху правления Александра I, чем вызывают к себе большой интерес.

Мемуары о прошлом Вятки обнаруживаются не только в архивах и библиотеках, но и в личных собраниях. Причем «география» вятского мемуаротворчества обширна. К числу воспоминаний лиц духовного звания можно отнести «Краткую записку о моем роде-племени и о моем домашнем воспитании и учении в духовном училище, Семинарии и Академии», написанную профессором русской словесности Казанской духовной академии Иваном Яковлевичем Порфирьевым (1823 – 1890). Об этих интереснейших мемуарах, посвященных в основном вятскому периоду жизни автора, рассказала мне и познакомила с ними правнучка Ивана Яковлевича Ирина Васильевна Порфирьева, живущая в г.Казани. В записке подробно рассказывается о семье автора, уроженца Уржумского уезда Вятской губернии, его детских годах. Родившись в семье священника, Иван Яковлевич и сам пошел по духовной стезе: сначала учился в Нолинском духовном училище, затем в Вятской семинарии, после окончания которой поступил в Казанскую духовную академию. В его воспоминаниях обстоятельно описываются картины повседневной жизни вятского сельского и городского духовенства, даются колоритные зарисовки быта семинаристов. Как видим, воспоминания о Вятской губернии и ее людях богаты по содержанию и имеют немалую ценность для изучения прошлого.

Таковы некоторые страницы вятской мемуаристики и ее истории.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Материалы к биографиям мемуаристов

Клепиков Константин Игнатьевич (1821 – 1907) – купец 2-й гильдии, из крестьян Котельничского уезда Вятской губернии. После окончания Котельничского уездного училища (1833) обучался в Вятской гимназии (выбыл из нее в 1839 г. из 5-го класса «по неимению средств и слабости здоровья»). Был главным доверенным по коммерческим делам у купцов 1-й гильдии Репиных. Вел самостоятельную торговлю лесом, мехами. Служил в вятских словесном суде и в городском магистрате (ратманом), был церковным старостой. Имел большую семью. Дед экономиста, писателя А.В. Чаянова (1888 – 1937). Автор мемуаров «Воспоминания вятского старожила» (Вятка, 1899); «Сборник статей вятского старожила» (Вятка, 1899); «Заметки и впечатления старожила» (Вятка, 1900); «Автобиография К.И. Клепикова» (Вятка, 1902). Умер в Вятке, похоронен на Ахтырском кладбище.

Прозоров Александр Александрович (1854 – 1927) – сын купца 1-й гильдии, потомственного почетного и степенного гражданина А.А. Прозорова, уроженец г.Слободского Вятской губернии, юрист, общественный деятель, театрал. Образование получал в Казанском университете. В 1879 г. вступил на службу кандидатом на судебные должности при Вятском окружном суде, состоял присяжным поверенным при Казанской судебной палате. Неоднократно избирался гласным Вятской городской думы, был земским гласным, являлся председателем общественного (благородного) собрания. После Октябрьской революции заведовал театральным отделом библиотеки им. А.И. Герцена. Автор мемуаров: «Род Прозоровых», «Город Вятка и его обыватели», «Мемуары о вятском театре».

Ратьков-Рожнов Всеволод Александрович (1832 – 1898) – дворянин, уроженец с.Воронцово Буйского уезда Костромской губернии. Обучался в петербургских пансионатах, в училище правоведения (1847 – 1854). Секретарь

(1858 – 1861), обер-секретарь (1861 – 1879) I Департамента Сената, в 1879 – 1895 гг. вятский вице-губернатор, служил при четырех губернаторах. Литератор, публицист, мемуарист. Автор работ «Вятский губернский статистический комитет (Исторический очерк по подлинным документам)», «Воспоминание о Преосвященнейшем Макарии, епископе Вятском и Слободском и впоследствии архиепископе Донском», «Выдающийся благотворитель г.Вятки Яков Алексеевич Прозоров» и др. Награжден многими орденами и медалями.

Рязанцев Александр Егорович (1786 – 1867) – представитель известной на Вятке купеческой династии. Обучался в народном училище. Был совладельцем бумажной фабрики, участвовал в солеторговле. Книголюб. В 1863 г. с его слов протоиерей Николай Кувшинский записал воспоминания о Вятке, которые впоследствии неоднократно дополнялись, а после смерти Н.П. Кувшинского его дочерью были переданы в Вятскую ученую архивную комиссию.

Хохлов Иван Алексеевич (1873 – 1956) – из крестьян д.Хохловы Орловского уезда Вятской губернии. Учился в городском училище (г.Орлов; обучение не завершил), занимался самообразованием. В молодые годы работал у вятского купца-пароходчика Т.Ф. Булычева. Член Вятского фотографического общества. Впоследствии с семьей жил на Дальнем Востоке, с 1938 по 1956 г. – в Москве. Писал стихи. Автор воспоминаний «История моей жизни».

Эрдман Иоганн-Фридрих (Феодор Христофорович) (1778 – 1846) – родился в Саксонии, выпускник Виттенбергского университета, доктор медицины и хирургии. Любил путешествовать: был во Франции, Италии, Швейцарии, России. В Петербурге получил предложение занять кафедру хирургии в Казанском университете (1810). Являлся инспектором учебных заведений Казанского учебного округа. В 1817 г. уезжает из Казани, становится про-

фессором Дерпского университета, в конце жизни вернулся в Саксонию. Автор работ: «Собрание сведений о внутреннем строе России», «Медико-топографическое описание Казанской губернии» и др.

*2. Иоганн-Фридрих Эрдман
о путешествии по Вятской губернии летом 1816 г.*

7 июля означенного года, вечером в 8 часов, пустился я в это путешествие¹. Спутниками моими были: тогдашний адъюнкт² университета г. Ренар, который должен был служить мне помощником в предстоящей ревизии, и один служитель из университетской инвалидной команды. Случайно сопровождал нас до г. Вятки тамошний купец г. Аршаулов со своим семейством; за несколько недель перед тем я снял у него в Казани катаракты на обоих глазах, и теперь, только что выздоровев, он возвращался на родину³.

...Мы вступили теперь в пределы Вятской губернии, которая уже с первого взгляда производит выгодное впечатление не только прекрасно содержимыми дорогами, но также и хорошим состоянием полей и промышленности. Красивые холмы, увенчанные чернеющим сосновым лесом, возвышаются направо и налево между прекрасно обработанными полями и богато орошенными зелеными лугами, а в бесчисленных деревнях вокруг белеются по большей части новые, чисто выбеленные каменные церкви и колокольни... Все далее и далее продолжая путь наш по прекрасным холмам и плодородным равнинам, утром 11 июля достигли мы наконец, через три почтовых станции, губернского города Вятки⁴.

Еще издали можно разглядеть, что город лежит на высокой равнине и что справа к нему примыкает низменность, орошаемая одноименною с городом рекою. Вятка построена на западном, так называемом нагорном берегу; необъятно далекий вид открывается на противоположный луговой берег, и, хотя город незначителен по объему, все-таки представляет очень приятное зрелище, потому что между жителями его есть довольно зажиточные купцы, построившие на широких и сносно распланированных улицах достаточное количество хороших домов.

Торговля города Вятки довольно значительна и ведется преимущественно с Архангельском, в гавани которого

производится значительный сбыт товаров. Мой вышеупомянутый спутник (Аршаулов) принадлежал также к числу подобных купцов; он чрезвычайно радушно принял в свой дом меня и моего помощника на все время нашего там пребывания. Из благодарности за снятие ему катаракта, он ничего не жалел, чтобы сделать наше пребывание как можно приятнее и поучительнее. Ему обязаны мы тем, что в весьма короткое время сделали там много хороших знакомств...

Цель моего путешествия принудила меня прежде всего ознакомиться с гимназией... Вскоре по приезде в Вятку я имел также случай посетить духовную семинарию. Она построена вне города на небольшой возвышенности, среди рощи из хвойных деревьев, и еще издали представляет вместе с другими пристройками и прилегающими к ней садами очень красивый вид. В нижнем этаже главного здания помещаются классы и квартира архиепископа. 15 июля, в присутствии архиерея, был назначен публичный акт, – годичное испытание учеников...⁵

Я не могу не прибавить еще кое-чего о личности упомянутого епископа, по имени Гедеон, так как он принадлежал к лучшим личностям, с которыми мы познакомились в это путешествие⁶. Хотя маленького роста, но крепко сложенный, Гедеон с первого взгляда поражал своей живостью, полными огня движениями и энергией, а в разговоре его просвечивало знание, соединенное с остроумием. Поэтому речь его вместе с открытою, прямою наругностью дышала живостью и красноречием; с заграницей он был знаком по собственному путешествию.

18 июля я совершил поездку на бумажную фабрику Машковцева, родственника г. Аршаулова⁷. Она лежит в 15 верстах от города, в лесу, и состоит из двух зданий. В обоих вместе находится 9 голландеров, которые зимою топят с низу при помощи маленьких котлообразных печек, устроенных внутри голландеров. Тряпье режут руками. По изготовлении бумаги ее обыкновенным способом проводят под 10 прессами (вальцами), потом проклеивают, развешивают на двух длинных шестах, укрепленных на подставках для просушки; наконец при помощи четырех больших железных молотов, приводимых в движение водой, проколачивают на наковальнях и в конце концов обрезают. Последняя работа обыкновенно в больших размерах исполняется в России на бумажных фабриках, имен-

но по способу переплетчиков (т.е. на особых станках), так чтобы тотчас же можно было обрезки употребить в дело.

200 рабочих изготовляют здесь в течение года 20 тыс. стоп бумаги различного достоинства, от 6 до 12 руб. стопа. Между тем владелец намеревался еще улучшить и расширить свою фабрику⁸.

Два дня спустя был я на винокуренном заводе того же самого купца, расположенном в 5 верстах от города на восток⁹. Нам открылся отсюда прекрасный вид на соседний город; кроме того, мы были приведены в изумление богатой обстановкой, по которой можно судить о состоянии и вкусах домохозяина, слывающего за богатейшего человека во всей Вятке¹⁰. На самом заводе работ не производилось, потому что он бывает в действии только с сентября месяца по май и в течение этого периода выкуривает 150 тыс. ведер водки, считая по 2 руб. 60 коп. за ведро, для чего потребны 400 тыс. пудов ржи и на 8 тыс. руб. дров.

На заводе 240 рабочих и 78 котлов, от 70 до 80 ведер вместимостью, которые обыкновенно в течение дня наполняются три или четыре раза. Такой способ, как показывает опыт, далеко удобнее, нежели обыкновенный, когда употребляют котлы больших размеров, ибо здесь получается из четверти ржи 6 1/2 ведер водки, тогда как на юшковском заводе из подобного же количества выкуривается обыкновенно 5 3/4 ведра.

21 числа того же месяца, выполнив все, что требовалось при ревизии, получив от нашего любезного хозяина множество указаний относительно пути вместе с обильными горячими пожеланиями, мы еще до полудня выехали из Вятки и чрез две станции достигли уездного города Слободского.

Хотя этот город имеет всего 550 домов, но в числе их много приличных каменных, которые принадлежат богатым купцам. Лучше других казался нам дом хозяина кожевенного завода. Родственник нашего хозяина в Вятке принял нас весьма радушно, а после того, как мы посетили утром уездное училище, угостил нас прекрасным обедом.

Отсюда скоро прибыли мы в страну древних обитателей этого края вотяков...¹¹

(Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. Отд. III. Исторические сведения. С. 354–376)

Некоторые пояснения

1. Доктор медицины Иоганн-Фридрих Эрдман, работавший в Казанском университете, выехал в Вятскую губернию с целью ревизии учебных заведений.

2. Адъюнк – помощник академика или профессора; младшая ученая должность.

3. Аршауловы – вятские купцы, из «грузинской нации», ранее являлись дворовыми людьми генерал-поручика Щербинина, затем стали вольными (см.: Любимов В.А. Деловой мир старой Вятки. Словарь // Купечество вятское. Киров, 1999. С. 141). Один из известных представителей рода – Петр Григорьевич Аршаулов (ок. 1765 – 1818) – был управляющим Никулицкого винокуренного завода, принадлежащего Щербининым. У П.Г. Аршаулова были братья. Эрдман не указывает инициалы упоминаемого Аршаулова, лечить он мог именно Петра Григорьевича, который был уже немолод.

4. По пути в Вятку Эрдман осмотрел винокуренный завод Юшкова (близ г. Малмыжа), железоделательный завод Мосоловых, другие предприятия, был в городах Уржуме и Нолинске, селах Кырчаны, Суне и др.

5. Эрдман побывал в Кафедральном соборе и Трифоном монастыре, осмотрел другие достопримечательности.

6. Гедеон – вятский епископ в 1805 – 1817 гг.

7. Купцы Машковцевы владели старейшими в Вятском крае Медянской и Никольской бумажными мануфактурами, купленными ими в 1791 г. В 1816 г., когда Вятку посетил Эрдман, владельцем мануфактур являлся Иван Степанович Машковцев – крупный купец и общественный деятель: в 1814 – 1817 гг. он был бургомистром, в 1823–1825 гг. – городским головой. Находившиеся поблизости друг от друга Никольская и Медянская мануфактуры были объединены в одно предприятие.

8. Каковы были изделия Машковцевской бумажной фабрики во времена Эрдмана, я не знаю, но в Сибири мне попалась старообрядческая рукопись прошлого века на великолепной бумаге с водяными знаками этой фабрики. – Примеч. переводчика.

После отъезда Эрдмана, в 1820 – 1830-х гг., на бумажных мануфактурах И.С. Машковцева проводилась реконструкция, новое оборудование приобреталось за границей.

9. Супруга Ивана Степановича Машковцева Анна Александровна владела Никулицким винокуренным заводом, находившимся в Вятском уезде. Машковцевым же принадлежал Талицкий винокуренный завод, приобретенный в 1806 г. у чиновника Амосова.

10. Профессор Эрдман не ошибается: род Машковцевых принадлежит к древнейшим и богатейшим в Вятке. Еще в XVII в. Машковцевы ходили в государевых сборщиках и получали жалованные ковши за аккуратный сбор государевой казны. – Примеч. переводчика.

11. Далее маршрут Иоганна-Фридриха Эрдмана пролегал через Глазовский уезд; перевод с немецкого С.К. Кузнецова; публикуется в сокращении.

➤ Архиепископ Иона

➤ Кафедральный собор в г.Вятке

➤ Епископ Вятский и Великопермский Лаврентий II

ВЯТСКИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

(Составлено по: ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 433; Описание уездов, городов и других замечательных местностей Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. Вятка, 1870. Отд. V. С. 94-97; Историческое описание церквей г.Вятки // Столетие Вятской губернии. 1780 – 1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 182-207; Александро-Невский собор в городе Вятке. 2-е изд. Вятка, 1903.)

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР*

Этот собор – первый опыт каменного строения в городе Хлынове (Вятке) – заложен в 1677 г. при архиепископе Ионе, а в 1683 г. окончен и освящен, но в 1750 г. 17 февраля у главной холодной церкви отпал угол. Вследствие такой непрочной постройки в 1760 г. вместо обрушившегося храма приступлено к сооружению нового, который был окончен и освящен в 1771 г. Собор этот построен во имя святой и живоначала́ной Троицы с двумя приделами: св. Архистратига Михаила и Святителя Николая. Сумма, употребленная на строение собора, простиралась до 34 тыс. руб. Высота холодного соборного храма от основания до верхнего креста 24 сажени 6 вершков, а всего здания с крестами 25 саж. 2 аршина, длина его внутри около 30 саж.

Храм этот богато снабжен ризницею, священною утварью и другими церковными принадлежностями, снаружи отличается великолепием архитектуры, внутри же украшен богатыми иконостасами. Посреди храма возвышаются две огромные колонны, разделяющие главный храм на три части: среднюю, правую и левую. Колонны сажени на полторы от полу обтянуты красным сукном; в карнизах, устро-

енных над сукном, у обеих колонн вставлены знамена вятского ополчения в Крымскую войну. Подле южных дверей, ведущих из храма, устроено архиерейское место. На южной стороне храма находятся гробницы вятских иерархов: Ионы, умершего в 1700 г., и Варфоломея Любарского, умершего в 1774 г., на северной стороне храма гробница Лаврентия Горки, умершего в 1737 г., а под алтарем покоятся: у южной стены – епископ Лаврентий II Баранович, умерший в 1796 г., у северной – епископ Антоний Илляшевич, умерший в 1755 г. В колокольне храма устроена церковь во имя Симеона Столпника.

Из числа достопримечательностей Кафедрального собора обращают на себя особенное внимание: а) на престо́льный крест из чистого золота, украшенный бриллиантами, изумрудами и яхонтами, в нем весу 1 фунт 93 1/2

* Сохраняются стилистические особенности текста

золотника, стоит 80741 руб. 25 коп.; б) евангелие, окованное серебром с позолотой и осыпанное алмазами, яхонтами и другими драгоценными камнями; в) в алтаре холодного храма на св. престоле сереброкованная и позолоченная одежда, имеющая весу 7 пудов 8 фун., стоит 7650 руб.; г) сосуды для священнодействия серебряные и вызолоченные, украшены изумрудами и яхонтами: в них весу 16 фун. 91 золот.

Самое же драгоценное сокровище собора есть чудотворный образ Святителя Николая, явившийся в 1383 г. одному крестьянину на берегу реки Великой, на горе в чаще леса, близ нынешнего села Великорецкого, находящегося в Орловском уезде. Слава о чудесах явленной иконы быстро распространилась по Вятской стране и на месте явления был сооружен деревянный храм. Эта святыня в 1551 г. перенесена была в Хлынов и положен обет, строго исполняемый и поныне, – носить ежегодно образ на место явления. Икона Святителя Николая Великорецкого была дважды носима в Москву: в первый раз в 1552 г., в правление Иоанна Грозного, а во второй – по повелению Михаила Федоровича, в 1615 г. В оба раза эта святыня украшалась царскими пожертвованиями: Иоанн Грозный наложил на икону серебряный позолоченный оклад, а на само изображение Святителя золоченую ризу, украшенную дорогими камнями; Михаил же Федорович приложил золотой крест со св. мощами.

Кроме этой святыни, особенное внимание на себя обращают две иконы: Архистратига Михаила и Тихвинской Божьей Матери. Икона Архангела Михаила найдена одним крестьянином, пахавшим поле близ Курина монастыря, а ныне села Курина Котельничского уезда. Камень, на котором вырезан образ, есть, по-видимому, черный шифер. Резьба показывает, что икона есть произведение искусного своего времени художника и что, должно быть, она занесена в Вятский край. Икона эта по приказанию преосвященного Вениамина перенесена для свидетельства из Покровской церкви села Курина в г. Хлынов в Кафедральный собор в декабре месяце 1739 г. и с тех пор остается в нем. Икона Тихвинской Божьей Матери привезена в 1676 г. преосвященным Ионою.

Ризница Кафедрального собора отличается особым богатством. Из числа предметов, находящихся в ней, за-

мечательны две митры – бриллиантовая и алмазная и несколько таких же панагий.

УСПЕНСКИЙ ТРИФОНОВ МОНАСТЫРЬ

По писцовым книгам, та местность, где ныне находится Успенский монастырь с прилегающими к нему окрестными землями, известна была в Хлынове в прежние времена под именем Семёновской пустоши. Здесь тогда находилось городское кладбище с двумя ветхими церквями во имя Успения Пресвятой Богородицы и св. Кирилла и Афанасия, патриархов александрийских. Преподобный Трифон по желанию хлыновцев, бывши в Москве, исхлопотал у царя позволение на основание первой обители монастырской в Хлынове. Первая церковь в этой обители была названа Благовещенскою. Впоследствии Преподобный Трифон при содействии воеводы Овцына на собранные деньги со многих жителей Вятской страны построил церковь во имя Успения Божьей Матери.

В 1658 г. при первом вятском преосвященном Александре построена была архимандритом Иовом в Успенском монастыре над могилою Преподобного Трифона большая главная деревянная церковь с двумя приделами: верхним, холодным, во имя Успения Божьей Матери и нижним, теплым, во имя Благовещения. В 1662 г. в том же монастыре, по благословению того же епископа, по челобитной архимандрита Сергия создали церковь во имя Владимирской Божьей Матери с двумя приделами: во имя Трех Святителей и Чудотворцев московских Петра, Алексия и Ионы и во имя Преподобного Трифона. В 1676 г. церковь Успенская сгорела. В 1684 г. мая 26 дня, при архиепископе Ионе, начали рыть рвы для построения главной каменной церкви. Сооружением этого храма большею частью зани-

▼ Трифонов монастырь

мались сами монахи, исправляя при этом всю работу. Их было до 200 человек, в особенности трудился монах И. Злыгостев. В 1689 г. церковь была покончена строением, а в следующем году совершено и освящение.

Около 1724 – 1728 гг. построена церковь Благовещенская; Трехсвятительская построена прежде 1759 г. Когда построена Никольская – неизвестно, а освящена в 1765 г. Больничная во имя преподобных Зосимы и Савватия устроена в 1839 г. Отдельно стоящая колокольня построена около 1695 г.

Монастырь имеет очень много достопримечательных вещей: 1) потир серебряный, резной работы, приложенный при жизни Преподобного Трифона, в 1598 г., московским жильцом Иваном Млечаковым, весом, как значится на образе, 3 гривеньки 5 золотников, а по нынешнему весит 1 фунт 39 зол.; 2) рака Преподобного Трифона, литая из спрудной меди, посеребренная, на ней плащаница, вышитая золотом и шелками, с изображением Преподобного во весь рост, по краям вышит тропарь Преподобному; 3) железные вериги Преподобного Трифона весом в 8 3/4 фунта, которые, как скоро скончался он, в глазах самого архимандрита Ионы Мамина и всей братии, к крайнему удивлению их, спали сами собою с честного тела. Они хранятся, как живое знамение труженичества его, в особом ковчеге; 4) деревянный, при службах употребляемый посох Преподобного Трифона.

Мощи Преподобного Трифона, основателя вятских монастырей, покоятся под спудом в обширном пятиглавом Успенском храме, отличающимся своею красотою и

▼ Спасский собор

величественностью. Рака Преподобного Трифона находится на левой стороне храма подле стены.

В Успенском монастыре, подле соборного храма, на северной его стороне, около рундука почивают мощи Христа ради Юродивого Прокопия Вятского, скончавшегося 21 декабря 1628 г. на 51-м году жизни. Этот блаженный Прокопий сын Максима, крестьянина деревни Корякиной, родился в 1598 г., на 21-м году жизни явил себя юродствующим, проживая иногда в Хлынове, иногда в Слободском.

СПАССКИЙ СОБОР

Собор сооружен в 1769 г. на месте бывшей Спасской церкви, построенной в 1693 г. Храм этот двухэтажный с шестью приделами. Особенного внимания заслуживает здесь список с чудотворной иконы Нерукотворного Спаса. Житель Хлынова Петр Палкин, потерявший зрение и года три уже ничего не видевший, с теплою молитвою обратился к пречистому образу, находящемуся на паперти Троицкого собора, и получил исцеление 12 июля 1645 г. После этого события икона перенесена была с паперти в сам храм и сделалась особо чтимою народом. Слух о чудесах иконы скоро достиг и Москвы, откуда в 1647 г. был

Вятка. — Вятка. № 76.
Казанская улица. — Вид Казанская.

прислан игумен Московского Богоявленского монастыря Пафнутий и унес икону в Москву, где она и поставлена была в Успенском соборе. Но вскоре по повелению царя перенесена в Новоспасский монастырь, в Преображенский храм, и помещена была в иконостасе на правой сто-

Губерния Вятская

Император Александр I

Александр-Невский собор в г. Вятке

роне царских врат, на втором месте, где находится и по настоящее время. Кремлевские Фроловские ворота, чрез которые перенесена была эта святыня, переименованы с того времени в Спасские. В то же время последовало повеление не проходить с покрытой головой мимо и чрез Спасские ворота. Списанная же с иконы копия, украшенная серебряным под золото окладом, в 1648 г. 17 декабря прислана была в Хлынов. От этого списка, как значится в рукописи, находящейся в Спасском соборе, было 20 слу-чаев исцеления.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ СОБОР

Построен в память о посещении Вятки в 1824 г. императором Александром I. План собора составлен известным архитектором Витбергом, сосланным в Вятку в 1835 г. Постройка начата 30 августа 1839 г. и окончена в 1864 г. Освящение совершилось 8 октября того же года, т.е. в то самое число, в которое сорок лет назад император Александр Павлович въехал в Вятку, осчастливив ее своим посещением. Местный стихотворец в честь завершения строительства собора написал следующие строки:

*«Была пора: на Вятке отдаленной
Народ Царелюбивый ликовал:
Он ждал Царя Руси, и Царь Благословенный
Любви его любовью отвечал.*

*Увенчан славою двенадцатого года,
На русском троне ангел мира был;
И, дав Европе мир, жизнь русского народа,
Его нужды увидеть Он спешил...*

*И был на Вятке Царь Благословенный,
Народ Его с восторгом принимал,
И в память этих дней, любовью оживленный,
Построить храм тогда же завещал.*

*Прошли года. По мысли величавой,
Достойной памяти Великого Царя,
Воздвигнут Божий храм, и купол пятиглавый
Возносится над сенью алтаря.*

*Прошли года: угас Благословенный,
Немного тех, кто видел здесь Его.
Но памятник любви народа неизменной
Потомству передаст завет отцов священный –
«Молиться и любить Монарха своего».*

8-го октября 1864 г. Вятчанин»

Внутренний вид собора

Стиль постройки смешанный – византийский и готический. Общий вид храма красивый и величественный, внутренняя отделка изящно проста и гармонична. Собор расположен на обширной площади; в 1896 г. он обнесен прекрасной чугунной решеткой, внутри которой разведен сквер и против северных врат собора поставлен памятник царю-миротворцу Александру III.

Место города, на котором построен собор, весьма возвышено, и этот величественный храм, служащий украшением Вятки, виден не только со всех частей города, но и из окрестностей его верст за двадцать.

ВЯТСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I И МУЗЕЙ

Вятская публичная библиотека была открыта в 1837 г. Первая мысль об ее открытии возникла еще в 1830 г. по инициативе президента Императорского вольного экономического общества адмирала Н.С. Мордвинова, возбудившего вопрос об основании публичных библиотек в губернских городах. Вятский губернатор Ренкевич старался собрать пожертвованиями деньги, необходимые для открытия библиотеки, но собранная сумма оказалась слиш-

ком незначительной – всего 418 руб., которых не достало даже на поправку флигеля при губернаторском доме, предназначенного для помещения библиотеки и так, по недостатку средств, открытие ее не могло состояться.

Через три года вопрос о библиотеке снова был возбужден министром внутренних дел Блудовым и поддержан министром народного просвещения Уваровым. Вятский губернатор Тюфяев энергично принялся за изыскание средств для открытия библиотеки. В 1836 г. он образовал комитет публичной библиотеки и благодаря его стараниям к 1837 г. было собрано 11232 руб. 50 коп. и книгами 399 названий, причем 46 лиц обязались ежегодно жертвовать на библиотеку 1142 руб.

6 декабря 1837 г. уже при губернаторе Корнилове было отпраздновано торжественное открытие библиотеки, где известный Герцен произнес речь.

Средства новой библиотеки возрастали очень медленно, но благодаря частным пожертвованиям в 1853 г. ею был приобретен собственный дом. Однако и в лучшем помещении библиотеки читателей и подписчиков было по-прежнему мало. Наконец, в 1861 г. губернатор Клингенберг обратил особенное внимание на положение библиотеки и нашел себе энергичного сотрудника в лице попечителя библиотеки П.В. Алабина. Подавая пример сочувствия библиотеке пожертвованием 214 томов сочинений лучших авторов, Клингенберг обратился с просьбой о помощи библиотеке к различным учреждениям и лицам и собрал 1781 руб. и 94 тома книг. В то же время Алабин устраивал в пользу библиотеки аллегри, литературные и музыкальные вечера и, таким образом, общими усилиями в 1861 – 1862 гг. капитал публичной библиотеки дошел до 4816 руб., благодаря чему явилась возможность выписать много новых книг и журналов и привлечь большее число подписчиков и читателей.

Материальное положение библиотеки оказалось настолько благоприятным, что П.В. Алабин нашел своевременным возбудить вопрос об открытии при ней музея, вопрос, которым был занят еще в 1838 г. губернатор Корнилов вследствие изданных тогдашним министром внутренних дел Блудовым правил о том, чтобы вещи, остающиеся от губернских выставок местных произведений, поступали в состав губернских музеев. В 1838 г. вопрос этот не был решен благоприятно по недостатку средств, но в 1863 г. мысль Алабина поддержал губернатор Струков. Соединенными усилиями они привлекли к пожертвованиям на музей многих лиц и учреждения, как то: департаменты лесной и сельскохозяйственный, уральские горные заводы, Казанский и Московский университеты, Одесское общество истории и древностей российских. По представлению горного департамента Государь Император Александр Николаевич всемилостивейше пожаловал музею превосходную коллекцию горных пород в числе 645 образцов. Некоторые предметы были приобретены для музея и покупкой из собранной для него суммы 2786 руб. К тому времени окончились переделка и приспособление для музея и библиотеки нового большого дома, на который в 1863 г. был обменен старый. 22 января 1866 г. совершилось торжественное открытие музея. Он помещался в верхнем этаже дома, занимал восемь больших комнат и содержал до 10671 предмета по различным отраслям наук, искусств, промышленности, ремесел, сельского хозяйства и довольно богатый отдел местных произведений и редкостей. В 1873 г. из-за тяжелого финансового положения комитет библиотеки признал необходимым продать музей, который купило губернское земство за 3000 руб. для реального училища.

Библиотека управлялась особым попечительным комитетом на основании устава. 11 ноября 1898 г. Государь Император Высочайше соизволил на присвоение публичной библиотеке наименования «Вятская губернская публичная библиотека имени императора Николая I».

ГУБЕРНАТОРСКИЙ ДОМ

Построен в конце XVIII века по проекту первого губернского архитектора Ф.М. Рослякова. Находился в центре

города на Спасской улице (ныне – ул. Дрелевского) и принадлежал в начале частному лицу, причем казна нанимала его для квартиры губернатора, а в 1806 г. куплен казной. Внутреннее устройство его было весьма богато: великолепные паркетные, камин с чугунной решеткой, зимний сад и тому подобное. Во время высочайших посещений Вятки императором Александром I в 1824 г. и наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. губернаторский дом был осчастливлен их высочайшим пребыванием. В 1854 г. та часть дома, где помещался зимний сад, обрушилась, и он оставался необитаемым до 1869 г. Затем дом был уступлен под помещение окружного суда, для которого он и был приспособлен на пожертвованные земством деньги (около 10 тыс. руб.). С тех пор в доме помещался окружной суд.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД

Открыт в 1835 г. при губернаторе Тюфяеве на пожертвованные суммы и назван «Александровским» в память о посещении г. Вятки наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. Сад устроен в английском вкусе и расположен на крутом берегу реки Вятки, с которого открывается обширный и прекрасный вид на реку, окрестные леса, поля и селения. Сад украшен двумя беседками, стоящими: одна на берегу реки, а другая внутри

▼ В Александровском саду ►

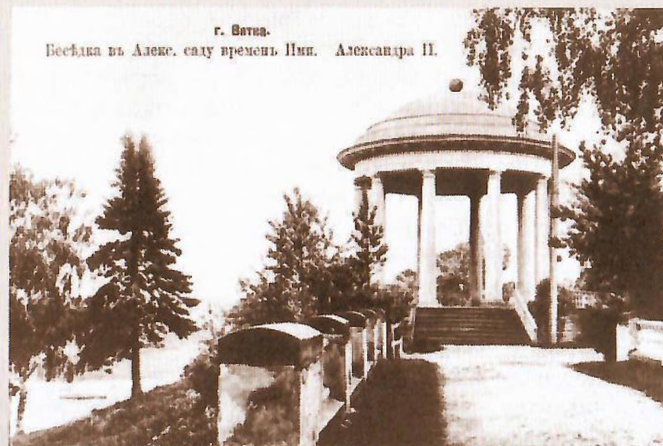
сада; обе очень красивы и стоили при постройке 15 тыс. руб. Кроме того, в саду помещалось здание летнего клуба, построенного в русском вкусе. Со стороны Соборной площади сад обнесен изящной чугунной литой решеткой с каменными воротами, сделанной по рисунку знаменитого архитектора Витберга. Деревья в саду: береза, рябина, черемуха и небольшое количество липы и хвойных деревьев. Цесаревич Александр Николаевич, прогуливаясь в этом саду в 1837 г., изволил хвалить его расположение, но нашел его еще слишком молодым.

ПАМЯТНИК АЛЕКСАНДРУ III

Безвременная кончина царя-мироотворца вызвала глубокую скорбь и общий подъем патриотического чувства по всей России. Жители Вятской губернии, глубоко чтя священную его память, пожелали увековечить ее сооруженным на средства всей губернии монументом и нашли наиболее подходящим местом для постановки этого памятника Александровскую площадь, на которой построен храм в память посещения Вятки дедом

Император Александр III ►

Памятник Александру III в г. Вятке ►►

в Бозе почившего императора Александром I Благоденным и родителем Александром II Освободителем. Памятник поставлен против северных врат собора в сквере, разведенном вокруг храма. Земля под сквер безвозмездно отведена городской думой. Сквер имеет круглую форму (90 сажен в диаметре) и обнесен чугунною решеткою на каменном фундаменте и имеет четыре чугунных ворот. Ворота, ведущие в сквер, названы: северные – именем императора Александра III, западные – именем импера-

Губерния Вятская

▼ Замок Т.Ф. Булычева. На открытии Дома инвалидов и сирот.
20 мая 1915 г.

▼ Архитектор И.А. Чарушин

тора Николая II, восточные – именем императора Николая I и южные – именем императора Александра II в воспоминание того, что время сооружения Александровского собора и устройство сквера обнимает царствования наименованных государей. Каждые ворота имеют по бокам по калитке. В решетке ворот и калиток изображены гербы уездов Вятской губернии. В каждом растворе ворот помещен герб Вятской губернии и уезда, над ним увенчанный императорской короной инициал государя, именем которого названы ворота. Решетка и ворота отлиты по рисункам архитектора И.А. Чарушина.

Сквер разбит по плану, составленному известным садоводом Регелем. Посажены в нем преимущественно деревья невысоких пород и кустарники, в углах дорожек устроены цветочные клумбы.

Памятник императору Александру III состоит из постамента и бюста. Постамент, изготовленный из светло-серого уральского полированного мрамора, имеет в высоту 6 аршин 8 вершков, а в квадратном основании 4 аршина 10 вершков, за исключением четырех приставных ступеней.

Бюст императора Александра III отлит из темной бронзы по модели художника Баха. Почивший монарх изображен в генерал-адъютантской форме, с орденом св. Георгия на шее.

Памятник поставлен в северной части сквера, лицом на север – в знак того, что государь обращал особое внимание на оживление северной России. На северной стороне постамента прибит металлический венок; на ленте его надпись: «Царю-миротворцу». В середине венка инициал «А III», а над венком императорская корона.

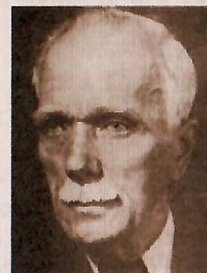
Торжество освящения и открытия памятника состоялось 30 августа 1896 г. Вятка гордится, что воздвигнутый ею почившему монарху памятник по времени сооружения первый в России.

ОСОБНЯК Т.Ф. БУЛЫЧЕВА

Одно из красивейших зданий губернской Вятки, построенное в 1909 – 1911 гг. архитектором И.А. Чарушиным для вятского пароходчика Тихона Булычева. Особняк выполнен в стиле английской готики. Имел роскошный вид и интерьеры. Современников восхищала композиция фасада здания с четырехгранной готической башней, величественными двуглавыми орлами и крылатыми грифонами, в пасти которых по вечерам горели красные лампочки. Владелец особняка строил его для дочери, но здание не стало жилым. В годы Первой мировой войны Т.Ф. Булычев передал его под «Дом инвалидов и сирот». Особняк был продан за 100 тыс. рублей, сумму значительно меньшую от реальной стоимости постройки, с условием, что благотвори-

тельные учреждения, которые разместятся в этом доме, будут носить имя Т.Ф. Булычева. Особняк, располагавшийся на ул. Николаевской (ныне – ул. Ленина), И.А. Чарушин считал лучшим своим творением. Не случайно на стене в рабочем кабинете архитектора висел проект именно этого здания.

Остается весьма сожалеть, что многие достопримечательности губернской Вятки сохранились лишь на старинных фотографиях.

3 ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В губернский период Вятская земля оформилась как обширное территориальное образование на северо-востоке Европейской России. Располагаясь на пограничье Русского Севера, Центральной России, Поволжья и Урала, она представляла собой регион с уникальной историей и культурой. Специфику местности определяли богатые «вольничьи» традиции (наследие домосковского периода), суровые природно-климатические условия, неразвитость дворянского землевладения, многонациональный состав населения. Весьма неоднородным край был и в религиозном отношении. В Вятской губернии исторически проживали представители двух конфессий – православные и мусульмане, и в то же время здесь сохранялись языческие верования, особенно среди угро-финского населения. Все эти факторы в конечном итоге повлияли на складывание неповторимого менталитета вятских людей, обладавших такими чертами, как своеволие (не случайно говорили: «На Вятке свои порядки»), трудолюбие (прожить ленивому человеку в неблагоприятных северных условиях было сложно), простота нравов, связанная с преобладанием крестьянского, далеко не всегда грамотного населения.

Губернский период явился важным этапом в оформлении системы местного управления и самоуправления. Как и в России в целом, большую роль в этом процессе сыграли екатерининские преобразования и великие реформы Александра II. Губернские правительственные учреждения (присутственные места) являлись носителями официальной идеологии и консерватизма. Несколько иной характер приобрела на Вятке деятельность органов местного самоуправления, особенно земств, где из-за незначительности помещного дворянства с самого начала видное место занимал так называемый «разночинный элемент» с присущим ему духом либерализма. Городские думы являлись более законопослушными учреждениями, что объяснялось преобладанием в их составе зажиточного населения в лице консервативного купечества.

В экономическом плане Вятская губерния хотя и оставалась слабо развитым, сельскохозяйственным регионом, но вместе с тем во второй половине XIX – начале XX в. здесь произошли многие позитивные изменения – неуклонно увеличивалось число промышленных предприятий, совершенствовалась техника, постепенно внедрялись передовые сельскохозяйственные технологии, расширялись торговые связи, развивалась кредитно-банковская система. В губернии, одним словом, набирал силу процесс капиталистической модернизации, способствовавший постепенному преодолению экономической отсталости.

После реформ Александра II, во второй половине XIX – начале XX в., заметно оживилась и общественно-политическая жизнь региона. Огромное влияние на ее развитие оказывали такие носители либеральных и революционных идей, как земцы и политические ссыльные. В начале века обстановка в губернии сильно политизировалась, что было связано с событиями Первой русской революции. Для Вятского края были характерны выступления сил разной политической направленности: от революционеров до черносотенцев. Однако же по причине слабого развития в регионе частного землевладения и фабрично-заводской промышленности накал крестьянских и рабочих выступлений здесь проявился в меньшей степени, чем в Центральной России.

Вятская губерния стала родиной многих замечательных личностей, оставивших заметный след в истории России. Впечатляет список имен деятелей культуры – вятских уроженцев: П.И. Чайковский, И.И. Шишкин, В.М. и Ап.М. Васнецовы, Ф.И. Шаляпин... Талант этих людей вобрал всю красоту и величие Вятского края.

Таким в самых общих чертах был исторический путь развития Вятской земли в губернский период дореволюционной эпохи.

Из хроники губернской жизни

XVIII век

1775 г.

7 ноября. Издаётся «Учреждение для управления губерний», по которому в России начинается проведение губернской реформы.

1780 г.

11 сентября. Екатерина II издает указ об учреждении Вятского наместничества и переименовании города Хлынова в город Вятку.

18 декабря. После пушечных выстрелов начинается торжественное открытие Вятского наместничества.

22 декабря. Состоялось открытие в г.Вятке наместнического правления (присутственных мест).

1781 г.

28 мая. Высочайше утверждены гербы уездов Вятского наместничества. Герб Вятского уезда имел следующее изображение: «В золотом поле из облака выходящая рука, держащая натянутый лук со стрелою, а над ней в верхней части щита крест красный». Этот герб стал гербом Вятского наместничества (губернии).

1784 г.

13 августа. Высочайше утвержден план регулярной застройки г.Вятки. В соответствии с планом город был разбит на кварталы.

1786 г.

22 сентября. Открытие в г.Вятке главного народного училища. На учебу первоначально поступило 29 мальчиков.

1790 г.

24 сентября. В Сарапуле, Котельниче и Нолинске открылись малые народные училища.

1792 г.

6 сентября. Открытие Котельничской городской думы.

30 октября. Открытие городской думы в г.Орлове.

19 декабря. Открытие Слободской городской думы.

1793 г.

26 августа. Первое заседание городской думы в г.Вятке.

1796 г.

12 декабря. Указ Павла I о преобразовании наместничества в Вятскую губернию.

31 декабря. Высочайше утверждены штаты (положение о числе должностных лиц) губернии. Первым вятским губернатором стал С.Н. Зиновьев, до этого – правитель Вятского наместничества.

1799 г.

16 октября. В связи с образованием самостоятельной Пермской епархии из ведения вятского епископа изъято управление церковными делами в Пермской земле. Преподосвященный Амвросий стал именоваться епископом Вятским и Слободским.

XIX век

1801 г.

15 сентября. Участие вятской депутации в церемонии коронации Александра I в Москве.

1803 г.

24 января. Вятская губерния вошла в состав Казанского учебного округа.

1805 г.

29 декабря. Последовал указ за подписью Александра I, по которому слободскому купцу К.А. Анфилову позволялось отправить в Соединенные Штаты 3 корабля без взимания с них таможенных сборов.

1809 г.

26 февраля. Землетрясение в городах Вятке, Слободском и в Вятском, Слободском, Орловском уездах. Произошло в «третьем часу по полуночи». В «Столетии Вятской губернии» отмечалось, что «были слышны всеми жителями г.Вятки два подземные удара настолько сильные, что все дома потряслись..., но вреда никакого не было им причинено» (Т. 1. Вятка, 1880. С. 343-344).

29 октября. Высочайше утвержден устав Слободского городского общественного банка, учреждаемого первостатейным купцом К.А. Анфиловым.

1811 г.

21 ноября. Открытие в г.Вятке мужской гимназии.

1812 г.

Ноябрь. Отправка вятских ополченцев на войну с наполеоновской армией. Вятские ополченцы осенью 1813 г. участвовали в сражении под Дрезденом.

1824 г.

Октябрь. Посещение Вятской губернии императором Александром I.

1832 г.

13 января. В г.Елабуге Вятской губернии в купеческой семье родился художник Иван Иванович Шишкин (1832-1898).

1835 г.

2 мая. Состоялось открытие Вятского губернского статистического комитета, на который «возложено было собирание по губернии точнейших и подробнейших сведений о состоянии всех частей управления и вообще всех предметов, принадлежавших министерству внутренних дел» (Столетие Вятской губернии. Т. II. Вятка, 1880. С. 423).

30 августа. В г.Вятке открыт Александровский публичный сад.

1837 г.

Май. Посещение Вятской губернии цесаревичем Александром Николаевичем (будущим императором Александром II).

18 мая. Открытие первой выставки естественных и искусственных произведений Вятской губернии. В ее организации участвовал ссыльный А.И. Герцен.

6 декабря. Торжественное открытие Вятской публичной библиотеки.

1838 г.

1 января. Вышел первый номер газеты «Вятские губернские ведомости».

1840 г.

25 апреля. В Воткинске Вятской губернии в семье инженера родился композитор Петр Ильич Чайковский (1840-1893).

1842 г.

29 апреля. Указом Правительствующего Сената в г.Уржуме учреждена ежегодная 9-дневная ярмарка «со дня праздника св. Троицы».

1848 г.

3 мая. В с.Лопьял Вятской губернии в семье священника родился художник Виктор Михайлович Васнецов (1848-1926).

Губерния Вятская

1850 г.

25 января. В г.Вятке открыто благородное собрание. Его члены должны были платить ежегодный взнос в размере 10 руб. Первоначально членов Вятского благородного собрания насчитывалось 60 чел.

1855 г.

Октябрь. В Вятской губернии осуществлялся набор ратников в Государственное ополчение для борьбы с Турцией. В дальнейшем, когда ополченцы шли к Москве, стало известно о роспуске Государственного ополчения в связи с окончанием военных действий (Крымская война 1853 -1856 гг.).

1856 г.

6 августа. В с.Рябово Вятской губернии в семье священника родился художник Аполлинарий Михайлович Васнецов (1856-1933).

8 декабря. Высочайше утвержден герб Вятской губернии.

1859 г.

11 октября. Открытие в г.Вятке женского училища 1-го разряда (женской гимназии).

1861 г.

9 марта. В Вятке получен Высочайший манифест 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права.

2 мая. Прибытие в губернский центр первого вятского парохода купцов А. Куклина, В. Столбова, И. Чудиновских.

1862 г.

6 ноября. В г.Котельниче открылся общественный банк на пожертвование (10 тыс. руб.) купца М.И. Кардакова.

9 декабря. Открытие в г.Вятке телеграфной станции. Для передачи депеш (телеграмм) установлены следующие

цены: в Петербург за каждые 20 слов – 3 руб. 50 коп.; в Москву – 3 руб.; в Нижний Новгород – 2 руб.; в Казань – 1 руб. 50 коп.

1864 г.

8 октября. Состоялось освящение Александро-Невского собора в г.Вятке, построенного по проекту А.Л. Витберга.

1866 г.

22 января. Торжественное открытие Вятского публичного музея, созданного по инициативе чиновника и просветителя П.В. Алабина.

1867 г.

20 мая. Открылось первое заседание Вятского губернского земского собрания.

1873 г.

1 февраля. В г.Казани в семье выходцев из вятских крестьян родился певец (бас) Федор Иванович Шалапин (1873-1938).

29 мая. Прошло первое общее собрание членов Вятского благотворительного общества.

1874 г.

1 июля. Открытие Вятского окружного суда.

1877 г.

5 мая. Отправлен Вятский подвижной госпиталь на 200 кроватей (Русско-турецкая война 1877-1878 гг.).

23 октября. В г.Вятке состоялось открытие зрительного зала (театра), устроенного на частные пожертвования. В этот день на здании театра развевался флаг с изображением вятского герба.

1878 г.

21 мая. В г.Вятку на пароходе прибыл министр народного просвещения граф Д.А. Толстой. Он осматривал

местные учебные заведения и сказал о Вятке: «Я нашел Италию на севере»; «Не в Вятку следовало ссылать преступников, но из Вятки высылать в наказание в другие губернии».

1879 г.

28 октября. Открытие Вятской общины сестер Красного Креста. Попечительницей общины являлась супруга губернатора Н.Е. Тройницкая.

1880 г.

1 октября. Торжественное открытие в г.Вятке Александровского земского реального училища.

1894 г.

31 марта. Вышел первый номер земской «Вятской газеты».

1898 г.

2 ноября. Прошел первый поезд по железнодорожной линии Пермь-Вятка-Котлас; постоянное движение по ней было открыто в 1899 г.

XX век

1901 г.

21 декабря. Высочайше утвержден Устав товарищества Вятско-Волжского пароходства.

1903 г.

6 декабря. Открытие первой электростанции в губернском центре.

1904 г.

30 января. В Вятском кафедральном соборе совершено архиерейское служение о даровании победы России над Японией.

28 ноября. Образована Вятская ученая архивная комиссия.

1905 г.

18 декабря. В г.Вятке произошло вооруженное столкновение между дружиной Крестьянского союза и силами правопорядка. Сопrotивление дружины было сломлено, участники выступления отданы под суд.

Декабрь. Образование Вятской губернской организации кадетской партии.

1906 г.

Март. Образование Вятской народной монархической партии.

14 апреля. В здании Вятской мужской гимназии открылось губернское избирательное собрание по выборам 13 членов Государственной Думы от Вятской губернии.

15 октября. Вятка соединяется железнодорожной линией с Петербургом.

1910 г.

5 декабря. Открыт Вятский художественно-исторический музей.

1914 г.

1 июля. В г.Вятке открылся Учительский институт.

17 августа. В помещении Вятской губернской земской управы состоялось организационное собрание Общества помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения Вятской губернии, призванных в мобилизацию 1914 г.

1917 г.

6 марта. В результате событий Февральской революции вятский губернатор Н.А. Руднев передал управление губернией председателю губернской земской управы. В истории Вятского края начинается новый период.

ПРИМЕЧАНИЯ

Раздел I.

Территория и власть

Очерк «Родословная территории»

1. Цит. по: Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История. Киров, 1995. С. 75-76.
2. Там же. С. 128.
3. Там же. Т. 1. Города. Киров, 1994. С. 107-109.
4. См.: Зеленин Д.К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1905 г. Вятка, 1905. Отд. II. С. 1-52; Семибратов В.К. Вятские: какие они есть. Общее и особенное // Вятка: краеведческий сборник. Вып. IX. Киров, 1991. С. 37-57; и др.
5. Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевое уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М., 1994. С. 158.
6. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913. С. 106.
7. ПСЗ. Собрание первое. Т. 4. №2218.
8. Там же. Т. 7. №5065.
9. Готье Ю.В. Указ. соч. С. 150.
10. ПСЗ. Собрание первое. Т. 20. №15058.
11. Там же.
12. Бехтерев Н. Открытие Вятского наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780 – 1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 9-33.
13. ПСЗ. Собрание первое. Т. 21. №15164.
14. Там же.
15. Там же. Т. 24. №17634.
16. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 38713. Л. 1.
17. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края: Прил.: к 2 т. сб. «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881. С. 141.

Очерк «Вятские губернаторы»

1. Герцен А.И. Соч. в 4 т. Т. 1. М., 1988. С. 232.

2. Там же. С. 233.
3. Материалы для биографий некоторых воевод, наместников и губернаторов // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. Вятка, 1870. Отд. V. С. 223.
4. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 416. Л. 19 об.
5. Материалы для биографий... С. 222.
6. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 420. Л. 31 об.
7. Там же. Л. 38.
8. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 416. Л. 20 об.
9. См.: Шабалин П. Губернаторы на Вятке // Выбор. 1992. №14. 17 – 23 апр.; Они правили губернией 120 лет // Вятский край. 1996. №82. 5 мая.
10. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 416. Л. 19 об.
11. Цит. по: Петряев Е.Д. М.Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. Киров, 1988. С. 52.
12. ГАРФ. Ф. 102. 3 ДП. 1894. Д. 104. Ч. 39. Л. 2.
13. Герцен А.И. Указ. соч. С. 233.
14. Там же.
15. Там же. С. 246.
16. Там же. С. 288-289.
17. Из записок преосвященного Никодима Казанского // ТВУАК, 1912. Вып. III. Вятка, 1912. Отд. III. С. 49-50.
18. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 420. Л. 38.
19. Там же. Л. 42.
20. Там же. Л. 45.
21. Цит. по: Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2004 г. Киров, 2003. С. 196.
22. Вятский вестник. 1907. №222. 20 окт.
23. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 416. Л. 20 об.
24. Там же. Д. 337. Л. 15-15 об.
25. Там же. Л. 16-16 об.
26. Там же. Л. 118 об. – 119.
27. Там же. Л. 15 об.
28. Цит. по: Энциклопедия земли Вятской. Т. 3. Ратные подвиги. Киров, 1995. С. 122-123.
29. Вятская речь. 1917. №54. 9 марта.
30. Трушков С.А. Администрация и полиция Вятской

губернии второй половины XIX – начала XX вв. Киров, 2003. С. 130.

31. ГАКО. Ф. 582. Оп. 34. Д. 69. Л. 11.

Очерк «Из истории вятского самоуправления»

1. Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества. 1780 – 1880 // Столетие Вятской губернии. 1780 – 1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 254.

2. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Л., 1984. С. 61, 63.

3. Подробнее см.: Сергеев В.Д. Из истории вятских газет. 1837 – 1917. Вятка (Киров), 2002. С. 41-50.

4. ГАКО. Ф. 587. Оп. 10. Д. 9. Л. 113.

5. Вятская речь. 1912. №248. 9 нояб.

6. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 89.

7. Там же. Ф. 587. Оп. 10. Д. 9. Л. 113 об. – 114.

8. Там же. Л. 273-274 об.

9. Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 100 об.

10. Там же. Ф. 587. Оп. 10. Д. 9. Л. 607.

11. Там же. Л. 679-679 об.

12. Там же. Л. 696-696 об.

13. Там же. Оп. 2. Д. 274. Л. 32-33 об.

14. Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 90.

15. Там же.

16. Вятская речь. 1912. №248. 9 нояб.

17. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 90.

18. Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1. Л. 12; Вятское уездное земство было открыто 8 января 1867 г.

19. Там же. Ф. 587. Оп. 19. Д. 76. Л. 24-25.

20. Там же. Л. 25.

21. Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 285. Л. 24-24 об.

22. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17-го по 21-е декабря 1895 г.). Т. 1. Вятка, 1896. С. 722-725.

23. См.: Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: В 4 т. СПб., 1909 – 1911. Т. 4. С. 653; Журналы Вятского губернского земского собрания... Т. 1. С. 332-389.

24. Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962. С. 177-178.

25. ГАКО. Ф. 587. Оп. 19. Д. 76. Л. 46, 49.

Раздел II.

Эпоха капитализма на Вятской земле
(1860 – 70-е гг. – 1917 г.)

Очерк «Население и экономическое развитие»

1. Вятская хроника за последние 25 лет (1855 – 1880). По Вятским губернским ведомостям // Столетие Вятской губернии. 1780 – 1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 21-22.

2. Вятские губернские ведомости. 1861. №18. 6 мая.

3. См.: Календарь Вятской губернии на 1880 г. Вятка, 1879. Отд. II; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. X. Вятская губерния. СПб., 1904. С. 1; Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1916 г. Вятка, 1916. Отд. I.

4. Первая всеобщая перепись... С. 2.

5. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись... С. 2-3.

6. Календарь Вятской губернии на 1887 г. Вятка, 1886. Отд. II. С. 24.

7. Цит. по: Из записок преосвященного Никодима Казанского // Энциклопедия земли Вятской. Т. 1. Города. Киров, 1994. С. 108.

8. Приложение ко Всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1874 г. С. 2.

9. Там же. С. 10.

10. Мусихин В.Е. Вятские крестьяне в начале XX в. // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История. Киров, 1995. С. 286.

11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 33. Д. 35-б. Л. 7.

12. См.: Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 235; Мусихин В.Е. Указ. соч. С. 292.

13. ГАРФ. Ф. 102. 4 ДП. 1909. Д. 108. Ч. 15. Л. 38.

14. Табл. сост. по источникам: Приложение ко Всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1877 г.; ... за 1888 г.; ... за 1890 г.; ... за 1895 г.; ... за 1900 г.; ... за 1905 г.; ... за 1910 г.; ... за 1913 г.; ... за 1914 г.; ... за 1915 г.

15. Приложение... за 1900 г. Ведомость №2.

16. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX в. Ижевск, 2001. С. 137-144.

17. Вятские губернские ведомости. 1861. №18. 6 мая.

Губерния Вятская

18. См.: Приложение... за 1895 г. С. 26; Приложение... за 1915 г. С. 53.

19. Приложение... за 1874 г. С. 48.

20. По данным на 1897 г. См.: Первая всеобщая перепись... С. 2.

21. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3-8.

22. Клепиков К.И. Сборник статей вятского старожила. Вятка, 1899. С. 6.

23. Он же. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900. С. 4.

24. Вятский вестник. 1906. №257. 28 нояб.

25. Авдеева В.Г. Крестьянское движение в Вятской губернии в пореформенный период (60 – 70-е гг. XIX в.) // Ученые записки КГПИ им. В.И. Ленина. Вып. 19. Киров, 1965. С. 24-114.

26. ГАРФ. Ф. 102. 3 ДП. 1885. Д. 59. Ч. 19. Л. 6 об. – 7.

27. Там же. Ф. 102. Д – 3. 1893. Д. 152. Ч. 41. Л. 2.

Очерк «Предпринимательские династии»

1. Деятельности Я.А. Прозорова посвящены следующие работы: Памяти Якова Алексеевича Прозорова // Вятские губернские ведомости. 1881. №16. 25 февр.; Ратьков-Рожнов В.А. Выдающийся благотворитель г.Вятки Яков Алексеевич Прозоров. Вятка, 1896; Кощеева В.И. Яков Алексеевич Прозоров, вятский первой гильдии купец, потомственный почетный гражданин, коммерции советник, меценат вятского просвещения. Вятка, 2000; Она же. Время собирать камни (Купцы Прозоровы и благотворительность). Вятка, 2001; Она же. Прозоровы в Петербурге. Вятка, 2001.

2. О записной книжке Семена Антоновича упоминается в мемуарах А.А. Прозорова «Род Прозоровых» (ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 5).

3. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 10-10 об.

4. Там же. Л. 9.

5. РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3937. Л. 1.

6. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. III. Вятка, 1870. С. 25.

7. Вятские губернские ведомости. 1881. №12. 11 февр.

8. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 10.

9. Там же. Л. 10 об.

10. Памятная книжка... на 1870 год. Отд. V. Вятка, 1870. С. 110.

11. Дюма А. Путевые впечатления. В России. Соч. в 3 т. Т. 3. М., 1993. С. 148-149.

12. Обнорская Н.В. Из истории семьи Пастуховых – крупнейших купцов Ярославля середины XIX в. // Путь в науку: Сб. научных работ аспирантов и студентов исторического факультета. Вып. 3. Ярославль, 1997. С. 39-40.

13. Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М., 1984. С. 97-98.

14. Там же. С. 98.

15. Там же.

16. Там же. С. 166-167.

17. Вятский край. 1896. №132. 12 нояб.

18. Павлов М.А. Указ. соч. С. 99, 101.

19. Вятский край. 1895. №1. 2 марта.

20. Вятские губернские ведомости. 1891. №6. 19 янв.

21. Об истории этого учебного заведения повествует книга «Имею честь быть Вашим... К столетию училища имени Н.П. Пастухова». Рыбинск, 2000. – 129 с.

22. См.: Панькова С.Н. Купцы Кардаковы: годы и судьбы // Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Киров, 1999. С. 121-130; Ощепков К.П. Из рода Кардаковых // Вятский край. 1994. №50/1. 13 марта.

23. ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 36. Л. 217-219.

24. Там же.

25. Кардакова Н.И. Путешествие в мою жизнь. Воспоминания. 2-е изд. Киров, 2003. С. 21.

26. Там же. С. 9-10.

27. ГАКО. Ф. 582. Оп. 34. Д. 10. Л. 12-17 об.

28. Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 902. Л. 180-187 об.

29. Там же.

30. Там же.

31. Там же. Ф. 499. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.

32. Там же. Л. 2 об.

33. Там же. Д. 17. Л. 80.

34. Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3 об., 4 об., 8.

35. ГАКО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

36. Там же. Д. 7. Л. 50.

37. Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

38. Там же. Ф. 499. Оп. 1. Д. 210. Л. 13.

39. Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 30. Л. 96.

40. Там же. Д. 2. Л. 2 об.

41. Вятская речь. 1917. № 53. 8 марта.

Очерк «Благотворительность и меценатство»

1. ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 461. Л. 4.
2. См.: Бурыйшин П.А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. С. 190-191; Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 108-110; Думова Н.Г. Московские меценаты. М., 1992. С. 139; Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М., 1998. С. 154-156.
3. Вятские епархиальные ведомости. 1904. №13. 1 июля.
4. Цит. по: Бурыйшин П.А. Указ. соч. С. 117.
5. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 420. Л. 46 об., 51.
6. Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962. С. 181-182.
7. Герцен А.И. Соч. в 4 т. Т. 1. М., 1988. С. 320.

Раздел III. Политика и вятское общество

Очерк «Вятская ссылка»

1. См.: Луппов П.Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933. С. 16-17; Бердинских В.А. Ссылный князь (П.В. Долгоруков в вятской ссылке) // Занимательное краеведение: вятский сундук. Киров, 1996. С. 72-78.
2. ТВУАК, 1906. Вып. I – II. Вятка, 1906. Отд. III. С. 89.
3. Там же. С. 90.
4. Шпион Наполеона в ссылке // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1912. Август. С. 615-621.
5. Там же. С. 617.
6. Там же. С. 621.
7. ГАКО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1262. Л. 2-2 об.
8. Герцен А.И. Соч. в 4 т. Т. 1. М., 1988. С. 238.
9. Луппов П.Н. Указ. соч. С. 14.
10. Читальный зал РГИА. Библиотека. Оп. 1. № 20. Л. 7.
11. Цит. по: Луппов П.Н. Указ. соч. С. 183.
12. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 77.
13. Подробнее о ссылных поляках см.: Фоменкова В.М. Участники польского освободительного движения в вятской ссылке // Ученые записки КГПИ им. В.И. Ленина. Вып. 19. Киров, 1965. С. 115-174; Дворецкая Т.А. Участники

польского восстания 1863 – 1865 годов в вятской ссылке. Киров, 2002.

14. Чарушин Н.А. Указ. соч. С. 76.

15. Вятские губернские ведомости. 1878. №2. 7 янв.

16. Там же.

Очерк «Земские либералы»

1. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. Л. 5-46; Далее в тексте приводятся цитаты из этого документа.
2. Вятская речь. 1914. №105. 20 мая.
3. ГАРФ. Ф. 102. 3 ДП. 1884. Д. 330. Л. 1.
4. Там же. Д. 88. Ч. 23. Л. 2 об. – 9.
5. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 4. СПб., 1911. С. 650.
6. Сергеев В.Д. Вятские «нигилисты». Из истории разнотинной интеллигенции Вятки. Петропавловск-Камчатский, 1994. С. 47-58.
7. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 160. Л. 36 об.
8. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 59-60.
9. Вятская речь. 1910. №19. 24 янв.
10. Всеподданнейший отчет вятского губернатора за 1896 год // Читальный зал РГИА. Библиотека. Оп. 1. №20. Л. 13-б.
11. Там же.
12. ГАРФ. Ф. 102. 3 ДП. 1900. Д. 1. Ч. 71, л. А. Л. 2.

Очерк «Черные дни 1905 года»

1. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 271. Л. 8-8 об.
2. Там же. Д. 221. Л. 17-17 об.
3. Там же. Л. 29.
4. Там же. Л. 25, 32.
5. Там же. Л. 18.
6. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 118. Л. 2.
7. Там же. Ф. 582. Оп. 146. Д. 221. Л. 32.
8. Там же. Л. 34.
9. Там же. Л. 27 об.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 221. Л. 5-5 об.; Более подробно о событиях, произошедших в Уржуме после выхода манифеста 17 октября 1905 г., сообщается в архивном деле №224 (см.: ГАКО. Ф. 582. Оп. 146).

11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 224. Л. 5 об.
12. Там же. Д. 232. Л. 3 об. – 4.
13. Там же. Л. 3 об.
14. Там же. Л. 3 об., 29.
15. Там же. Л. 3 об.
16. Там же. Л. 29.
17. Там же. Л. 5-6.
18. Там же. Л. 8.
19. Там же. Л. 11.
20. Там же. Л. 12-12 об.
21. Там же. Л. 27-27 об.
22. Там же. Л. 33 об.
23. Там же. Л. 36 об.
24. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 230. Л. 1.
25. Там же. Л. 4.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 228. Л. 7 об., 68.
27. Там же. Л. 68 об.
28. Там же. Л. 11.
29. Там же. Л. 19-20.
30. Там же. Л. 31.
31. Там же.
32. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 237. Л. 3.
33. Там же. Л. 1.
34. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 242. Л. 43-43 об.
35. Там же. Д. 225. Л. 12.
36. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 229. Л. 7-9.
37. Там же. Л. 47.
38. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 220. Л. 3.
39. Там же.
40. Там же. Л. 25.
41. Там же. Л. 31 об.
42. Там же. Л. 33.
43. Там же. Л. 162 об.
44. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 235. Л. 9 об.
45. Там же. Л. 10 об.
46. Там же. Л. 23-23 об.

Очерк «Вятские люди от Земских соборов
к Государственной думе»

1. ТВУАК, 1905. Вып. V – VI. Вятка, 1905. Отд. III. С. 226.
2. Там же. С. 226-227.

3. Вятский вестник. 1907. №37. 15 февр.
4. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1638 (листы не указаны).
5. Там же. Д. 1639.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 242. Л. 20-20 об., 32-34 об., 56-57, 84 об. – 85.
7. Против смертной казни. Речь депутата от Вятской губернии в первой Государственной Думе прот. Н.В. Огнева. Отд. оттиск из газ. «Епарх. отголоски», 1906, №63. Вятка, 1906. – 10 с.
8. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 178. Л. 84-84 об.
9. Там же. Д. 823. Л. 118-118 об.
10. Сведения о членах II Государственной Думы содержатся: ГАКО. Ф. 587. Оп. 11. Д. 227. Л. 303-315; Далее приводятся материалы из этого архивного дела.
11. Там же. Л. 347.
12. Там же. Л. 347-347 об.
13. Там же. Л. 357 об.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. Л. 349 об.
17. ГАРФ. Ф. 102. 4 ДП. 1912. Д. 130. Ч. 15. Л. 2.

Раздел IV. Мозаика
вятской культуры
Очерк «Вятские школы»

1. Иоганна-Фридриха Эрдмана путешествие по Вятской губернии летом 1816 г. // Календарь Вятской губернии на 1893 г. Вятка, 1892. Отд. III. С. 363.
2. Васильев М.Г. История вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911. С. 262.
3. Там же. С. 183; Стихотворение было прочитано учащимся VIII кл. В. Антошевским; автором являлся Н. Буш, который тоже учился в гимназии, в будущем – известный ботаник, член-корр. АН СССР.
4. Воспоминания А.В. Кострова были записаны автором этих строк в г.Уржуме в 1993 г.

Очерк «Хранители старины»

1. ТВУАК, 1905. Вып. I. Вятка, 1905. Отд. I. С. 36-37.
2. ГАКО. Ф.170. Оп. 2. Д. 3. Л. 16.
3. ТВУАК, 1905... С. 19.

4. «Старый чернорабочий...» – это выражение самого А.С. Верещагина; ТВУАК, 1905... С. 24-32.

5. Там же. С. 42.

6. См. подробнее: Чудова Г.Ф., Колупаева В.Н. Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» 1905 – 1917 гг.». Киров, 1993.

7. Там же. Д. 8. Л. 30.

8. Там же. Д. 75. Л. 1-1 об.

9. ТВУАК, 1905... С. 46; ТВУАК, 1906. Вып. V-VI. Вятка, 1907. Отд. I. С. 27.

10. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 7. Л. 23.

11. Там же. Л. 21.

12. Там же. Л. 17.

13. Там же. Л. 34.

Очерк «Из провинциальной мемуаристики»

1. См.: Сборник статей вятского старожила К.И. Клепикова. Вятка, 1899; Воспоминания вятского старожила К.И. Клепикова. Вятка, 1899; Клепиков К.И. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900; Автобиография К.И. Клепикова. Вятка, 1902; В 1913 г. в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии» печатается рукопись протоиерея Николая Кувшинского «Несколько сведений из вятской хроники прошлых времен», в основу которой легли воспоминания вятского купца Александра Егоровича Рязанцева (1786 – 1867). Этот факт дает нам право называть последнего мемуаристом (Кувшинский Н.П. Несколько сведений из вятской хроники прошлых времен (Со слов вятского купца Александра Егоровича Рязанцева и некоторых других лиц писано в 1863 году) // Труды Вятской ученой архивной комиссии, 1913 г. Вып. I-II / Под ред. Н.А. Спаского. Вятка, 1913. Отд. III. С. 1-21); Прозоров А.А. Род Прозоровых; Город Вятка и его обыватели; Мемуары о вятском театре. Эти воспоминания хранятся в Государственном архиве Кировской области (Ф. 170. Оп. 1. Д. 171, 337, 420); они представляют собой три машинописные книжки-тетради с правкой автора.

2. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337, 420; Автобиография К.И. Клепикова. Вятка, 1902; Клепиков К.И. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900. С. 8-10.

3. Одним из первых исследователей истории династии Рязанцевых стал А.А. Спицын (См.: Спицын А.А. Ис-

тория рода Рязанцевых. Вятка, 1884); Рязанцев А.Е. Указ. воспоминания. С. 10.

4. Рязанцев А.Е. Указ. воспоминания. С. 10-11.

5. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 12 об.-13.

6. Рязанцев А.Е. Указ. воспоминания. С. 12.

7. Там же.

8. Там же. С. 14.

9. Там же. С. 6.

10. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1 Д. 420. Л. 46 об.-47.

11. Там же.

12. Клепиков К.И. Воспоминания вятского старожила. Вятка, 1899. С. 3.

13. Его же. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900. С. 8-9; Подобные же мысли звучат в мемуарах А.А. Прозорова. «...Счастливый исход жизни, быть может, происходит и от моего мирозерцания. Я верю в Бога и его присутствие во мне...», – пишет он (ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 142 об.).

14. Там же.

15. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1 Д. 337. Л. 135-135 об.

16. Клепиков К.И. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900. С. 9.

17. Хохлов И.А. История моей жизни // Герценка: Вятские записки. Вып. 6. Киров, 2004. С. 139-183.

18. Там же. С. 140.

19. Там же.

20. Там же. С. 163.

21. Там же. С. 169.

22. Там же. С. 170.

23. Там же. С. 176.

24. Там же. С. 177-178.

Список сокращений

ГАКО – Государственный архив Кировской области;

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации;

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи;

РГИА – Российский государственный исторический архив;

РГАДА – Российский государственный архив древних актов;

ТВУАК – Труды Вятской ученой архивной комиссии.

ИЗДАТЕЛЬ ОБ АВТОРЕ...

Уважаемые читатели! Публикуя эту замечательную книгу, не могу не познакомить вас с ее автором. С одной стороны, он и его работы известны в научных кругах Вятки и России, с другой – конкретные факты его биографии не освещались в печати. Они интересны и помогут понять, какой путь и какой труд стоит за историей создания данной книги.

Судовиков Михаил Сергеевич родился в г.Кирове, в 1987 г. поступил на исторический факультет Кировского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (ныне – Вятский государственный гуманитарный университет). Со студенческих лет Михаил проявил интерес к исследовательской работе. Любимым местом его научных поисков становится краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена, где собраны и хранятся уникальные старинные издания. Молодого исследователя часто можно было встретить и в архиве. По крупицам он начинает воссоздавать исторический облик Вятского края, особенно те его страницы, которые забыты, – это история купечества с его широкой общественной и благотворительной деятельностью, история местного самоуправления и Вятской епархии.

Возможность изучения этих тем стала следствием горбачевской перестройки, на которую и пришлось студенческие годы М.С. Судовикова. Он публикует свои первые статьи в газетах «Выбор», «Вятский край», «Вятский епархиальный вестник». На старших курсах постоянно участвует в институтских научных конференциях, выступает на краеведческих четвергах в областной библиотеке, вместе с однокурсниками выезжает в Ленинградскую область для сбора материалов в областную «Книгу памяти», занимается в архиве министерства обороны в г.Подольске Московской области по той же теме.

После окончания института М.С. Судовиков несколько лет работал в Государственном архиве Кировской области, куда был приглашен на должность ведущего археографа. Как архивист Михаил Сергеевич активно участвует в работе над масштабным проектом Кировской писательской организации 1990-х годов – 10-томной «Энциклопедией

земли Вятской», он предлагает ввести в это издание специальный раздел и придумывает ему название – «С архивной полки». В этом разделе публикуются неизвестные документы по истории Вятской земли, редкие воспоминания, которые, таким образом, впервые вводятся в научный оборот.

Работая в архиве, М.С. Судовиков знакомится со многими интересными людьми – учеными, литераторами, журналистами, политиками, предпринимателями. Творческое сотрудничество с писательницей и краеведом Т.К. Николаевой вылилось в сборник «Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности». Михаил Сергеевич участвует практически во всех научных конференциях по исторической проблематике, проводимых в Кировской области.

М.С. Судовиков – участник археографических и этнографических экспедиций по историческим местам Вятского края. Вместе со своим школьным учителем В.В. Коваленко он выезжал в 1993 г. в г.Уржум, где записывал воспоминания старожилов, вел сбор личных документов, которые в настоящий период находятся на хранении в Государственном архиве Кировской области. Продуктивной была и поездка в Подосиновский район Кировской области в 1994 г. с талантливым исследователем старой Вятки и поэтом В.А. Любимовым. Постепенно сбор документов становится одним из основных направлений архивной деятельности молодого историка. М.С. Судовиков участвует в создании личных фондов историков А.В. Эммаусского, А.И. Лахмана, краеведа В.А. Шарыгина, писателя Л.В. Дьяконова и др., передаваемых на государственное хранение. Михаил Сергеевич ведет переписку и встречается с москвичами, чьи родословные корни связаны с Вяткой. Среди них – писатель, автор книги «Как кончаются войны» В.Е. Субботин, Н.Е. Завойская, сотрудник РНЦ «Курчатов-

Из публикаций М.С. Судовикова ▶

ский институт», филолог и историк, с кем дружба продолжается до сих пор.

С 1996 г. по 1999 г. М.С. Судовиков обучался в очной аспирантуре на кафедре политической истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Работая над темой кандидатской диссертации – «Общественно-политическая деятельность провинциального купечества России во второй половине XIX – начале XX в.» (науч. рук. – засл. профессор МГУ В.А. Кувшинов), он много и плодотворно занимался в Государственном архиве Российской Федерации, Российской государственной библиотеке, Государственной публичной исторической библиотеке России. Михаил Сергеевич часто выступает с научными докладами, его статьи публикуются в Москве, Рязани, Кирове. Став победителем в грантовом конкурсе «Работа в архивах и библиотеках», он едет в Петербург, где занимается в Российском государственном историческом архиве, знакомится и изучает исторические достопримечательности столицы Российской империи. Результатом интенсивной научной деятельности М.С. Судовикова становится успешная защита кандидатской диссертации в ноябре 1999 г.

В Москве М.С. Судовиков знакомится с Президентом Российского терминологического общества, доктором филологических наук В.А. Татариновым, который предлагает ему стать соредактором нового исторического журнала «Русский Исторический Вестник». Первый том этого издания выходит в 1998 г., впоследствии были выпущены второй (М., 1999) и третий (М., 2000) тома. На страницах журнала публикуются работы ученых МГУ, преподавателей других вузов, исследования зарубежных авторов. Авторами трудов стали академики Б.А. Рыбаков, О.Н. Трубачев, член-корреспондент РАН Л.В. Милов и ряд других маститых ученых.

Издание В.А. Татарина и М.С. Судовикова экспонировалось на книжной выставке, посвященной 90-летию со дня рождения Б.А. Рыбакова, в Российской государственной библиотеке и получило высокие оценки в научной периодике.

В настоящий период М.С. Судовиков работает в Вятском государственном гуманитарном университете, с 2001 г.

он – заведующий кафедрой отечественной истории. Михаил Сергеевич читает лекции по курсам «История России XVII – XVIII вв.», «Источниковедение», спецкурсу «История российского предпринимательства» и др., руководит дипломными и курсовыми проектами сту-

дентов. Плодотворной остается его научная деятельность. Михаил Сергеевич участвовал в написании статей и очерков, редактировал и выступал научным консультантом таких изданий, как «Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность» (Киров, 2002), «Вятское предпринимательство: история и персоналии» (Киров, 2003), «Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2004 г.; 2005 г.; 2006 г.», «Вятский государственный гуманитарный университет. 1914 – 2004» (Киров, 2004), «Россия и Вятский край в исторической ретроспективе» (Киров, 2005) и др. Он подготовил ряд учебных изданий, среди них – «Вятское купечество в воспоминаниях современников» (Киров, 2003; 2-е изд. Киров, 2005), учебно-методические комплексы: «История России XVII – XVIII вв.» (Киров, 2003), «История российского предпринимательства» (Киров, 2004), «История регионального купечества России (Вятская губерния)» (Киров, 2004). При участии М.С. Судовикова публикуются мемуары интересных личностей – Н.И. Кардаковой «Путешествие в мою жизнь» (Киров, 2002; 2-е изд. Киров, 2003), И.А. Хохлова «История моей жизни» (Герценка: вятские записки. Вып. 6. Киров, 2004).

М.С. Судовиков является одним из организаторов международных и региональных конференций – «Предпринимательство и благотворительность в России: истоки и современность» (2000 г.), «Проблемы повышения деловой культуры в России» (2002 г.), «Актуальные проблемы истории Вятско-Камского края. К 105-летию со дня рождения А.В. Эммаусского» (Киров, 2003), «Вятка: народное образование и благотворительность» (Киров, 2004) и др.; активно участвует в работе Вятского Прозоровского культурно-просветительного общества.

М.С. Судовиков постоянно находится в научном поиске, у него много издательских проектов и жизненных планов, и давайте пожелаем ему их скорого и более легкого осуществления.

... И О КНИГЕ

Дорогие читатели! Книга М.С. Судовикова – это не только история Вятской губернии. Это забытая (вычеркнутая, но воссоздаваемая автором по крупицам) история России. На основе редких документальных материалов, извлеченных автором из местных и центральных архивов, повествуется о важнейших сторонах жизнедеятельности одной из самых обширных на северо-востоке Европейской России территории.

Вятская губерния, образованная в 1796 г., к началу XX в. представляла собой регион с положительными тенденциями в развитии экономики, с развитой системой местного самоуправления и оживленной общественно-политической жизнью. Книга содержательна и интересна с точки зрения нескольких подходов:

во-первых, документально подтвержденная история губернии рассматривается через призму особенностей территориального, экономического, социального, политического и культурного развития, рассматривается многогранно, включая все основные сферы общественного развития;

во-вторых, не идеализируя исторические события и факты, их позитивных и негативных последствий, автор огромное внимание уделяет тем сторонам исторического процесса, которые актуальны в настоящий период, – это вопросы экономического развития, местного самоуправления, благотворительной и меценатской деятельности и т.д.;

в-третьих, в книге находят отражение не только целостные явления той эпохи, но и история Личностей – чиновников, деятелей местного самоуправления, предпринимателей, политиков. Издание содержит богатейшие иллюстративные материалы из личных коллекций и фондов учреждений науки и культуры.

Автору удалось достичь редкого сочетания научности и живого литературного языка, понятного широкому кругу читателей. Уникальность содержания книги мы (издатель, дизайнеры и другие работники издательства) хотели бы подчеркнуть, выделить оригинальным макетом, который делался с любовью, особой ответственностью.

Незначительный тираж, большая часть которого, надеюсь, будет закуплена библиотеками, делает каждый эк-

земпляр книги раритетом, библиографической редкостью. Издание заслуживает многократно большего тиража и более дорогого полиграфического исполнения, но, увы, пока профинансировано из скромных возможностей издателя, с надеждой на помощь «сильных мира сего».

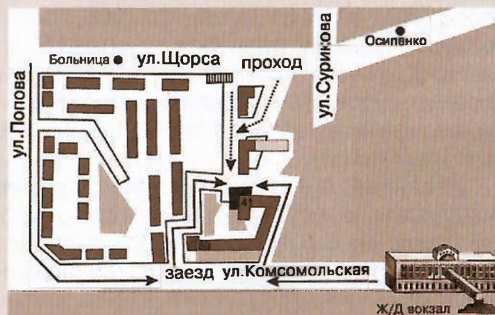
Историю России нельзя изучать вообще, ее можно изучать только на примере конкретных регионов и отдельных личностей. Хотелось бы, чтобы данная работа послужила фундаментом, организатором круга единомышленников по собиранию утраченных фактов и великих имен Вятского края. Прошу (хотя это и прозвучит банальным призывом) рекомендовать книгу, передавать из рук в руки. Она этого заслуживает.

Более того, как издатель предлагаю каждому владельцу книги и (или) читателю указывать свои данные на специально отведенных последних страницах. По прошествии времени будет интересно. Это тоже история.

Есть все основания надеяться, что данное издание – первая книга новой увлекательной серии.

С уважением,
Директор Издательства «Экспресс»
Николай Целоусов

P.S. Уже стало хорошей традицией писать отклики о книге, пожелания автору и издателю. Будем рады получить их, внимательно изучим. Ваше мнение – это окончание первого и начало нового макета книги, шаг к переизданию, которое скоро состоится.

610035, Киров, Сурикова, 41,
тел. (8332) 56-54-07, тел./факс (8332) 57-25-11

ГУБЕРНИЯ ВЯТСКАЯ

научное издание

Автор

Михаил Сергеевич Судовиков,
кандидат исторических наук, зав. кафедрой отечественной истории
Вятского государственного гуманитарного университета

Художественное оформление и допечатная подготовка оригинал-макета

Издательство «Экспресс»

Гл. редактор Н.Г. Целоусов

Редактор Е.Н. Целоусова

Гл. дизайнер О.В. Пестова

Выпускающий дизайнер, верстка, ретушь фото Н.В. Злобина

Корректор Л.Е. Бессонова

Фото и иллюстрации в книге из личных архивов автора, Н.Е. Завойской (г.Москва), Н.И. Кардаковой;
фондов краеведческого отдела Кировской государственной универсальной
областной научной библиотеки им. А.И. Герцена

ISEN 5-88786-014-6

9 785887 860145

Оригинал-макет подписан в печать 1.06.2006
Формат 60х90 1/8. Гарнитура ArtsansC. Усл.-печ. л. 16,00
Бумага офсетная. Печать офсетная
Тираж 730 экз. Заказ № 2079

Издательство «Экспресс»

610035, г.Киров, ул.Сурикова, 41,

тел. (8332) 56-54-07, 57-25-09, тел./факс (8332) 57-25-11, 54-73-06

E-mail: info@izdexpress.ru

www.izdexpress.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Дом печати - ВЯТКА»
610033, г.Киров, ул.Московская, 122